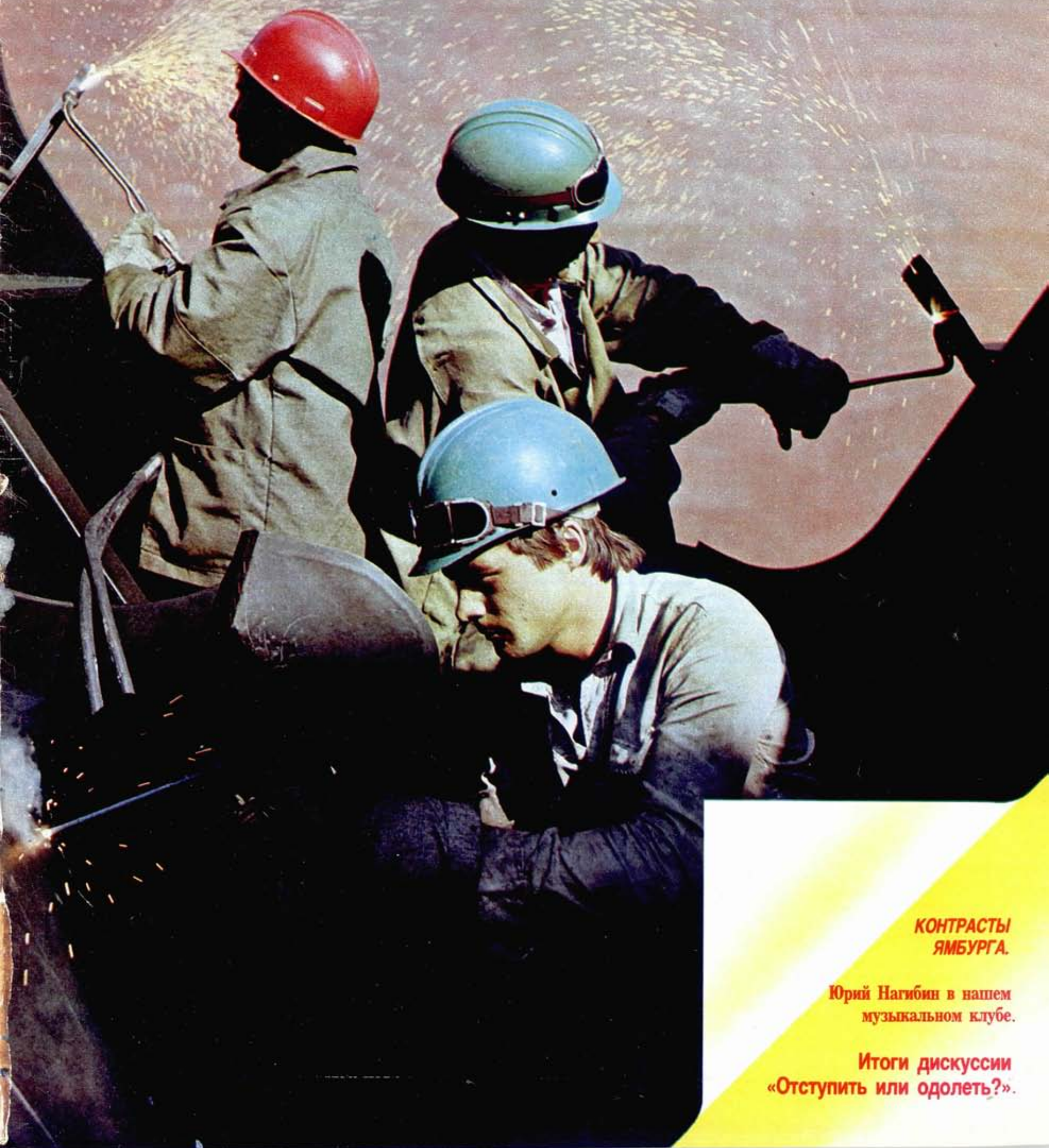

СМЕНА

№ 23 (1429) декабрь 1986

ISSN 0131-6656

**КОНТРАСТЫ
ЯМБУРГА.**

Юрий Нагибин в нашем
музыкальном клубе.

Итоги дискуссии
«Отступить или одолеть?».

НАЧАНИ С СЕБЯ!

Открытое письмо
секретарю обкома
комсомола

Михаил КИЗИЛОВ

Товарищ секретарь!
Накануне XX съезда ВЛКСМ ты, как и многие твои коллеги, обращаешься к комсомольскому активу, ученым, журналистам, ветеранам, ко всем, с кем связан комсомол, с просьбой высказать свои предложения для активизации, улучшения, углубления, совершенствования...

Поэтому рискнул и я поделиться некоторыми соображениями, которые, надеюсь, помогут тебе избежать ошибок, сделанных моим поколением. Что посоветовать в эту серьезнейшую для комсомола пору, когда от каждого зависит так много, когда от тебя ждут идей, предложений, действий?

Сегодня газеты, радио и телевидение каждый день говорят о перестройке. Сегодня мы все за нее, но не каждый понял: начинать надо с себя. И особенно это относится к тебе — комсомольскому секретарю. На тебя ежедневно смотрят сотни, а их глазами десятки и сотни тысяч молодых людей.

Вот и начни с себя!

Учись улыбаться

Ты иронически усмеаешься, дескать, несерьезное начало. Не торопись, друг. Пройди лучше по кабинетам и коридорам обкома, горкома, райкома комсомола, посмотри, какие серьезные люди в них сидят. А на бюро обкома! Взгляни на кое-кого из коллег за столом президиума.

Роден с любого мог лепить знаменитого «Мыслителя»!

Да что обком, это еще куда ни шло. Бюро иного райкома — это да! Вот где наполненные ответственностью и собственной значимостью «вожаки» молодежи зачастую восседают!

Вот видишь, ты даже в коридор не вышел, а уже улыбулся, представив коллег на бюро. Но ты все равно встань, пройдишь, посмотри и... улыбнись еще шире.

Улыбайся, друг, ты ведь молод, красив, силен, образован и многое можешь. Тебе так идет улыбка, которая согревает не только и не столько тебя, а всех, кто рядом, тех, кто за советом и помощью пришел.

Учись говорить

Опять недоверчиво улыбаешься?! Однако все-таки послушай себя и других, выступающих на том же бюро или аппаратном совещании. Вслушайся в выступления на пленуме райкома, заседания комитета комсомола школы. Вот оказывается, где образцово-показательный «комсомольский» язык.

К сожалению, много еще в комсомо-

ле вожаков, «вещающих» казенным языком комсомольского «штампа», с крайне бедным словарным запасом. Существует даже шутивно-трагическое выражение: «В докладе использовал целых пятьдесят слов».

А ведь слово — один из главных твоих инструментариев. Тебе не только доклады читать, но с живыми людьми говорить, статьи писать, по радио и телевидению выступать. Вот и стремись, чтобы язык помощником был. Великий и могучий язык. Твои соратники в этом стремлении: книги и журналы, спектакли и выставки, хорошие фильмы и люди, с которыми сталкивает жизнь.

Учись одеваться

С этим тезисом ты, конечно, не согласен. Совсем ветерана, дескать, занесло. Встречают-то по одежке, а провозяют по уму!

А ты уверен, товарищ секретарь, что только по уму?

Почему же тогда работники комсомольских аппаратов в костюмах в командировки едут: и на стройку, и на село, не говоря уже об обкоме, горкоме, райкоме. Не веришь? Взгляни на фотографии, что дома в шкафу лежат. Какой ты там?

В костюмчике с галстуком. Но почему ты на фотографию с субботника дольше всего смотришь? Нравишься себе? Естественно! На ней ты в резиновых сапогах, с лопатой и... радостной улыбкой. Отчего же ты косо смотришь да и зачастую замечание делаешь своему инструктору, когда он в свитере на работу приходит? А ежели девушка в брюках?

Не пускать ее в столовую! Нечего «в штанах» в серьезном учреждении ходить!

Что это, не ты? Не лукавь! Было, друг, было.

Вспомни, как приятно тебе на твоих сотоварищях в субботу смотреть, когда они на работу кто в чем приходят (по случаю выходного). И ведь именно по субботам столько бумаг пишется (и заметь, лучших по качеству бумаг) и настроение получше.

Может, все-таки и одежда кое-что значит в нашей работе?

И главное пожелание —

учись работать!

И не улыбкой, не словом, не одежкой, а делом доказывая свое право называться комсомольским секретарем! А дело наше, быть может, самое ответственное и самое для страны нужное — работа с молодежью. Воспитание входящих в жизнь поколений главному — любить человека и Родину, помнить, за что боролись старшие, и продолжать традиции!

Да, официально ты называешься комсомольским работником, но комсомол — это ведь не работа, не профессия, это, если хочешь знать мое мнение, — состояние души, форма интересной жизни. Ты всегда с юностью, всегда вместе с теми, кто начинает жизнь. Что может быть лучше, интереснее?

Как же можно воспитывать молодых?

Прежде всего собственным примером, поступком, действием. Ты, в отличие, скажем, от директора завода, не наделен никакой государственной властью, за твоей спиной нет должностных инструкций, министерств и т. д. Безусловно, Устав комсомола и принцип демократического централизма помогают тебе, но это тоже из факторов моральных и нравственных, но не правовых.

Все зависит лично от тебя. Сможешь убедить человека или нет? Поверят тебе или про себя усмеются? Пойдут за тобой или отвернутся? Середины нет. Ты всегда один на один с человеком, и твоя опора — убежденность, интеллект, знания.

И это самое сложное в комсомоле. Но и самое прекрасное! Именно поэтому комсомол — неповторимая жизненная школа, в которой ты учишься работать с людьми.

Конечно, от тебя многое зависит в комсомольской организации (чем быстрее ты это осознаешь, тем лучше). Но один мало что делает. А вот если тебя окружают единомышленники, такие же убежденные в правоте своего дела, инициативные, компетентные люди, тогда действительно комсомол — сила.

Судьба сталкивала меня с разными людьми: и с одаренными, талантливыми лидерами, и с махровыми перестраховщиками, чиновниками-карьеристами.

В нашем обкоме одним из секретарей был Валерий Сидоров. Обаятельный, чуточку ироничный человек, сочетающий жесткую требовательность к себе с искренней доброжелательностью к другим, много читающий, думающий человек. В обкоме его видели редко: все время пропадал в командировках по области либо на предприятиях города. Он всегда все знал и везде успевал. Если выступал, то в зале была тишина: и язык, и манера, и то, что он говорил, было непривычно, резало слух, но брало за душу. Если что-то придумывал, то через некоторое время задумка становилась делом всей областной организации.

Как он работал с подчиненными? Ставил большую перспективную задачу и контролировал узловые моменты ее выполнения. Никогда не опекал по мелочам, не докучал вопросами как и что, а, наоборот, заставлял думать и принимать самостоятельные решения.

Если писал доклад, то сотрудники аппарата украдкой старались заглянуть в кабинет. На столе лежали две стопки бумаги: слева — чистые листы, справа — исписанные. Посредине Валерий с ручкой. Никаких справочников, пособий, журналов. Как правило, после него документы не нравились.

А рядом с ним, кабинет в кабинете «трудился» Алексей Колосов. Всегда застегнутый на все пуговицы, с настроженным от собственной неуверенности взглядом, попавший в секретари методом «выжидания». Как же с ним было тяжело! Любая инициатива, любое дело оседало в кабинете. В обкоме даже была такая присказка:

«Надо завалить дело — иди к Колосову».

Конечно, время все поставило на свои места: Сидоров уже давно занимается серьезным, государственной значимости делом, Колосов «перебирает бумажки». Но ведь в свое время от Колосова многое зависело в областной комсомольской организации.

К чему это пишу? К тому, что от тебя зависит, кто будет приходить в комсомольские аппараты: Сидоровы или Колосовы? Будет ли молодежь верить своим лидерам или нет?

Именно из этого в конечном итоге формируется отношение к комсомолу.

Но все-таки как и с чего начать? А сначала! С основы комсомола — первичной организации, с комсомольского собрания класса, группы, цеха, бригады.

С доверия к коллективу!

Вспомни, сколько раз ты бывал на отчетно-выборных собраниях, сколько раз при тебе избирали комсоргов и секретарей комитетов комсомола. Процедура не хитрая. Вставал представитель вышестоящей комсомольской организации и говорил: «Есть предложение...». В лучшем случае добавлял: «Мы посоветовались...». А через несколько минут ты, уже как представитель еще большей комсомольской власти, желал вновь избранным не быть формалистами, зывал к активности и участию.

Что, не было? Было, сам так делал. Было, к сожалению!

Комсомол во всех своих делах силен инициативой и творчеством. Но как можно воспитывать в молодежи то и другое, если мы зачастую процедурой отчетов и выборов инициативу и творчество заформализовываем в зародыше.

Сегодня время требует, чтобы, скажем, в школе, комсорга избирали сами ребята, а не «назначал» классный руководитель. Вот и пусть избирают. Того самого неформального лидера, который уже давно ими верховодит. Жизнь показывает, что именно из таких в дальнейшем вырастают насто-

лише комсомольские вожаки. Вспомни себя в школьные годы!

В активистах не числился, хотя был душой коллектива. А если бы тебя, уже тогда лидера класса, комсоргом избрали? Уверен, что комсомол от этого только бы выиграл.

Сейчас ты каждый день бываешь на отчетно-выборных комсомольских собраниях. Вот и предложи коллективу избрать комсорга. Чтобы почувствовали перемену с самого начала — с выборного собрания, с доверия к комсомольцу, с уважения его собственного «я».

Каждый год ты со вздохом берешь в руки «кирпич» — самое большое постановление обкома (крайкома) комсомола, которое орготдел по итогам отчетно-выборной кампании готовит. Так называемый качественный состав комсомольской организации.

А ты не задумывался, зачем столько секретарей комитетов комсомола с высшим образованием?

Чтобы было куда после комсомола уходить!

Но почему мы, беря человека на работу, уже думаем о том, куда ему уходить? Тот, кто захочет учиться, будет это делать, нет — вернется на свое рабочее место, в свой цех. Что здесь плохого?

Много ли ты знаешь секретарей райкома комсомола без высшего образования? Нет. Я тоже почти не помню. А сколько настоящих лидеров могли бы и дальше прекрасно работать в комсомоле, но так и не выросли в секретари райкомов, не говоря уже об обкомах, только лишь потому, что учились заочно.

Зачем нам всеобщее высшее образование в комсомоле? Наоборот, хорошо, когда секретарь райкома, обкома, крайкома заочно учится, хотя бы даже потому, что два раза в год он становится таким, как многие, — рядовым студентом, сдающим сессию.

Конечно, одному всегда трудно. Плохо, когда не на кого опереться. Поэтому посмотри внимательнее, попристальнее на тех, кто рядом, кто в райкомах работает, кого в комитетах комсомола уважают. Не на тех, кто сам тебе на глаза показным делом и словом лезет, кто слепо стоит на непогрешимости своего личного мнения, а на тех, кто других слушать умеет и стремится коллективное решение выработать, кто способен не только действовать, но и думать при этом. Посмотри на того, у кого пленумы не как у всех проходят, кто выговор получил в свое время за слишком смелое новшество. Видишь, сколько набирается. Поинтересуйся и теми, кто книги и журналы читает, в театры регулярно ходит, кто спортом занимается, да еще и дворовую команду тренирует. И такие есть! Кто английский или немецкий на ускоренных курсах учит. Словом, ищи ярких, неординарных ребят.

Поезжай на завод, в институт, в райком и спроси (не по телефону у одного кого-то, а у коллектива, членов бюро, работников аппарата) мнение о человеке. Такая оценка — точная, объективная, реальная, коллектив редко ошибается.

И борись за каждого из них. Нашел перспективного человека, уверен в нем — докажи начальству, что именно он нужен на этом месте, докажи, несмотря на «бедную» анкету!

Ведь нашелся же в нашем обкоме человек, который вопреки годами сложившейся практике: секретарем обкома может стать только человек, прошедший школу первого секретаря райкома комсомола, — отстоял и «пробил» Сидорова, который первым райкома не был, да и послужной список его был весьма скромным.

И в том же обкоме другой человек, ничего не доказывая, по анкете рекомендовал Колосова. Второе проще, но это «проще» аукнется многие годы.

Самое страшное для комсомола — это серость, ибо она порождает

еще большую серость. Неумный, слабый человек, попадая в комсомольские руководители, в решении кадровых вопросов действует по принципу: хуже, чем я, или такой, как я. Что бы не «подсидели». А умный руководитель старается жить по-другому — умнее, чем я.

Скажешь, утрирую? Нет, это уже не только я. Это уже мое поколение говорит. Твоему поколению повезло. От вас требуют и просят действий. От нас просили согласований.

Конечно же, в любом деле главное — люди. Поэтому позволь напомнить еще об одном.

В комсомоле работают тысячи девушек. Тяжело им. Мужчинам иногда трудно бывает, что уж о девушках говорить. А мы вместо того, чтобы об их будущем думать: отправить в пятницу на какой-то вечер, в клуб, на слет, — все на собрания посылает. По субботам бумаги писать просим. И забываем о том, что сами-то уже женаты, детей воспитываем, а им, бедным, все некогда. И стареют они постепенно на работе, и приходят по вечерам к темным окнам своих пустых квартир. Это мы с тобой, друг, виноваты, по молодости не понимаем, наоборот, «шутим»:

— Наталия Андреевна, запомните, здесь вы не женщина. Здесь вы комсомольский секретарь!

Как же мне стыдно за эти слова! Что, твое поколение этого не говорит?

Стало быть, вы стали мудрее. А мы со всей комсомольской прямотой говорили им прямо в глаза и называли это товариществом. Если бы можно было вернуть время обратно.

Низкий вам поклон, милье и дорогие. Простите нас, если можете. Спасибо за то, что были рядом, что учили не только работать, но и человечность воспитывали в каждом из нас.

Каждый день ты внимательно читаешь молодежную газету. Нет-нет да и снимаешь трубку и хвалишь или, наоборот, критикуешь главного редактора. А ты как-нибудь соберись и поезжай в редакцию, посмотри, поговори с теми, кто там работает. А потом в молодежные редакции телевидения и радиовещания.

К сожалению, многие твои коллеги очень слабо используют возможности средств массовой информации. Комсомол только бы выиграл, если бы периодически на экране появлялись комсомольские работники, и ты в том числе, с конкретными проблемами, размышлениями, спорами. Для этого надо быть не только осторожным (не сказать бы лишнего), но прежде всего естественным, как в жизни. Многие боятся сделать первый шаг, не понимая, что работа в комсомоле уже подготавливала их к этому. Иди смелее! И в телестудию, и в газету давай свои материалы, и на радио записывайся. На первых порах всегда поможет верный друг — журналист, который готов работать вместе. Тебе нужно только одно — протянуть ему первую руку. И... не забыть сказать спасибо, когда материал напечатан или передача прошла в эфир.

Каждый ушедший из комсомола на всю жизнь запоминает годы работы с молодежью, и чем дальше, тем эти воспоминания становятся слаще и значимее. И болит душа, когда вспоминаешь прошлое: многое не так надо было делать, но еще больше болит, когда думаешь о будущем. Так уж устроен человек: вспоминая прошлое, глядеть в будущее.

Извини, друг, за некоторую категоричность и назидательность, но, поверь, они продиктованы только опытом и искренним к тебе уважением.

Успехов тебе, дорогой товарищ, не только в проведении отчетов и выборов, но и во всей твоей жизни, которая для тебя сегодня, счастливый человек, вмещается в одном емком слове — комсомол.

ЧЬЯ ЖЕ ЭТО БЕДА?

Читательница Н. Смирнова сообщила нам, что в детских больницах Ярославля подолгу задерживаются вполне здоровые ребята, оставшиеся без родительского внимания. Что мешает устройству малышей в государственные детские учреждения? Какую заботу о брошенных детях проявляют комсомольцы детских больниц и медицинских учебных заведений? Эти вопросы интересовали наших корреспондентов в ходе рейда, итоги которого опубликованы в «Смене» №12.

Публикация задела читателей. Пришли многочисленные отклики, в них — и возмущение черствостью должностных лиц, воспринимающих детскую беду как нечто само собой разумеющееся, и искреннее сострадание детям-сиротам, и размышления о человечности, доброте, ответственности за все, что происходит рядом с нами.

«У меня никак не укладывается в голове, что вообще возможно такое равнодушие отношение к детям», — пишет Марина Романовская, комсомолка из Красноярска, мать троих детей. — Да не просто к детям, а к малышам, лишенным материнской ласки и ухода. Такая волянка с документами отражается в первую очередь на здоровье ребятшек. Меня особенно поразило, что студенты-медики, комсомольцы, так безучастны. «Не думали» о тех, кому они просто обязаны помочь. Очень бы хотелось, чтобы поскорее решился вопрос, поставленный в статье. Я не верю, что ничего нельзя изменить. Просто ответственным товарищам надо быть действительно ответственными».

И. М. Стрелков из города Устинова и Н. Ф. Алексеев из Ленинграда справедливо требуют жестче наказывать родителей, ведущих разгульный образ жизни и не заботящихся о своем потомстве. «Если бы с них взыскивали в течение 18 лет алименты на детей», — замечают авторы писем, — вряд ли бы водились у нас такие «хукушки».

Здоровые дети в больнице, как видно, — парадокс не одного Ярославля. Вот строки из письма юриста киевской детской больницы №15 И. Л. Фельдмана: «И у нас безнадзорные дети (подкидыши, сироты) длительное время, иногда много месяцев, находятся в стационарах. Часто они даже не умеют говорить в три года. Их физическое и умственное развитие заметно отстает, и болеют эти детишки то и дело. Такая нелепая практика сложилась не из-за отсутствия мест в домах ребенка, а из-за трудностей со сбором и оформлением документов. Хотя можно сначала поместить ребенка в нормальные условия, а уж потом собирать всякие справки. Да и количество их нужно существенно сократить».

Мнение читателей единодушно: забота о детях и бюрократизм, равнодушие — несовместимы.

Поступил в редакцию и официальный ответ, подписанный первым секретарем Ярославского горкома ВЛКСМ Сергеем Березкиным:

«Горком комсомола совместно с горздороводелом проанализировал работу детских лечебных учреждений, а также недостатки, указанные в статье «В стороне от беды». По данному вопросу состоялось бюро ГК ВЛКСМ, на котором были обсуждены конкретные меры по оказанию помощи детским учреждениям. В настоящее время областной Дом ребенка полностью укомплектован детьми. В сентябре освобождено 50 мест в Доме ребенка, и дети, от которых отказались родители, из больниц переведены туда».

А вот дальше комсомольский руководитель резко меняет тему:

«Комсомольские организации города постоянно оказывают помощь детским домам и школам-интернатам. В областном Доме ребенка работает отряд «Санитар» из числа учащихся медицинского училища № 1. Учащиеся ПТУ № 30, 31 ухаживают за детьми, приводят в порядок территорию и помещение детского дома. Силами комсомольцев завода дизельной аппаратуры оборудована детская площадка. Каждое лето студенческие строительные отряды государственного университета перечисляют заработанные средства на счет Дома ребенка...»

Все это прекрасно. Но какое отношение имеют перечисленные меры к несчастным ребятишкам, по чьей-то халатности месяцами томящимся в больницах? Читаем дальше:

«Данная статья обсуждалась на заседании комитета комсомола медицинского института. Было решено перед практикой студентов педиатрического факультета в детских больницах проводить специальные собеседования со студентами и в течение работы осуществлять постоянный контроль со стороны комитета комсомола».

И опять разочарование. Из ответа так и неясно, о чем беседуют со студентами-практикантами. Об учебной программе, о долге врача?.. И какую, собственно, работу контролирует комитет комсомола медицинского института? Мы полагали, что на комсомольских собраниях студенты-медики и учащиеся медучилищ решают, кто из них возьмется ухаживать за «отказными» детьми. Ведь погулять с ними лишней часок, поиграть, почитать книгу — не так уж сложно.

«В то же время», — продолжает С. Березкин, — принятые меры не позволяют говорить об устранении всех негативных явлений. Одной из основных задач комитетов ВЛКСМ остается работа с молодыми семьями, матерями. Райкомам, комитетам ВЛКСМ поручено проанализировать состояние дел во всех детских домах и школах-интернатах города, наметить конкретные мероприятия, обеспечивающие повышение эффективности данной работы».

Самокритика — вещь полезная. Только о каких «принятых мерах» идет речь? Их-то как раз и нет. От анализа «состояния дел в детских домах и школах-интернатах» здоровых малышей, попадающих в больницы, не убавится. Впечатление такое, что Ярославский горком комсомола так и не понял, за что его критиковали. Пора отвыкнуть от общих слов. Пора заниматься конкретными делами.

Подводим итоги читательской дискуссии «Отступить или одолеть?»

Напомним читателю, с чего началась дискуссия «Отступить или одолеть?». С писем инженера Ольги Борисовой и учителя Андрея Окаемова. Суть их — в противостоянии авторов своему окружению. Друзья и однокашники Ольги Борисовой «устроились» в жизни тем или иным способом, отложив дипломы «на черный день». А она «устраиваться» не захотела. «Не хочу жить их жизнью», — написала Ольга Борисова, и, хотя живет ей материально трудно и одиноко, менять свою жизнь не собирается, а собирается обстоятельства «одолеть». То есть она сознательно выбрала себе позицию и не без вызова называет себя «ненормальной». Андрей Окаемов, напротив, считает себя вполне нормальным, а в своей обособленности не виноват, так сложились обстоя-

тельств и препятствий, которые возникают на нашем стремительном пути вперед, — советовал Ольге и Андрею пропагандист В. Ф. Руднев. — От каждого из нас общество ждет осознанного и активного социального действия. Ум, риск и смелость — вот главные приметы нашего современника...» И так далее. «И потому я уверен, — завершал В. Ф. Руднев свое обращение, — что большинство читателей, которым журнал задал столь актуальный вопрос: «Отступить или одолеть?», ответят на него без сомнений: «Конечно, одолеть!», подтвердив свои слова делами, поступками, энергией».

Увы, большинство читателей не знало, что В. Ф. Руднев за них поручился, и его ожиданий не оправдало. Был, правда, читатель, который жизнелюбно уверял Андрея Окаемова, что никуда уезжать не надо, что клуб закрыт «вре-

Завидую я В. Ф. Рудневу, советуемому с уверенностью необыкновенной «не бояться любых сложностей и препятствий», но не рискнул бы испытать его, попросив реально помочь Галине Дмитриевой из Новосибирской области, которая пишет: «Вот уже 10 лет дышу «гнилью болотной»... в селе, где мы живем... как на кретинов смотрят на тех, кто покупает книги... бескорыстно помогает людям... Мне страшно, что в такой среде растут мои дети...». И тому подобное. Полагаю, что я поставил бы В. Ф. Руднева в исключительно неудобное положение, поскольку слова о «нашем стремительном пути вперед», так же как и о главных приметах нашего современника, Галина Дмитриева, несомненно, уже слышала и читала не раз, а видит другое, так что ей не фразы, а вполне конкретное знание нужно — что делать?»

Вот здесь я хочу сделать одно уточнение. В письмах речь идет именно о том, что **видят** молодые люди в жизни, и, надо сказать, картина действительно, нарисованная ими, выглядит весьма мрачно. Однако составить себе представление о реально существующей в нашей жизни несправедливости из откликов вряд ли удастся. Почему? Да потому, что мало увидеть, увиденное надо понять, замеченная несправедливость должна бы стать поводом не для отчаяния, а для размышлений, однако многие, как правило, не истолковывают ее, а моментально абсолютизируют. И она заслоняет мир.

равнодушные окружающих. А чем же они сами-то от соседей отличаются, те тоже перетерпеливают, я даже допускаю, что кто-то из окружающих Николая С. с гневом написал бы о нем самом, как о человеке, попустительствующем развалу. И был бы прав ничуть не меньше.

Как видим, особенность таких писем, а их немало, в том, что продиктованы они личной обидой автора на обстоятельства. Никто, за редким исключением, не пишет о чужой беде. Мои неприятности — это да, это трагедия. То, что дано другому, меня волнует, потому что это несправедливо по отношению ко мне. Почему вон у того есть все, хотя он ничуть меня не лучше. Он даже хуже, потому что он — кто-то там, не знаю. А я — это я. Мне-то это совершенно очевидно. «Как же так получается, — спрашивает Николай С., — у одних есть все, квартиры, машины, ковры, а ни одна мозоль их руки не украшает? А тут вкалываешь так, что бывает, еле ноги тянешь от усталости, не пьешь, не куришь, а денег как не было, так и нет».

Но что же мешает вам, дорогой Николай С., отправиться на другую стройку, где выше механизация, найти более квалифицированную работу, начать больше зарабатывать и меньше страдать? Ах, да, квартира! Она — плата за страдания. Ну, так и не жалуйтесь, раз выбрали эту плату и этот путь к ней.

Да нет же, вовсе я не за то, чтобы все разом замолчали и смиренно принялись дальше поддакивать самодурам, хамам

Владимир ЧЕРНОВ

ПОБОРОТЬСЯ

ательства: он создал в школе, где преподавал, клуб любителей искусства «Прометей», но «клуб — пал, сраженный анонимкой». И теперь Андрей в отчаянии: «Никто не хочет выслушать, понять». «Честное слово, руки опускаются, когда вот так, лоб в лоб, сталкиваешься с обывательщиной». Он намерен школу оставить, при первой возможности перебраться в другое место, готов «отступить».

Но вы заметили: ни Ольга, ни даже Андрей не просят от редакции помощи. Чего же они хотят? Вот здесь важный момент. А хотят они одобрения.

Ольга Борисова потому написала в редакцию, что у нее наболело. В самом деле, обидно: живет, не сгибается, не ища «легких» путей, но даже доброго слова в награду не слышит. А у тех, кто «отступил», никаких там страданий, сомнений, веселы, уверенны, материально независимы, интересуются: «Тебе еще не надоело мыкаться? Может, начнешь наконец жить, как все?» Проще говоря, тому, кто живет правильно, плохо, а тому, кто неправильно, хорошо. Где справедливость? Андрей Окаемов пришел в свою школу с самыми лучшими намерениями, а в ответ — зависть и злоба. Несправедливо.

О несправедливом устройстве мира сообщали нам они.

То есть понимаете, что происходит? Жить, как в школе учили, как в книгах написано, значит получить взамен лишь возможность при случае заметить о себе: мол, «беден, но честен». А предстанит ли случай? Чаще в лицо смеются: ну и сиди со своей честностью! Глухо вокруг. Вот почему пришлось писать в редакцию. Рассказывать самим о себе. Должны же были в огромной стране найтись люди, способные понять, разделить, поддержать, а возможно, и научить. Кто-то должен услышать.

Читатели услышали. Правда, каждый свое. «Важно не бояться любых сложно-

менно», а гонители вскоре одумаются и снова его откроют. Но и он призывает бедного учителя не «одолевать», а подождать, так сказать, «потерпеть». Большинство же как раз сильно сомневалось, что «одолеть» «обывательщину» запросто удастся. «Одолевать», конечно, надо, положено «одолевать», иначе стыдно, но вот веры в удачу маловато. Некоторые читатели предлагали — и не «одолевать», и не «отступать», а плюнуть на гонителей и ехать к ним, здесь у них все условия для клуба «Прометей» есть, лишь Окаемова не хватает.

Нам сейчас важно заметить вот что: большинство откликов свидетельствует о том, что молодежь оценивает свои возможности совершенно иначе, чем от нее требуют. «Нам говорят, что надо бороться, — пишет Галина Крючкова из Каменск-Уральского Свердловской области. — Да поймите же, что в таких условиях бороться очень трудно». «Трудно, очень трудно, — вторит ей Наталья Кудря из Донецкой области, — бывает иногда отстаивать свои убеждения». Почему? «Засилье бюрократизма, море инструкций, указаний топит живую мысль, порождает пассивность», — отвечает студент Роман Алексанов из Жуковского Московской области. И какова бывает плата за попытку «одолевать» обстоятельства, рассказал в ходе дискуссии писатель Диас Валеев. Капитан милиции, выступив против очковительства, решил стоять на своем до конца. Одиннадцать лет бился, по сути, в одиночку, хоть временами и одерживал победы. Он остался верен себе. Вот только организм его не выдержал, капитан стал инвалидом. Достоин ли он глубочайшего уважения? Еще какого! А сами вы не хотите повторить его путь? Вот то-то.

Не потому ли и «отступивших» вокруг нас — не протолкнуться, а где же «одолевающие»? Их приходится отыскивать.

Да не обидится на меня Андрей Окаемов, но что такое, по большому-то счету, крах его клуба? Что, жизнь на этом закончилась? Несправедливость восторжествовала тотально и на веки веков? Да ничего подобного. Потрачены силы, нервы, отравлено настроение, но нет никакой трагедии. Более того, если эта история способна сломать человека, то немного же он стоит. Простите, Андрей.

Оттого многие читатели не знают, чем помочь авторам двух первых писем, что вся жизнь, целиком, кажется им беспросветной. О чем же сами-то они писали? А они рассказывали собственные истории.

Вот некий А. К. отправился работать в сельскую амбулаторию, потому что в деревне ему пообещали дать квартиру. Работать он собирался как следует, принялся свою амбулаторию ремонтировать и приводить в порядок, однако с изумлением заметил, что, кроме него, никому это не нужно и помогать ему никто также не намерен. А. К. тогда взял и решил: «Ах так! Ну и я буду работать «от» и «до», стану «бумажной крысой». И стал. «Ну и что же сейчас? — пишет он с глубоким сарказмом. — Как все было, так и есть, ничего не меняется». А квартиру ему, между прочим, так и не дали. Ну, что ему осталось думать об окружающей действительности?

Читатель Николай С. с горькой усмешкой описывает безобразия на стройке, откуда все бегут из-за плохой организации дела, грубости начальства, массы ручного труда и мизерных заработков. Нет предела возмущению Николая С. Сам он, однако, на этой стройке работает вот уже пять лет. А-а! Так он тут борется, так сказать, «одолевает» рутину? Да нет, ему здесь жильё обещали, вот он стиснул зубы и решил все перетерпеть.

Оба читателя негодуют, описывая

и демагогам. Я просто против того, чтобы непременно сравнивать собственную жизнь с жизнью того, у кого всего больше. Ну почему никто из нынешних страдальцев не догадается соотнести жизнь свою не с завидным житейем соседа, а с теми вечными ценностями, которые сами по себе есть благо и их одних, помимо машин и ковров, вполне достаточно человеку, чтобы стать счастливым? Почему для счастья необходим именно полный джентльменский набор престижных для сегодняшнего дня вещей и иных благ? Одного-единственного компонента, не хватающего в этом наборе, порою довольно, чтобы сразить человека наповал несправедливостью, совершенной жизнью по отношению к нему. У соседа-то этот компонент есть. И даже в двух экземплярах!

Такая позиция убедительно свидетельствует о том, что справедливость есть вещь относительная. Впрочем, как и несправедливость. Ведь стоит жизни или проклятым бюрократам не поступить несправедливо по отношению к потенциальному страдальцу, не вызвать у него личной обиды, он с ними и сражаться не станет и будет даже всех уверять, что мир справедлив, хотя в нем и много недостатков. Но что недостаток, если лично его они не касаются.

«Почему некоторые юноши и девушки не хотят активно участвовать в общественной жизни?» — задается вопросом Ирина Беркович, проектировщица из Минска, и отвечает: «Молодежь не отстаивает свои права, привыкает к положению, когда ее проблемы решают другие, старшие». Объяснение не новое, но доля истины в нем есть. Несамостоятельность, социальный инфантилизм молодежи — вещи самые реальные. Со школы почему-то рождается в молодом человеке ощущение, что лишь вступит он в жизнь, как все необходимое явится к нему. Столь многое обещаем мы

школьникам, так безоглядно расхваливаем возможности, которыми награждает взрослая жизнь, что уверен ребенок: ему обязательно воздастся, причем сторицей, и с криком «Ура!»,—и эта вера есть первый шаг к последующему безверию. И почему бы нам сразу не сообщать нашим детям, что жизнь—не райские кущи, а занятие весьма суровое. И может вовсе не произойти в ней великой радости и всеобщих приветствий, даже если и сделает нечто полезное молодой, начинающий жизнь человек. И во все времена пробивались трудно предлагавшие новое, просто-напросто потому, что любое человеческое сообщество консервативно биологически, а консерватизм—суть вещь необходимая для стабильности этого самого сообщества. Молодым согласиться с этим крайне нелегко. Но это—факт.

А как же коррупция, мошенничество, взяточничество и сопротивляемость нечестно живущих людей? От этого—как не прийти в отчаяние! А очень просто как: надо думать. Всмотриваться в мир и обдумывать увиденное. Этим слишком многие, к сожалению, себя не затрудняют. Надо научиться жить! Когда молодой человек слышит такие слова, он расценивает их в наши дни совершенно неоднозначно—как призыв лицемерить, ловчить, приспособливаться, давить ближнего. А жить честно—чему же тут учиться? Мы это с детства умеем. Так вот—все наоборот. Самая простая наука—следовать своим желаниям, лени своей, капризам и прихотям. Самая

ведь такие люди—золотой фонд нации. Вывести на чистую воду взяточника, бюрократа—все равно что найти клад».

Как видим, даже автору и этого письма не удалось придумать ничего лучшего, как предложить лично заинтересовывать будущих борцов, заинтересовывать материально. А как еще? Вот пишет в редакцию военный служащий С. Бычков: «Многие... часто не знают, с чего начать... Может, кто-нибудь подскажет?»

А это вопрос к воспитателям молодежи, которые обладают завидным пафосом, втолковывая своим подопечным: «Боритесь! Хорошо быть борцом!» Далее этого призыва воспитатели часто не идут, а ведь именно далее-то все самое сложное и начинается. Хорошо, уговорили, начинаем бороться, но с кем конкретно и как? А это вопросы часто решающие.

Вот пишет нам Александр Мосякин из Калининской области: «Нас всех научили говорить красивые слова, но не научили совершать красивые поступки. Только и слышишь: «Боритесь! Не проходите мимо!» А проку мало. Нужно прежде создать такие условия, чтобы и у не совсем храбрых появилось желание не проходить мимо... А остаться единственным воином в какой-нибудь конторе хуже, чем на поле боя. Знаю по личному военному опыту. Оставался. И, хотите верьте, хотите нет, чувствовал себя прекрасно. Там я гордился собой, зная, что приношу Родине пользу, пусть

СО ЗЛОМ

сложная—научиться жить честно, видеть факты, искать правду и не приходить в отчаяние по любому поводу, так же как не завидовать ближнему. Это—тяжелое учение.

Почему и с каких пор стали мы думать иначе? И не произошло ли это потому, что все становление молодого человека в наши дни слишком часто происходит по какой-то инерции, его как бы сплавляют по течению—родители, школа, вуз, и он охотно сплавляется, не пошевеливая при том и пальцем. Вот очень точное письмо без подписи: «Будучи студенткой, я заметила, что около семидесяти процентов студентов способны либо зубрить, либо передергать со шпаргалок. А на работе роль шпаргалки выполняют пресловутые «указания» и не первой свежести инструкции. И это неудивительно—если не хочешь или не можешь думать, остается только благоговейно перед «начальством». У меня создается ощущение, что люди глупеют не по дням, а по часам...». Каким же представляется автору письма результат такого мировосприятия? А вполне логичным: «Вот практически каждая проблема и «решается» у нас 10—20 лет (это видно просто из газет). Между тем для решения не требуется часто и денежных средств, а только элементарные расторопность и сообразительность... Ведь и само возникновение проблемы—часто результат чьей-то халатности».

Именно поэтому написавшая письмо женщина и не верит в возможность массового появления людей, взявшихся «одолеть» несправедливость. Потому и предлагает далее: «А борцов за справедливость (пока они еще не вымерли) нужно стимулировать и морально, и материально. Существует медаль «За отвагу на пожаре»? Учредите орден «За мужество в борьбе с бюрократизмом». Установите единовременное солидное вознаграждение—не нужно скупиться,

и ценой собственной жизни. А в будничной борьбе люди и эту веру теряют. Не поймите меня, что я призываю складывать крылья. Боритесь за справедливость... Но боритесь больше за других, а не за себя лично. Как в старину говорили: «За други своя». По-фронтовому».

Александр Мосякин дает совет, исходя из собственного опыта, и потому абсолютно точно формулирует первый принцип его: не за себя, «за други своя». Именно этой формулой легко поверяется сама справедливость борьбы. Если только за себя стоять, за справедливость лишь по отношению к себе, любимому, нечаянно можно оказаться и среди тех, кто сеет несправедливость.

Нет умения бороться за социальную справедливость, никто не учит технике ее, тактике и стратегии. Учиться приходится на собственном опыте. И отчаяние при первом же столкновении со злом—плохой учитель. Как поступить Андрею Окаемову: отступить или одолеть? Хотелось бы одолеть. Но для этого надо ли ему уехать или продолжать безостановочно и упорно «бить в одну точку», пусть годы на это уйдут, пусть пошатнется здоровье? И, кстати, какой из вариантов будет означать именно «одоление», а не «отступление»? Он сам все это должен решать. А не умеет пока. Тут и есть основная его беда. Права библиотекарь Валентина Величко, повернувшая в своем письме рассматриваемый вопрос под иным, чем все смотрели, углом. И вопрос перестал быть неразрешимым. Она написала Окаемову: «Теперь и вы причастны к вечной борьбе добра и зла... Ищите близких по духу людей. Они есть. Они поймут и поддержат вас».

Ну конечно же! Глупо расценивать встречу со злом, как встречу роковую и в вашей жизни решающую. Жизнь впереди огромна, много в ней будет и злого, и доброго. Первая встреча—первый урок. Надо приниматься за учебу.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1429) ДЕКАБРЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: сварщики.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

- 1 К XX СЪЕЗДУ ВЛКСМ. Михаил КИЗИЛОВ. «НАЧНИ С СЕБЯ!»
- 2 ИТОГИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДИСКУССИИ «ОТСТУПИТЬ ИЛИ ОДОЛЕТЬ?». Владимир ЧЕРНОВ. «ПОБОРОТЬСЯ СО ЗЛОМ».
- 4 «ПОВТОРЕНИЕ ОШИБОК?». Фотоочерк Вячеслава БЕЛОВА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 7 Стихи Галактиона ТАБИДЗЕ.
- 8 Повесть Виктора ПРОНИНА «НОЧЬ БЕЗ ВРАНЬЯ».
- 16 Михкель АЙТСАМ. «ПРЕОДОЛЕНИЕ».
- 18 Юрий ФЕОФАНОВ. «АНОНИМКА».
- 20 Вячеслав ШУГАЕВ. «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПАМЯТИ».
- 22 АДРЕС ИНТЕРЕСНОГО ОПЫТА. Петр НОВИКОВ. «ДАЙТЕ КНИГУ БЛАГОДАРНОСТЕЙ!»
- 24 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ». Юрий НАГИБИН. «СТРАСТИ ОТ ИОАННА».
- 27 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗЕМЛЯ, МЫ ДЕТИ ТВОИ».
- 28 ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА. «РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ СЕЛА САХНОВКА». Фотоочерк Генриетты РЕПИНСКОЙ и Виктора ЧЕРНОВА.
- 32 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА. Светлана АНИЧКИНА. «ВЯЗАНАЯ НИТЬ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

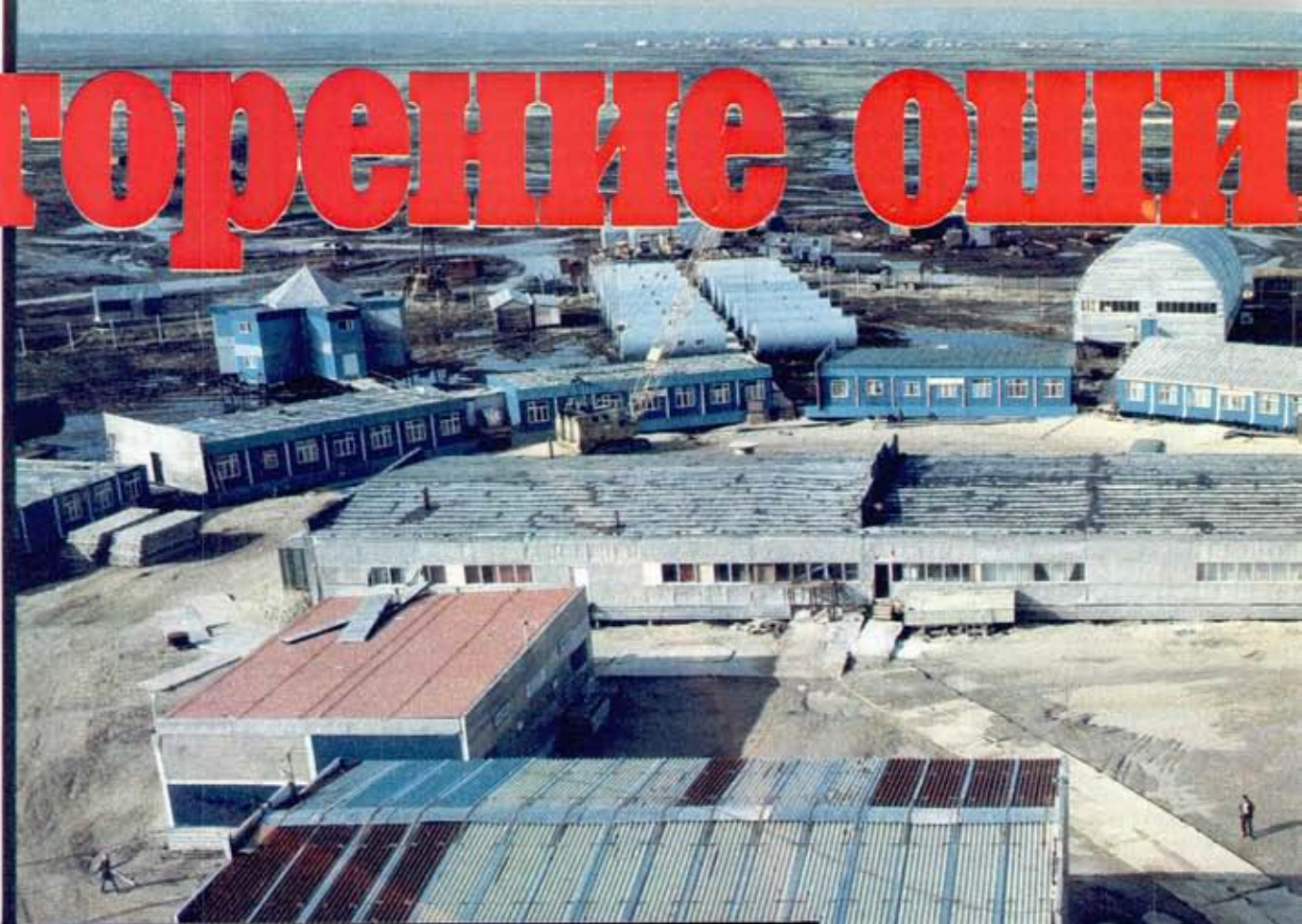
ПОВТОРЕНИЕ ОШИ

Вячеслав БЕЛОВ.

Фото
Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

Громадным треугольником выглядит на карте севера Тюменской области район Медвежьего, Уренгойского и Ямбургского газовых месторождений. Сначала была точка у Полярного круга — поселочек Надым (теперь город), затем от нее к востоку протянулась прямая дорога к Медвежьему и далее к другой точке, у которой вовсе не было названия (теперь там тоже город — Новый Уренгой).

Пришло время, и от этих двух городов ушли пути на север. Сойдясь, дороги обозначили этот самый треугольник с северной его вершиной, уже за Полярным кругом — у ненецкого поселения Ямбург. По масштабам предстоящих здесь дел, а значит, и числу работающих рассчитывали и Ямбург сделать

ХОЗЯЕВА ЗДЕСЬ — СТРОИТЕЛИ.
СВАРШИК АЛЕКСЕЙ ГРИДИН И
ПРОРАБ АЛЕКСАНДР РУДНИКОВ.

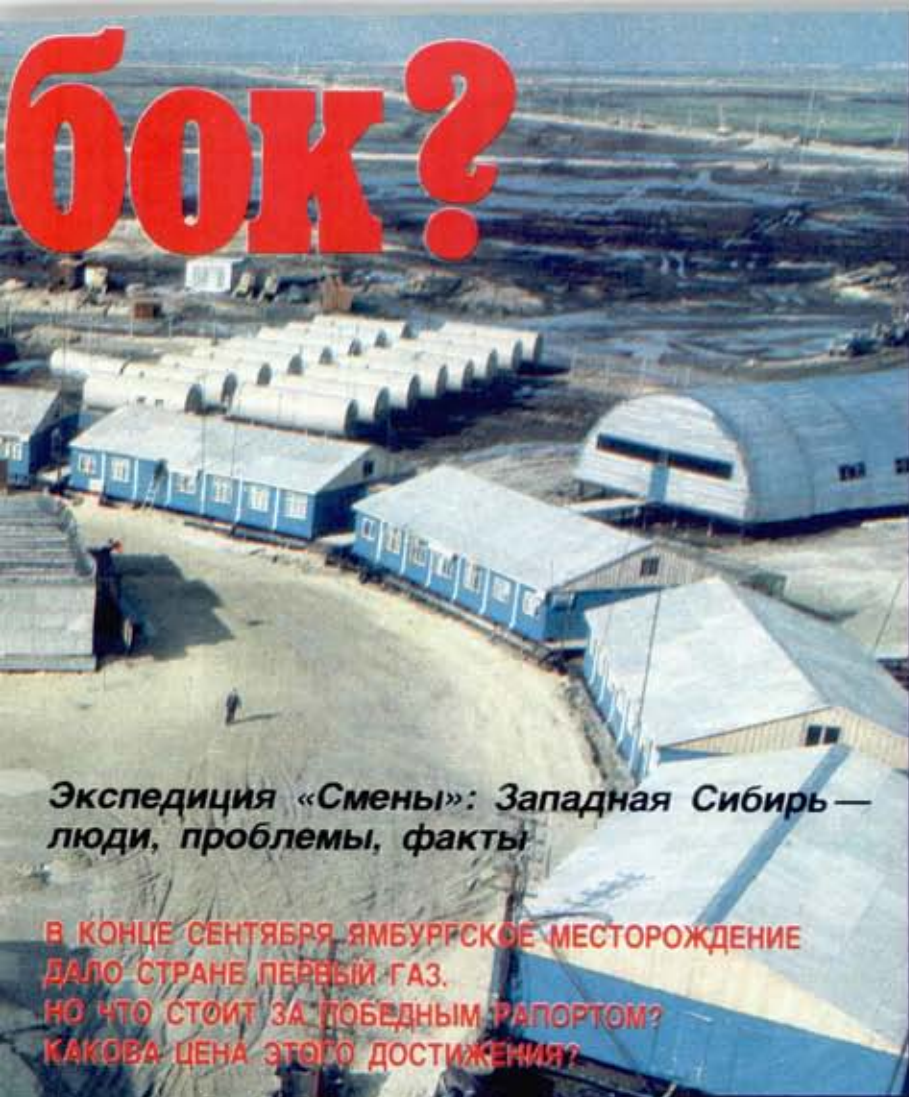
городом и начали было эту идею осуществлять, но когда семь раз отмерили, поняли: городу не быть, строить его нецелесообразно, и в первую очередь из-за неблагоприятных природно-климатических условий. И вообще никто из строителей и газовиков жить в Ямбурге теперь постоянно не будет: впервые в практике крупнейшее газовое месторождение Севера решено полностью обустроить и эксплуатировать вахтовым (вахтово-экспедиционным) методом. Решение во всех отношениях разумное, да вот беда — слишком поздно оно созрело. Приказ Мингазпрома и Миннефтегазстроя от 13 января 1986 года появился на свет, когда в Ямбурге жили и трудились уже тысячи людей...

В день, когда мы прибыли в Ямбург, неласковое заполярное небо, сменив гнев на милость, открыло наконец дорогу солнцу. Но обнаженный по пояс парень на берегу Обской губы, решивший, видимо, насладиться августовским теплом, выглядел здесь все-таки фигурой экзотической. Стоял он фертом, как влитой, широко расставив ноги, откинув назад голову и закрыв в блаженстве глаза, этаким северный Аполлон, биндюжник машущего кранами, грохочущего Ямбургского порта.

— Загораем?

— Ага, — парень лениво разомкнул веки, — по причине неприбытия колесного грузового транспорта и потому

бок?

Экспедиция «Смены»: Западная Сибирь — люди, проблемы, факты

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ ЯМБУРГСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ ДАЛО СТРАНЕ ПЕРВЫЙ ГАЗ. НО ЧТО СТОИТ ЗА ПОБЕДНЫМ РАПОРТОМ? КАКОВА ЦЕНА ЭТОГО ДОСТИЖЕНИЯ?

А с вертолетами, между прочим, тоже проблема — точнее, с вертолетными площадками. Уже сейчас в зоне освоения месторождения вертолеты делают более пятидесяти посадок в день, но потребности в увеличении числа рейсов растут с каждым месяцем, сеть же оборудованных площадок расширяется очень медленно. И не только в Ямбурге. Надым и Уренгой — базовые города на освоении Ямбургского месторождения, но в обоих городах нет ни удовлетворительных вертолетных площадок, ни запов ожидания, ни гостиниц для вахтовиков: их просто не успели построить. А ведь часть вахтовых бригад (и немалая) работает вахтово-экспедиционным методом, то есть проживает не в Надыме и Уренгое, а в других городах страны,

плексной подготовки газа я побывал как раз в то время, когда здесь днем и ночью шла напряженная работа перед предстоящим пуском. И опять же ни о каком вахтовом методе производства речи и быть не могло: в сентябре объект должен быть сдан! Штурм? Ну, а как это еще назвать? По-моему, на любых пусковых объектах строители другого способа работы и не знают — появляются и силы, и ресурсы, ключом бьет инициатива, буквально все, от рабочего до инженера, выкладываются до конца и в бешеном ритме. Тут уж не до отдыха: несколько часов для сна — и работа, работа, работа... Не скрою, многим это нравится — показать, на что способен, ощутить силу свою и мастерство в силе и мастерстве коллектива. Понятно,

СТУДЕНТКА ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮЛИЯ МИХАЛЕВА ПРОВЕЛА СВОЙ ТРУДОВОЙ СЕМЕСТР ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУТОМ.

еще... — он сделал многозначительную паузу, — что зимы у нас здесь всего десять месяцев, а все остальное время лето, лето, лето, аж надоедает...

Юмор я оценил, но и удивился:

— Так вы что же, безвыездно?

— Как это? — Парень явно не понял, о чем это я.

— Ну, а вахта...

— А-а, это... Да какая сейчас может быть вахта! Навигация идет. Только успевай поворачиваться — суда к стенке один за другим швартуются. А посмотрите, сколько их ждет очереди на рейде. А то ва-ах-та. — Парень растянул это слово в незлобивой иронии. — Оно, может быть, и хорошо: месяц или там два повкальвал и на месяц отдыхать — к мамаше на пироги или к жене под бочок. А у кого семьи еще нет или мамаша, скажем, на Дальнем Востоке проживает? Вот то-то и оно... Тут много может быть неувязочек. Так что и начальство наше пребывает в некоторой растерянности. У меня, к примеру, ямбургская постоянная прописка, приехал сюда после армии, рассчитывал невесту привезти, квартиру какую-нибудь получить или на первый случай комнату в общежитии. А ко мне с ножом к горлу: выписывайся, в Ямбурге никто постоянно жить не будет! Да нет, я все понимаю. Зимой здесь, — он поморщился, — ой не сахар — тундра все-таки, длинная полярная ночь, а ведь все работы на открытом воздухе... Даже для крепких

мужиков трудно! Так что семьи сюда везти, детей никакого резона нет. Вахта — это правильно. Только как это все организуется, не знаю...

Он посмотрел в сторону рейда и вдруг весело сказал:

— О! А вот и вахтовый метод в действии... Смотрите, какой красавец! Одно удовольствие прокатиться после трудов праведных — уютная каютка, плеск северных вод и созерцание первозданной природы... Да только желающих мало.

К порту подходил вахтовый пароход «Ленинский комсомол», совершающий регулярные рейсы между Ямбургом и устьем реки Надым. Конечно, было бы куда лучше, если бы он ходил до самого речного порта Надым, но это, к сожалению, невозможно, поскольку фарватер реки очень сложен и опасен для прохода судов такого класса. Так что пассажирам приходится плыть с пересадкой: по реке Надым на катере, по Обской губе — на пароходе. В общей сложности дорога от города Надыма до Ямбурга водным путем занимает около суток — действительно, желающих прокатиться с комфортом мало находится среди занятых людей. Вертолетом на ту же дорогу уходит всего полтора часа. Вот и с этого рейса, который мы встретили в Ямбургском порту, вахтовиков было что-то не видно — пароход привез только артистов из Казахстана...

даже очень далеко на юге — в Алма-Ате, например. И далеко не всегда при доставке вахт на работу или с работы им будет благоприятствовать летная погода. Наверняка самолетные и вертолетные рейсы будут откладывать и на день, и на два, и на больший срок — север есть север. Так где же вахтовикам коротать это время? Вопрос далеко не праздный — насущный, но сегодня на эту тему больше пока разговоров и перебранок между газовиками, строителями и авиаторами, чем дела. В том же Ямбурге зал на 200 мест для авиапассажиров должен быть построен еще в конце прошлого года, но нет его и до сего дня.

Когда же мы наконец действительно перестроимся и перестанем считать то, что жизненно необходимо для человека, чем-то второстепенным, «непроизводительным»? Однако очень живуче старое мышление, хотя даже в положении о вахтовом методе обустройства Ямбургского месторождения записано, что «вахтовое поселение является элементом градостроительной системы «базовый город — вахта» и **одновременно производственной инфраструктуры предприятий и организаций** (подчеркнуто мной. — В.Б.), занятых обустройством и эксплуатацией Ямбургского месторождения. Оно создается за счет капитальных вложений в промышленное строительство».

...На монтаже первой установки ком-

штурмы не от хорошей жизни, но ведь обязательство о досрочном пуске, как в нашем случае, никто не заставлял принимать. Может, было бы лучше и не пороть горячку — дать газ в установленные планом сроки, а те силы и ресурсы, которых «не хватает», переключить на не менее важные объекты. Но в том-то и дело, что эти объекты незаметные, как бы второстепенные. За них ни славы, ни наград. А тут вся страна узнает, какие молодцы ямбуржцы! Чувствуете тонкую показушную психологию, камуфлируемую под интересы государства? Но это не психология рабочего человека — го-

Флаги скорей

В огненном зареве
солнце вздымается...
Флаги скорей!
Сердцу свобода безмерно желается
Так же, как раненой лани ручей...
Флаги скорей!
Слава борцам, что за правду народную
Рыцарски отдали жизнь благородную,
Вечна их память в сердцах всех людей...
Флаги скорей!
Слава воителям, страха не знающим,
Вновь что готовятся
к битвам решающим...
Солнце взошло! Так вперед и смелей!
Флаги, товарищи! Флаги скорей!

Дремлет лес вдали

Дремлет лес вдали, затянувшись мглой,
Ветка к ветке льнет
с кроткой нежностью,
Спит заласканный, приутихший сад,
В полумгле светясь безмятежностью.
Высь полночная в чудном зареве
Синим пламенем разгорается,
Мне же прошлое в смутном мареве
С безутешностью вспоминается.
Вопрошаю ночь, но ответа нет...
Ветка к ветке льнет
с кроткой нежностью,
Спит заласканный, приутихший сад,
В полумгле светясь безмятежностью.

У меня не раз бывали крылья

Крылья бывали не раз у меня,
В неспостижимую высь уносили.
Горы темнели, кружась и маня,
Своды хрустальной лазури томили.

Я не однажды тогда ощущал
Этих просторов иное значение —
И отравление свое забывал,
Но просыпался, стеною в мученье.

Смерти не раз различал я черты,
Розы огня на войне расцветали...
Все вспоминаю зов высоты:
Зыбкость лазури забуду едва ли.

Рисунок Елены УЛЬЯНОВОЙ

Галактион ТАБИДЗЕ

Народный поэт Грузии, лауреат многих литературных премий, признанный классик грузинской поэзии XX века Галактион Вассильевич Табидзе (1892—1958) написал более пяти тысяч стихотворений и поэм. До сих пор некоторые его произведения неизвестны русскому читателю, так как не переводились с грузинского языка. «Смена» публикует новые переводы из творческого наследия великого поэта.

Который час?

Теперь уже сомненья нет, что очень поздно.
Всю ночь меня снедала скорбь, ожесточась...
Пытаюсь вновь и вновь
узнать во мраке грозном
Который час? Который час?
Который час?

Гляжу в окно, оскал ночи мне сердце гложет,
Ох, этот дождь, осенний дождь, он долог, част!
Наверно, три, лишь только три сейчас,
быть может?
Который час? Который час?
Который час?

А может быть, и третий час еще не пробил,
Но, кажется, навеки свет дневной погас.
С вокзала звон тринадцатый несетесь робкий,
Который час, который час,
который час.

Таинственной, зловещей мглой проход запружен,
Застыла ночь на полпути, пройти страхась.
А телефон опять звонит, уже ненужный,
Который час, который час,
который час.
О, боже мой, за что?.. А дождь все не проходит,
Чудовищным потоком без конца сочась;
Рассвета ждать нет сил, а ночь меня изводит!
Который час, который час, который час!

А Шарль Бодлер воскликнул бы:
«О, символический,
Печальный и прекрасный час, хмелящий час!»
Такой ответ он дал бы на вопрос обычный:
Который час?

Луна Мтацминды

Никогда еще в мире этом не рождалась спокойней луна!
И, в молчанье высот одета, лира вечера так стройна,
Дуновением тени кличет, их влетая в недра древес...
В этой кротости, в этой неге я еще не помнил небес!
Расцвела луна, как мимоза,—

тонкой нитью луч протяжен,—
И, укрыты ее свеченьем, словно легкий, воздушный сон,
Мне видны Кура и Метехи, истомившие белизной...
Никогда луна не рождалась

глаз нежней в глубине ночной!
Здесь, где царственным сном страдальца
призрак старца гордого спит,
Здесь, где вновь над кладбищем скорбным
запах рос с ромашками слит,
Ниспадает к земле прекрасной

горных звезд бесконечный свет...
Здесь бродил и Бараташвили: одиночества горше—нет...
Пусть и я умру в своих песнях—

лебедь грустный светлых озер,—
Только б вымолвить мне, что ночи
жив в душе изначальный взор,
Как у сна вырастают крылья от небес до небес иных,
И раскрыла синь сновидений паруса мечтаний моих;
Как щемящая близость смерти изменяет звучанье грез
Человека—лебедя в мире всех гармоний земных и роз;
Как я чую, что в море этом для души—умиранья нет,
Что дорога грядущей смерти—

лишь дорожный пурпурный цвет;
Что на ней золотая сказка—
драгоценная дерзость певцов,
Что не помню я тише ночи—видно, смысл ее весь таков;
Что, ушедшие, рядом с вами я встречаю песнею смерть,
Потому что певец и царь я—

да и как, умирая, не петь!—
Что за веком вам моя лира будет с песнею отдана...
Никогда еще в мире этом не рождалась спокойней луна!

Гурийские горы

Эй, возница! Припусти же порезвей своих коней!
Вон видны все ближе, ближе горы Гурии моей!
Мне бы ими вновь упиться, их безмолвьем насладиться...
Так гони, гони коней!
Горы! Чудо-исполины, в дрожь приводит их краса,
А луга, поля, долины! Как блестит на них роса!
Любо лечь и над собою в высь прозрачную смотреть,
Так и кажется порою, можно ангела узреть.
Кипарис очнется сонный, вздрогнет и зашелестит
В миг, когда неугомонный ветер с моря налетит.
Из-за скал, журча, сверкая, бьет прозрачно чистый ключ,
О лавровый куст плескаясь и сбегая дальше с круч;
И с уступов гор скалистых пенный поток бежит,
В брызгах радужных, искристых он играет и блестит.
На горе стою, плененный видом чудным с вышины,
Вдохновеньем осененный, внемлю тайнам тишины.
Вижу села: вот Суреби, вон Дапнари дальше, там...
Выпал им счастливый жребий, этим сказочным местам!
Тише! С гор несется песня... Звуки мощные текут,
Так привольно, так чудесно только в Гурии поют.
Здесь всегда неколебимы в лихолетья и в борьбе,
Здесь к неправде нетерпимы,
Здесь смиренность нет судьбе;
Здесь любовь сильна, прекрасна,
Вдруг зажжет таким огнем,
Что уж сердце неподвластно. Забываешь обо всем;
И ничто с такою силой не взволнует кровь твою,
Как глаза смуглянки милой в этом благостном краю.
Ну, а если мне добиться здесь любви не суждено,
Там, в горах, вознаградится мне сторицей все равно...
Так гони, гони коней, мой возница, порезвей,
Пусть вперед нас манит даль,
Сердце бьется все сильней!

Твоя улыбка

(листок из альбома)

...Вот улыбка твоя... Леонардовой кисти касанья
Не пришлось увидеть мне,
его продолжение—в бессмертье.
Мне открылось иное: несчастий людских осознанье,
Слишком ранняя смерть,
похорон твоих жестокосердье.

Так улыбку твою итальяское солнце манило!
Там, под небом Торквато,
свиданье ждало с мастерами...
Там небесным огнем вдохновение всех опьянило,
Но не ты опьянеешь
искусства святыми дарами!

Отдал счастье улыбке твоей,—изумленные дали
Всей души моей,—все,
что имел, чем я жив был доньше,—
Но из глубы души так преступно улыбку украли,
Как из Лувра Джоконду похитили—там, на чужбине!

Я и ночь

Пишу один в тиши ночной, и ветер тихою струей
Едва касается меня, шепча чудесный сказ лесной.

Поля вокруг облачены в наряд из отблесков луны,
К окну сирень, ласкаясь, льнет, о как ее цветы нежны!

Как дивный, сказочный навес,
сверкает в звездах высь небес
И синевой блестит, поет... поет мой стих,
слагаясь в песнь!

Задумчива, тиха луна и даже словно холодна,
Но так же, как моя душа, чудесных грез она полна.

Давно храню в груди своей я тайну прошлых горьких дней,
И, бережно тая ее, не говорю ни с кем о ней.

Неведомо друзьям моим, какою я тоской томим,
Какую боль ношу в груди и как замучен роком злым.

От тяжких дум не отвлекут и тайну ту не украдут
Ни чудный миг, ни час утех, ни колдовство любовных пут;

Ни тихий стон во время сна, ни пир хмельной, ни рог вина
Не вырвут из души моей ту тайну, что хранит она.

И только ночи, ей одной, одной на свете мне родной,
Известна вся моя судьба, известно все о тайне той.

И знает ночь, и только ночь, как горю моему помочь,
На свете мы, и только мы: лишь я и ночь, лишь я и ночь!

Перевели с грузинского
Ираклий БУХНИКАШВИЛИ
и Владимир АЛЕЙНИКОВ.

НОЧЬ БЕЗ ВРАНЬЯ

Рисунок Антона КУМАНЬКОВА

Виктор ПРОНИН

ПОВЕСТЬ

Костя сидел в пустой машине и, положив руки на баранку, слушал, как стучит дождь по крыше. Фары были выключены, стекла опущены. На ветровом стекле собирались капли и рывками стекали вниз. В мокрых боках автобусов отражались огни аэропорта, освещенный подъезд, фонари на высоких столбах. Последний самолет прибывал около полуночи, и до этого времени будут слоняться подвыпившие грузчики, будут светиться окна да похрипывать музыкальный агрегат в ресторане на втором этаже.

— Эй, дружок! — В машину заглянул грузчик в потрепанном халате. — Не угостишь сигареткой?

— Угощу. — Костя, не глядя, взял с сиденья пачку, встряхнул, чтобы из прорванной дырки показалась сигарета, протянул в окошко.

— Может, и погретьсяпустишь? — спросил грузчик улыбчиво.

— Пуцу. — Поддернув вверх стопорную кнопку, Костя открыл дверь.

— Ждешь кого?

— Шеф отдыхает.

— Большой человек?

— А! Начальник стройуправления.

— Неплохо. Я бы не отказался.

— Я тоже.

— С бабой, небось?

— Да, — неохотно ответил Костя.

— То-то здесь духами пахнет. Хорошие духи.

Видно, стоит того?

— И даже больше.

— Да, — протянул грузчик, оглядывая площадь, огни, распахнутые окна ресторана. — Таким здесь

самое место. Ни лишних глаз, ни лишних вопросов... И всегда есть шофер, который доставит в любое время дня и ночи, в любом состоянии в целостности и сохранности... А? — Грузчик рассмеялся, прикрывая рот рукой. — Можно, конечно, выпить и дома, но это не то. Коньяк нужно не только заработать, его нужно уметь выпить. Верно?

— Было бы что, — уклончиво ответил Костя.

— Тоже правильно. — Похоже, грузчик со всеми соглашался, и была в этом какая-то своя мудрость. — Ну, бывай. Спасибо за гостеприимство. — Он захлопнул за собой дверцу и, согнувшись под дождем, затрусил к багажному отделению.

Костя включил дворники, сдвинул капли в сторону, и стекло снова стало прозрачным. Из здания вышла девушка и, пробежав под дождем, упала на сиденье, едва Костя успел распахнуть дверцу. Она даже намочить не успела, только в волосах остались капли дождя. От нее пахло табаком, и такое вроде бы незначительное обстоятельство начисто разрушило благодушное настроение Кости. Болезненно остро он ощутил, что это не его девушка, что, хотя и сидит рядом, прибежала не к нему, просто захотелось сменить обстановку.

— Трезвей, — протянул он, стараясь, чтобы это прозвучало равнодушно.

— Да я и не пила! Нет настроения... Паршиво почему-то... Сама не знаю отчего. У тебя такое бывает?

— Все бывает...

— И как лечишься?

— По-разному... Чаше само проходит. Как шеф? В норме?

— Он всегда в норме, — чуть назидательно сказала девушка.

— Почти, — уточнил Костя. — Почти, Таня.

— Ты знаешь случаи, когда Анатолий забывал о норме?

— Он не спешит?

— Ждет самолет. Не может пропустить такое зрелище.

— Значит, хорош... Не знаю, что его в этих самолетах тревожит.

— Что-то должно тревожить человека, — усмехнулась Таня.

Она открыла ящик, взяла пачку сигарет, с хрустом вскрыла ее, прикурила, бросила пачку на место и захлопнула крышку. Косте не понравилось, как она все это проделала. Слово здесь не было хозяина и она могла вести себя, как ей заблагорассудится. Даже когда кто-то прикасался к машине, у Кости появлялось ощущение, будто ему на плечо положили руку.

Он ловил себя на том, что морщится, когда машину встряхивало на ухабах, когда щебенка каменным дождем била по стеклу. И сейчас не смог промолчать, зная заранее, что Тане будут неприятны его слова:

— Куда сейчас едем? К тебе?

— А тебе-то что? — Она так посмотрела на Костю, будто это не он заговорил, а машина. — Знай крути.

— Я знаю, что мое дело крутить... Доставлять вас в хорошие места, увозить из хороших мест... В хорошем состоянии... Да еще хорошо себя при этом вести. Это я знаю. Анатолий не устает мне напоминать об этом. Теперь вот и ты напомнила. Мало, оказывается, делать свое дело, надо, чтоб тебя еще мордой время от времени тыкали... Чтoб не забывал, кто ты есть.

— Ну, прости! — Таня положила руку Косте на

плечо, слегка встряхнула.— Не дуйся, ладно? Сам же полез, сам начал! Вот и получил.

Дождь кончился. Они вышли из машины и остановились под фонарем.

— Я почему спросил,— примирительно сказал Костя,— не знаю, хватит ли бензина, ты ведь не в центре живешь...

— Да? Так ты о бензине печешься?— спросила Таня с усмешкой. И Костя почувствовал, что краснеет,— она была уже в машине, когда он заехал на заправочную станцию недалеко от аэропорта.— Послушай!— Таня резко повернулась к нему.— А может, ты ревнуешь? Признавайся!

— Но это ведь не отражается на работе?
— Когда как... Послушай, Костя, а у тебя есть девушка?

— Девушка? Смотря что иметь в виду.
— Да брось! Что можно иметь в виду, когда говоришь о девушке! Существо, которое ты любишь, которое любит тебя, которое ты балуешь иногда, с которым озорует... Так есть?

— Нет.
— Почему?
— Не знаю... Я вот машину балую...
— А я бы подошла тебе?
— А говоришь, не пила.
— Отвечай на вопрос!

Костя тронул ее короткие светлые волосы, провел тыльной стороной ладони по щеке. Она была более свободна в словах, могла говорить о чем угодно и заходить в этом разговоре как угодно далеко. Он не мог. Что-то мешало. Может быть, подчиненное положение, шоферская зависимость. «Как просто у нее получается!»,— подумал он,— как просто. Поехать хочется от этой простоты. Послушаешь ее, посидишь рядом... И начинаешь сомневаться в самом очевидном, собственной добродетель, кажется, и гроша ломаного не стоит.

— Так что? Подхожу я тебе?— настаивала Таня.
— Много выпила?
— Вообще-то... Сама не заметила как... Уж очень Анатолий настаивал. Даже не знаю, зачем ему это понадобилось...

— Действительно! Ни за что не догадаться!
— Кончай извить! Значит, не гожусь? Не подхожу?

— Годишься, Таня. И сама знаешь. Если б не знала, не спрашивала бы... Тебе же не ответ нужен, хочется еще раз меня мордой ткнуть...

— Опять за свое! Так нельзя, Костя. Ты напоминаешь мне свадебную машину— знаешь, ходят все в лентах, в шариках, бантиках... Едет жених и больше всего боится, чтобы шарики не лопнули, чтоб не зацепились за забор, за столб, за дом. Не надо, Костя. Это от слабости.

— Нет,— сказал Костя.— Я не так уж и слаб. Ведь самолюбие Анатолия ты не испытываешь? Почему? Заранее приняла, что он имеет на него право. На нем навешано воздушных шариков не меньше, но ты себя ведешь, как гаишник: останавливаешь все движение, чтоб он свободнее проехал, чтоб, не дай бог, никто его не зацепил. Все ясно: он начальник управления, у него в подчинении сотни таких, как я, он над нами, значит, и выше нас, лучше...

— А разве это не так? Разве это не так, Костя?
— Нет. Как шофер я даже лучше, чем этот любитель самолетов как начальник стройуправления. Поладить с ним несложно— ублажай, и все. И не говори мне, что у вас любовь или что-то в этом роде. Знаешь, со стороны виднее. Вы уже покатались... Набрали скорость. А что впереди, догадаться нетрудно.

— Думаешь, покатались?— растерянно переспросила Таня.— Костя, ты знаешь его жену? Что она такое?

— Он от нее не уйдет.
— Красивая?
— Не сказал бы... Тебе в подметки не годится.
— Умная? Умнее меня?

— И здесь можешь быть спокойна. Она не дура, нет. Но она... курица. У нее все решено раз и навсегда. Все знает, все понимает. Но лучше всего знает, что сколько стоит.

— В чем же дело? Детей у них нет... А, Костя?
— Дело в должности. Это для него главное. Если он уйдет от жены, это повредит ему, сделает уязвимым, уменьшит зарплату. Кроме того, может лишиться этой вот машины... И тогда не сможет... Не сможет дружить с такими девушками, как ты, поступать, как ему хочется, ездить на самолеты смотреть. Он думает, делает, говорит только то, что от него требуется, что от него ждут, за что ему платят деньги.

— Невысокого же ты мнения о своем начальстве.— Таня снова открыла ящик, взяла сигарету.
— Шоферам позволено. Если это не отражается на их работе.

— Не понятно вот только, почему ты всегo-навсего шофер!

— А кем бы ты хотела меня видеть?
— Занимай кабинет Анатолия.

— И тогда ты помотришь на меня ласковее?
— Да, Костя. Тогда я стану совсем ласковой. А ты перестанешь думать о воздушных шариках.

— И что происходит с людьми!— Костя ударил кулаком по столбу.— При хорошей должности уже не имеет значения, дурак ли этот человек, сволочь ли он, вор! Он попросту обязан воровать, обязан блудить, подличать, чтобы никто не заподозрил его в слабости, чтобы доказать, что его не собираются снимать, что его положение прочно и незыблемо!

— Ты говоришь об Анатолии?
— Думаешь, сверхурочные за эти вот поездки он платит из своего кармана? И за бензин тоже? А машина обломается, он что же, за свои деньги ее будет ремонтировать? А коньяк он пьет за свои? За свои коньяк никто не пьет. И делают его не для тех, кто пьет за свои.

— Костя,— Таня положила ему руку на плечо,— не надо считать чужие деньги, ладно? Если уж мы начнем этим заниматься, нам ни на что другое не останется времени. В мире столько денег и столько людей, которые владеют ими без достаточных оснований. Рядом с тобой стоит красивая женщина... Неужели она не стоит твоего внимания?— Таня стояла, прислонившись к столбу, сложив руки на груди. Поза вроде и вызывающая, но была в ней и беззащитность. Костя отвел ее волосы в сторону, заглянул в глаза.

— Спокойно, Костя,— сказала Таня, поняв его состояние.— Все в порядке.

— Не вижу никакого порядка.
— Наведи порядок.— Она передернула плечами.
— Давай бросим его к черту! Пусть смотрит на самолеты!

— Нет, Костя, тогда вообще все сломается. Он выгонит тебя с работы, перестанет звонить мне, и мы с тобой не сможем видеться даже в таких вот ворованных условиях. Это он нас познакомил, благодаря ему мы встречаемся иногда, ты ведь никогда не заезжал за мной по собственному желанию, ты заезжал, лишь когда он посылал.

— Я плохо поступал?
— Почему же! Ты очень исполнительный водитель. Он тебя ценит.

— Спасибо. Рад стараться.
— Слушай, ты усвоил какое-то лакейское поведение, тебе не кажется? Делаешь свое дело, но с обидой, причем даешь понять, что обиду не забудешь. Не надо, Костя. Это тоже от слабости.

— Я вижу, тебе приятно думать, что я слаб.
— Опять не то!— воскликнула Таня с досадой.— Я хочу видеть тебя сильнее! Это ты можешь понять?! И не торопись мне что-то отвечать, а то опять начнешь обижаться. Если ревнуешь, то хоть ревниву по-человечески!

— Это как?
— Поступками! Все на свете нужно выражать поступками! Любви! Ненависти! Мести! Слова мешают, Костя! Все в них теряется, разжижается, исчезает. Слова уходят, а поступки остаются.— Послушай, Костя, давай прокатимся, а?

Не отвечая, он сел в машину, подождал, пока сядет Таня, включил мотор, развернулся и нырнул в коридор из темных деревьев. Угадав поворот, Костя, почти не снижая скорости, свернул в сторону от города. Шоссе влажно блестело в свете фар, капли на ветровом стекле ползли в стороны, встречный ветер сдвигал их к дверцам. Стекла Костя так и не поднял, и ночной воздух гудел в машине. Таня сидела все так же— откинувшись назад и скрестив руки на груди, когда, отмахав километров двадцать, Костя остановил машину у здания аэропорта.

— Ждет,— сказал он, кивнув в сторону подъезда.— Кому-то из нас достанется, а, Таня?
— Авось!

— Каяться не будем?
— Перебьется.

Анатолий стоял у перил, и его мощная фигура была видна издали. Он наслаждался видом приземляющегося самолета. Красные огни появились неожиданно низко, вынырнув из-за туч, и стали быстро приближаться к земле. Самолет увеличился прямо на глазах, будто разбухал. Наконец его толстые колесики коснулись бетонной полосы, он подпрыгнул, еще раз подпрыгнул, уже тяжелее, и побежал, провисая крыльями.

И лишь тогда Анатолий повернулся к машине.
— Что, ребята, покатались?— спросил он как-то уж слишком доброжелательно. Не только его плечи, руки, но даже щеки, губы, брови казались сильными, натренированными.— Далеко были?

— До поворота и обратно,— ответил Костя, хотя понял, что обращаются не к нему.

— Таня, далеко прокатились?
— Он же говорит— до поворота... Садись. Поедем. Уже поздно.

— Ты так думаешь? Хорошо. Поедем. Куда?
— Домой, куда же еще?
— Да?— У Анатолия была привычка переспрашивать, он задавал вопрос таким тоном, будто

удивлен словами собеседника и даже огорчен их смыслом.— Ты сказала, домой?

— Сказала.— Таня подтверждала свои слова, но так, словно настаивала не на смысле, а на том, что действительно их произнесла.

— А может, полетим? Через полчаса самолет.
— Костя возражает.— Таня улыбнулась.

— Костя?! А кто это?
— Твой водитель.

— А,— протянул Анатолий.— Ну, раз водитель возражает... А мы его с собой возьмем, уж коли вам так пришлось по душе совместные катания! Ты как, Костя?

— Спать хочется, Анатолий Васильевич!
— С кем?
— Как скажете, Анатолий Васильевич...
— Костя!— предупреждающе сказала Таня.
— Что?— Он резко повернулся к ней.
— Опять шарики!

— О каких шариках речь?— настороженно спросил Анатолий.

— О воздушных,— ответила Таня.— О разноцветных воздушных шариках, которыми украшают свадебные машины. Они вьются на ветру и создают праздничное настроение, как бы обещающая молодежи долгую и счастливую жизнь, наполненную приятными встречами с хорошими людьми, обещаю...

— Хватит!— оборвал ее Анатолий.— Я смотрю, вас нельзя оставлять наедине слишком долго. Мы летим?

— Конечно, нет. Садись.
— Хорошо.— Анатолий подошел к машине с левой стороны, распахнул дверцу.— А ну-ка, парень, вылезай. Я сам поведу.

— А может, не надо, Анатолий Васильевич? Как бы чего не вышло... Сейчас того... Не совсем...
— Вылазь, говорю!

Костя увидел крупные глаза Анатолия, красноватые даже в вечернем освещении, налитые силой плечи, почувствовал решимость настоять на своем. Но все-таки сделал еще одну попытку:

— Дождь, дорога скользкая, видимость...
— Вылазь!

— Чему вы учите молодых водителей?— попытался пошутить Костя.

— Вообще-то да,— неожиданно сдался Анатолий. И сел на заднее сиденье.— Пусть будет по-твоему. Но я не хочу, чтобы Таня сидела рядом с тобой. Мне это не нравится. Меня охватывают тревога, сомнения и другие нехорошие чувства.

— Ты же знаешь, что я люблю ездить впереди,— сказала Таня, не оборачиваясь.

— Да?— переспросил Анатолий.— Ну, тогда другое дело, оставайся там, где сидишь. Не возражаю. Уж если говоришь, что любишь...

— Люблю ездить,— холодно зато поправила Таня.
— Кстати, у тебя тушь попала на щекам...
Глядя на тебя, можно подумать все, что угодно...

Не отвечая, Таня вышла из машины и, хлопнув дверцей, быстро пошла к ресторану. Через несколько минут она вернулась улыбая и посвежевшая.

Машина, описав полукруг по площади, уже готова была свернуть к трассе, но Анатолий положил Косте руку на плечо.

— Погоди, парень. Давай снова к подъезду. Курево надо взять. Не в службу, а в дружбу, сходи в ресторан, возьми... Деньги есть?

— Найдутся.

Вернувшись, Костя увидел, что Анатолий сидит за рулем. И не удивился. Еще там, в ресторане, покупая сигареты, он догадался, что Анатолий пересядет.

— Вот так с вами надо!— довольно рассмеялся Анатолий.— Садись, а то автобусом придется добираться.

Таня не произнесла ни слова. Она вообще не вмешивалась в отношения начальника с водителем. С Анатолием разговаривала так, будто Кости не было в машине, а с Костей— когда рядом не было Анатолия.

Остались позади огни аэропорта, и уже через минуту-другую машина мчалась в полной темноте. Только зыбкий свет фар позволял узнавать дорогу. Дождь продолжался, и дворники едва успевали сгребать капли в стороны. Продрогнув, Таня надела куртку, подняла стекло со своей стороны. Костя, заметив это, тоже поднял стекло. В машине стало тише, дождь отдалился, а сидевшие в машине стали словно ближе друг к другу.

— Смотри, шофер, как надо водить машину!— сказал Анатолий, глянув на Костю в зеркало.— Что я вам, ребята, хочу сказать... Можно?— Анатолий игриво толкнул Таню плечом.— Можно поделиться наболевшим?

— Поделись.
— Да?— Анатолий подозрительно покосился в ее сторону— она ответила, видимо, не так, как ему хотелось. Помолчав, он решил продолжить:— Так вот... Каждый человек должен иметь призвание...

— Смело!— бросила Таня.

— Смешно, да? Думаешь, обидел Анатолий от выпитого... Ни фига. Я говорю не о тех, кто поет лучше всех, спляшет, стихом сложит или чего-то там изобразит,— на эти высокие призвания я не покушаюсь. Если вот Костя, водитель наш, большой в своем деле мастак, то честь ему и хвала, и грамоту я ему к празднику вручу, и премию пожую. Но я не об этом.

— Премия—это хорошо,—обронил Костя.
— Так о чем же ты?—раздражаясь, спросила Таня.

— Скажу, ты не погоняй... Или торопишься? Не знаю, куда тебе торопиться... Меня вон семья ждет, жена все глаза проглядела, Костю родители дождаться не могут, чтоб узнать, как начальство веселится... Но Костя им об этом не рассказывает, а если б рассказывал, то давно бы уж на бульдозер перешел, верно, Костя?

— Мне и на бульдозере было бы что рассказать,—усмехнулся Костя.

— Да? Тогда не будем... Так вот, Таня, все, кто может тебя ждать, здесь, в машине. Только мы с Костей—верные твои поклонники и воздыхатели, только мы твои верные телохранители... Верно, Костя?

— Нет,—сказал Костя неожиданно резко.—Поклонник и воздыхатель—это в основном я, а вы, Анатолий Васильевич, уж скорее телохранитель.

— Вон ты как... Не возражаю. А ты, Таня, не возражаешь, чтобы я стал твоим телохранителем?

— Это и есть наболевшее?

— О! Я и забыл... Заветным делом, цените! Что я хочу сказать... Каждый человек, я имею в виду не только нас троих, но и всех, кого мы знаем, кто знает нас, кого мы любим и кто любит нас,—Анатолий легонько подтолкнул Таню локтем,—то к чему-то на нас надеется и на кого надеется мы... Мы все должны приносить пользу.

— Сам догадался?—спросила Таня. Что-то произошло с ней сегодня—она все время пыталась как-то подковырнуть Анатолия, усомниться в его словах, в нем самом, в том положении, которое он занимал.

— Не спеши хихикать. Мы должны приносить пользу своим близким, родным, любимым. Я говорю вам это как начальник строительного управления. А как частное лицо добавлю: главное не ваша работа, не ваши обязанности и ваших душ прекрасные порывы... Главное—смежная специальность. Дождь прекратился, и мокрый асфальт холодно поблескивал в лучах сильных фар. Иногда появлялась встречная машина, издали начинала мигать, предлагая убрать дальний свет. Анатолий ухмылялся, переключать на ближний не торопился, но в конце концов все-таки гасил слепящие лучи, и машина темной гудящей массой пронеслась мимо.

— Есть у нас в гараже вахтер... Костя, ты знаешь Петровича? Казалось бы, пустой человечиска, трезвого его можно увидеть, если уж очень повезет. Я его наказываю? Нет. Я его поощряю. «Все пешь, Петрович?»—спрашиваю. Чтобы он не думал, будто обманул меня, чтоб ценил мое расположение. Я не гоню его с работы, не объявляю выговор, не лишаю премии, чертовой зарплатой не лишаю.

— Что ж ты так о зарплате-то?—усмехнулась Таня.

— Так я же о тринадцатой!—расхохотался Анатолий.—Так вот, владеет Петрович второй специальностью. Если нужен столик в ресторане на два места, на три, на десять, а податься некуда—иди к Петровичу. Все устроит в два счета. Даже такой, как сегодня... Хороший был столик, да, Таня? И в уголке, и под отдельным фонариком, и официант не совсем уж отвратный. Сын у Петровича при этом деле. И, пожалуйста, ценят, любят, начальство его балует. А есть у меня сосед-алкаш, лечился не то пять, не то десять раз... Я искренне уважаю его, не поленись на дороге подобрать, на личной машине к порогу доставить. Верно, Костя?

— Было дело.

— У моего соседа прекрасная смежная специальность: на любой поезд он достает билет ровно за пять минут. Когда все трестовское, комбинатовское начальство мечется, высунув языки, звонят, кланчат, что-то там кому-то сулят, бегают за броней в самую нашу высокую инстанцию,—оторвав руки от руля, Анатолий ткнул указательным пальцем вверх,—а им говорят, что, мол, хотя билеты и есть, да не про вашу честь... я звоню своему соседу Коле и говорю, что так, дескать, и так, нужны два билета в купейном вагоне, нижние полки, сегодня на девятнадцать ноль-ноль. Что мне отвечает Коля? Думаете, обещает узнать, заверяет, что постарается... Нет, он говорит так: Анатолий Васильевич, в седьмой кассе на ваше имя лежат два билета.

— Повезло тебе с соседом,—сказала Таня, не отрывая взгляда от дороги.

— Ничуть.—Анатолий покачал головой.—У всех есть хорошие соседи. Надо только помнить о них перед праздниками, знать, когда у них день рождения... Чтобы они не забывали свою смежную специальность, совершенствовали ее, надо помогать им в этом... Вот так, ребята, вот так.

Показались огни города. Они выглядели необычно маленькими и редкими. Но с каждым километром наливались силой, становились ярче.

— Я вот все думаю,—заговорила Таня,—за какую смежную специальность ты меня балуешь?

— За основную, Таня!—воскликнул Анатолий, будто ждал этого вопроса.—Тебе смежная вовсе и ни к чему!

— Моя основная специальность—чертежница.

— Ошибаешься. Ты красивая женщина, Таня.

— Боюсь, что это смежная.

— Боишься? Смежная или основная—все равно бояться не надо. Она у тебя есть—и хорошо. Не надо ее прятать от своих друзей.—Анатолий положил руку Тане на плечо.—Ты меня поняла? Вот и хорошо. Надо дарить друзьям радость, счастье, утеху—это куда важнее и ресторанных столиков, и железнодорожных билетов. А друзья всегда найдут, чем порадовать тебя. Вот за что мы не выпили в ресторане, так это за наши смежные специальности... Ну, ничего, наверстаем. А? Наверстаем?

— Как получится.—Таня повела плечом, стараясь сбросить тяжелую руку Анатолия.

— Не надо, Таня, стремиться уходить от своих друзей, от их объятий. Освобождаясь от друзей, обретаешь не свободу, а нечто совершенно другое.

— Что же я получаю?

— Ты становишься зависимой от обстоятельств, жизненных невзгод, попадаешь в плен к другим людям, а они оказываются не столь хороши, как хотелось бы... Как идем? Нет, не зря я два года за баранкой отсидел, не зря. Скажите, что неплохо вожу, не скупились!

— Ну что ж... Четыре с плюсом,—начал было Костя и тут же вскрикнул.—Осторожно!

Но было поздно.

Все произошло за несколько секунд—визг тормозов, толчок, отчаянный визг Тани, короткий выкрик Анатолия. Когда машина была метрах в сорока от перекрестка, из-за угла вышел человек в светлом плаще. Ослепленный ярким светом фар, он остановился посередине дороги, как раз на осевой линии, ожидая, пока приближающиеся фары пронесутся мимо. Но машина неслась прямо на него, и Анатолий не мог ничего с ней поделать. Оглянувшись, Костя увидел, что человек лежит, свернувшись калачиком, а в стороне—туфля, наполняющаяся дождевой водой.

Выскочив на обочину под деревья, машина остановилась, но Анатолий тут же дал задний ход, и ни Костя, ни Таня не успели опомниться, как были уже в сотне метров от перекрестка и мчались дальше. Только теперь Анатолий показал, что он действительно умеет водить. Повороты, набор скорости, торможение—все это он продельвал, не задумываясь. Наконец, оказавшись едва ли не в противоположном конце города, он свернул в тихий переулочек и выключил мотор.

Где-то на вокзале орала паровозы, пролетел самолет со стороны аэропорта, тот самый, на который Анатолий приглашал Таню, за домами слышен был свист пара в котельной. На крышу машины падали редкие тяжелые капли, но это был уже не дождь—капли срывались с листьев. Все молчали, словно ждали, не покажется ли погоня, не появится ли в конце переулка милицейская мигалка.

— Так,—протянул Анатолий.—Влипли мы, ребята... Ох крепко влипли... Не знаю даже, как дальше жить будем... А, Костя, что скажешь?

— Если бы мы совершили только одно преступление...

— А сколько же, по-твоему, их было?—перебил Анатолий.

— Не меньше двух.

— Да хватит тебе выть!—резко обернулся Анатолий к Тане.—Какие два преступления?—спросил он у Кости.

— Сбили человека. Скорее всего, насмерть. И потом... удрали. Первое можно как-то объяснить... Плохая погода, скользкая дорога, вина самого пешехода, который вышел на дорогу в неполюженном месте... А второе... Вроде бы того, что...

— Нас кто-нибудь видел?

— Вряд ли,—сказал Костя.—Дождь, время позднее...

— Сзади шла машина,—сказала Таня.

— Да?—удивился Анатолий.—Не помню... Значит, они уже там. Думаешь, милиция уже знает?

— Вряд ли. Но минут через десять—пятнадцать будет знать. У них это налажено. Врач обо всем доложит дежурному, тот сообщит начальству, выезжает группа...

— Таня! Заткнись уже, наконец! Думать надо! Думать! Думать! Тебе-то ничего не грозит. Или ты нас уже оплакиваешь?!

— Может быть, мне лучше уйти?—спросила Таня.

— Сиди,—сказал Анатолий.—Костя! Я тебя слушаю!

— Он остановился на осевой линии. То есть сделал лучшее в его положении. Мы осевую линию пересекли... Это уже само по себе нарушение.

— Дождь!—резко сказал Анатолий.—Никому не известно, пересекал я линию или не пересекал!

— Перед тем, как наехать на него, вы начали тормозить,—продолжал Костя негромко.—На асфальте остались полосы от колес. Дождь их не смывает. До утра они продержатся. Тем более что на участке будет остановлено движение. По этим полосам можно представить все, что произошло.

— И что же произошло?

— Машина превысила допустимую скорость, потеряла управление и сбила человека. Это можно объяснить плохой дорогой, ночными условиями, ограниченной видимостью и так далее. Но мы удрали, Анатолий Васильевич.

Анатолий мощно повернулся всем корпусом к Косте, но не увидев его в темноте, включил свет.

— А свет бы убрать,—сказал Костя.—Улица пустая, у некоторых бессонница, стоят у окна, курят. И вдруг встывают лампочки в машине, сидят люди, о чем-то судачат, от кого-то прячутся...

Анатолий послушно выключил свет, но то, что он вынужден был подчиняться водителю, выполнять его указания, разозлило его еще больше.

— Если ты думаешь, что виноват здесь я один, то ошибаешься. Понял? Водитель ты!

— Конечно,—согласился Костя.—Водитель я. А вы начальник управления. А Таня—наша общая знакомая. Я все правильно понимаю?

— Кроме одного. Таня не наша общая знакомая. Она моя знакомая. Усек?

— Как скажете, Анатолий Васильевич. С Таней мы разберемся...

— Нет, ты не будешь с Таней разбираться. С Таней все ясно. Мне, во всяком случае.

— Как скажете... Нам не нужно было удирать.

— Что же ты раньше молчал?

— Вы у меня не спрашивали...

— Знаешь, хватит юлить! Отвечать будем оба. Я не собираюсь уходить в сторону... Хотя и мог бы. У меня вон свидетель.—Он кивнул на Таню.—Она подтвердит, что за рулем сидел ты. А, Таня? Ведь Костя сидел за рулем, верно? И надо же, не справился с управлением, хотя и не пил. Как бывает, а!

— Я была пьяна, в машине спала и ничего не видела.

— Ты же не пила!

— Пила,—повторила Таня.—Я пила, когда ты выходил в вестибюль звонить своей жене. Когда ты говорил ей, что не успеваешь вовремя приехать домой. Когда ты просил ее не сердиться, посылая ей телефонные поцелуи и желая спокойной ночи. Все это время я беспрепятственно пила.

— Ну, ребята, вы дайте!—озадаченно воскликнул Анатолий.—Не ожидал я от вас такой прыти... Все понятно—жить-то хочется... Грамотные стали, слышат, видят, выводы свои нехорошие делают, а ты, как дурак, все думаешь, что с простаками дело имеешь... Молодец, Танюха! Одобрю. Так и надо. Растешь прямо в глазах. Общение со мной не проходит для тебя без пользы. Если так и дальше пойдет...

— Кончай пижониться, Толя!

— Даже так... Ладно, замнем. Я же сказал, что не собираюсь уходить в сторону. Ты у нас на особом положении, мы должны тебя беречь. А, Костя? Мы сохраним ее от всех неприятностей, ей вообще необязательно присутствовать в этой истории. Согласен?

— Пусть так.

— Это уже кое-что... Сделаем так... Ты, Костя, садись за руль и вези Таню домой. А я доберусь своим ходом.—Анатолий распахнул дверцу, вышел, зябко оглянувшись по сторонам, решая, в какую сторону удобнее направиться. Костя и Таня остались в машине.—Ну, что вы там?—наклонился Анатолий.

— Везти Таню домой далековато,—проговорил из темноты Костя.—Мелькать на всех перекрестках разбитой фарой...

— А с чего ты взял, что она разбита?—Анатолий прошел вперед, осмотрел одну фару, наклонился ко второй, присел перед ней на корточки, вернулся в машину, с силой захлопнул дверцу.—Оказывается, удар был того... Серьезный был удар... Если такое с фарой, то можно себе представить, что с тем типом...

— Он погиб,—сказал Костя.

— Да, скорее всего,—согласился Анатолий.—Тогда сделаем иначе. Таня идет домой пешком, я тоже добираться на своих двоих, ты отгоняешь машину в гараж.

— Там меня уже ждут.

— Ты что, совсем от страха ошалел? Прошло пятнадцать минут.

— Прошел час. Пятнадцать минут мы только сюда добирались. В городе черных «Волг» не так уж

много. И потом... Вплутывать вахтера гаража, механиков...

— Хорошо. Отгони машину к себе домой. Думать будем утром. Тая, пошла!

Тая не пошевелилась. Она ждала, что скажет Костя.

— Не могу я сейчас вести машину. Я еще кого-нибудь задавлю.

— Не думал я, что ты окажешься таким слабаком! — воскликнул Анатолий, но его слова никого не задели.

— Дело не в слабости. Получается, что мы все перепугались и просто разбегаемся. Так не годится.

— Что ты предлагаешь?

— Разберемся сначала с Таней.

— Я пойду, Костя? — спросила Тая, обернувшись.

— Доберешься?

Не отвечая, Тая вышла из машины, осторожно, стараясь не шуметь, закрыла дверцу, подняла капюшон и, не оборачиваясь, почти бегом направилась к мерцающему в темноте проспекту. Она легко проскользнула под фонарем, перепрыгнула через лужу, но неудачно, и пошла, уже не выбирая дороги.

— Хитра баба, а? — спросил Анатолий. — Была пьяна, ничего не видела, злодеи напоили... И взятки гладки. Ничего, вспомнит, касатка, все вспомнит. Никуда не денется.

— Что вспомнит?

— Да это я так... К вопросу о девичьей памяти. Что будем делать?

— Поехали ко мне.

— Ну что ж, ты меня достаточно повозил, теперь я тебя покаваю.

Анатолий развернул машину и, стараясь не выезжать на освещенные улицы, проехал в старую часть города. Дождь опять прекратился, и он выключил дворники, в них не было нужды. Анатолий загнал машину в длинный, просторный сарай.

— Ну что, отпустило? — спросил Анатолий.

— Не знаю... Какое-то оцепенение. — Перед глазами Кости все еще стояла недавняя картина, увиденная из машины, — мокрый асфальт, свернувшийся человек в светлом плаще и в стороне туфля, наполняющаяся дождевой водой. Опершись о дверь сарая, он прижался затылком к холодной скобе и поднял лицо.

— Похоже, что мне не лучше. — Анатолий стал под навес, услышав, как дождь опять зашелестел в листве, застучал по жестяной крыше сарая. — Машина остается?

— Пусть...

— Здесь ее не скоро найдут.

— Нас найдут. А мы уж приведем их сюда, покажем и где машина, и что с ней.

— Я пойду? — спросил Анатолий. — К девяти буду в управлении.

Анатолий неловко поднял куцый воротничок плаща и, сунув руки в карманы, вышел со двора. А Костя попытался представить себе, что сейчас делается в городе. Пострадавший доставлен в больницу. Вряд ли он остался жив, учитывая скорость и те повреждения, которые остались на машине. Скорость была под сто... Это тронуться надо, чтобы в такую погоду, по такой дороге давать сто километров. Ошалел Анатолий, ошалел. Что-то у него там с Татьяной произошло. Ну, ладно, разберутся. Позади шла машина, на перекрестке она была минут через пять. Сбитого подобрали и доставили в больницу. Дежурный врач звонит в милицию. Значит, оперативная группа уже там, на месте. Замерили след, сфотографировали отпечатки шин. Марка машины установлена, цвет тоже. Откуда может ехать черная «Волга» в это время по этой трассе? Конечно, аэропорт. Если опросить грузчиков, официантов, буфетчицу... Такси, личные машины отпадают. Остается десяток машин, и среди них эта вот, персональная. Все ясно — к началу рабочего дня в управлении надо ждать гостей...

Костя успел заварить чай, поджарил колбасу и уже собрался сесть за стол, как услышал частый стук в окно. Обернувшись, он увидел смазанное лицо Анатолия. И не удивился, словно ждал, что тот вернется.

— Заходите. — Костя приглашающе махнул рукой, показал на чайник.

— Нет. — Анатолий покачал головой и тоже махнул рукой, — выходи сам, здесь удобнее.

— Тоже верно, — согласился Костя. Он выключил газ, с сожалением посмотрел на свой ужин, набросил куртку и, погасив свет, вышел.

Вода стекала с навеса прямо на голову Анатолия, на плечи, похоже, лилась за воротник, а он то ли не замечал холодных струй, то ли нарочно стал под этот душ. Не было в нем обычной напористости, превосходства, снисходительности. На пороге топтался обычный парень тридцати с лишним лет с поднятым воротником и неуверенной улыбкой.

— Не помешал? — спросил он, и Косте стало

неловко, будто Анатолий сам уступал свое первенство, уступал как-то униженно.

— Как не помешали, Анатолий Васильевич, — проговорил Костя, не торопясь принимать новые условия. — Даже поесть не успел. Вам легче, говорят, неплохое мясо жарят в аэропортовском ресторане?

— Это только говорят, — поморщился Анатолий.

Они прошли к маленькой круглой беседке, стоявшей посредине двора, сели на скамейки у противоположных сторон. Костя поднял руку над головой, нащупал выключатель. Вверху вспыхнула маленькая желтоватая лампочка.

— Ну, что... обойдется? — спросил Анатолий, помолчав.

— Вряд ли... Скорость была слишком большая.

— Откуда он взялся, ума не приложу!

— Из-за угла вышел. А когда на середине дороги оказался, его ослепило. У него, похоже, с глазами неважно, он же в очках был...

— Когда ты успел все заметить?

— Да, в очках, в берете, светлом плаще, с портфелем под мышкой. Что-то ценное было там для него. Бумаги, записи, книжки...

— Деньги, — подсказал Анатолий.

— Нет, он не из денежных. Стоптаные туфли, бахрома на штанинах...

— И это увидел?!

— Мы рядом проехали. Он сделал самое разумное — остался стоять на осевой. Будь скорость поменьше, можно было проскочить...

— Да я бы и на этой скорости проскочил! — подхватил Анатолий. — Асфальт мокрый, а в этом месте он, кажется, еще и новый, жирный... Ах, как нехорошо, как нехорошо... Что бы это нам придумать, а, Костя?

— Нас видели в аэропорту...

— Откуда им знать, что наши следы нужно искать именно там?

— Трасса. Человек сбит машиной, которая шла со стороны аэропорта. Как раз после восемнадцатого рейса. Ко мне грузчик подходил, прикуривал... Да и вы в ресторане были едва ли не единственными... Официанты наверняка запомнили вас.

— Слушай, Костя, да у тебя не голова, а машина! Тебе в милицию надо идти работать.

— Шофер потому что... Что сказать, Анатолий Васильевич... Они уже знают, что это была «Волга».

— Слушай, Костя. — Анатолий присел рядом, понизил голос. — Выше, конечно, я, тут ничего не попишешь... Похоже, придется мне распрощаться и с работой, и со свободой, и с... В общем, со многим. Для меня эта история — конец. Давай поговорим серьезно. Ты и я. И между нами никого. Ни парня в плаще, ни девушки в куртке... Слушай, возьми эту историю на себя!

— Не понял! — отшатнулся Костя.

— Не надо, — поморщился Анатолий. — Ты прекрасно все понимаешь. До тебя доходит раньше, чем до меня. Возьми, Костя! А? Вроде за рулем сидел ты, а мы подтверждаем, что тот человек неожиданно выскочил из кустов, чтобы перебежать через дорогу, что остановить машину не было возможности. Самое большое, что тебе грозит, — лишат прав. Но это я улажу. Переведу слесарем, механиком, кем хочешь. В деньгах ты не потеряешь, скажу больше — выиграешь, даже если... В общем, настолько выиграешь, что можешь год-два не работать.

— Мне нельзя не работать — в тунелдцы запишут. Да и пенсию надо зарабатывать, — усмехнулся Костя. — Дайте сигаретку.

Некоторое время Костя молча курил. Иногда он поднимался, ходил по беседке, останавливался, глядя на струи воды, падающие с крыши рядом с его лицом.

— Ну что, Костя? — обернулся Анатолий.

— Знаете... Не могу.

— Почему?

— Не знаю. — Костя беспомощно улыбнулся. — Жить хочется.

— Послушай, ты чего-то не понимаешь... Повторяю: ты ничем не рискуешь. Даже если лишат прав, ты на этом только выиграешь — я слов зря не бросаю. Права верну через месяц-второй... И любая машина твоя, ремонт в первую очередь, о запчастях и думать забудешь... Захочешь повыситься — никаких проблем. В пределах моих возможностей, конечно. Ну? Ведь не умышленно же я его сбил! Или у тебя есть другие причины?

— Нет, Анатолий Васильевич, не подумайте только, что я торгуюсь... Все это не кончится через день, когда меня лишат прав, не кончится через три месяца, когда мне их вернут... И через год, когда я буду первым человеком в нашем гараже, это будет продолжаться. Сегодняшняя ночь еще долго протянется. Во всяком случае, для меня. И все это время быть убийцей... Наверно, я смог бы соврать, взять на себя вину, выкрутить друзей или, простите, любимого начальника... Но я не смогу жить убийцей. А вы мне предлагаете именно это... Не смогу,

Анатолий Васильевич. Вы понадеетесь на меня, а я подведу.

— А если откровенно?

— Если откровенно, то и не хочу. Вы говорите о запчастях, правах, о том, что в деньгах я здорово выиграю... Но ведь все это летит к чертовой матери от одного неожиданного следователя.

— Какого вопроса? — быстро спросил Анатолий.

— Не знаю. — Костя пожал плечами. — И никто не знает. Ведь не можете вы сейчас предугадать все вопросы, выводы экспертов, решения суда... А неожиданности будут.

— Конечно, я мог бы во всем признаться... — проговорил Анатолий раздумчиво. — Но дело в том, что я пьян. Вообще-то я никогда не был трезвее, чем сейчас, но вышивку они усекут.

— Анатолий Васильевич, я бы вам посоветовал...

— Советуй кому-нибудь другому, Костя, ладно?

— Понимаете, я в любом случае оказываюсь виновным. Моей машиной сбит человек. Я доверил руль пьяному. У меня нет даже путевки на эту поездку.

— Да? — переспросил Анатолий с таким выражением, будто услышал нечто совершенно новое. — Вообще-то да.

— Надо идти в милицию.

— Ты что, за дурака меня принимаешь?!

— Иначе мне самому придется пойти туда. Хорошо, не сейчас, но утром я обязан это сделать.

Некоторое время они молчали. Шумел дождь, стучали капли по жестяной крыше беседки, прощла поздняя машина, где-то долго и истерично лаяла собака. И Анатолий, и Костя за это время не произнесли ни слова, но что-то происходило в них, зрели какие-то доводы, выводы, возникло чувство беды и необратимости.

— Видишь ли, Костя... — заговорил Анатолий. — Мы можем, конечно, посудачить о том, что такое хорошо, что такое плохо... Все это мило. Но время от времени происходят случаи, когда важно просто... поступить. Так или этак. А все разговоры оказываются в конце концов просто колебанием воздуха. Я тут распинался насчет смежных специальностей... Все это треп пьяный. Треп, и больше ничего. Но за ним кое-что стоит, Костя... Мы можем дружить, можем ссориться, завидовать, ненавидеть, но наступает однажды час, когда наши обычные отношения теряют всякую цену. Остаешься ты и твой поступок. И весь ты в этом своем поступке, и вся твоя жизнь, и кем был, и кем будешь...

— И даже кем буду? — усмехнулся Костя.

— Конечно. Собственно, будущее и состоит из наших сегодняшних поступков... Кем мы войдем в будущее, с кем мы туда войдем, от кого откажемся, через кого переступим... Это происходит каждый день. Со всеми, Костя, со всеми... Сегодня я попал под колеса... Завтра попадет кто-то другой. И на каждый день требуется мужество. Расстаться с женщиной, отказать отцу, помочь другу... Ничто не дается легко. Да, я оказался в преступниках... Я спасаюсь. Чего проще прийти и сказать: виноват, судите. Суд разрушит мою жизнь, но ничего не

добавит к наказанию... Меня посадят только для того, чтобы другим неповадно было. В назидание.

— Значит, если возьму я на себя этот наезд — хорошим буду, не возьму — плохим, да?

— Нет, Костя... Ты в любом случае останешься хорошим. Так что спи спокойно. — Анатолий вышел из беседки и, не разбирая дороги, зашагал по проезжей части в сторону слабого сияния, висевшего над домами.

Через пятнадцать минут его догнал таксист. Улицы были пустынными, редкие фонари почти не освещали дороги, из-под колес летели брызги, шины влажно шуршали по лужам. Запахнувшись в промокший плащ, Анатолий неотрывно смотрел на дорогу. Иногда он невнятно бормотал что-то, и водитель косился на него не то опасливо, не то усмешливо.

— Я смотрю, досталось тебе сегодня, парень, — обронил он.

— Досталось, — кивнул Анатолий. — Сильней не бывает.

— Женщина?

— Наверно, все-таки женщина... А с чего ты взял?

— Ну, как... Ночь, дождь, такси, сам вроде трезвый... Да и едем на Садовую... Похоже, к женскому общежитию... А?

— Да, у входа остановишься. Подождешь?

— Подожду... Все равно счетчик будет работать.

— Я быстро, — сказал Анатолий, выходя.

Быстро не получилось. Пришлось долго стучать в запертые двери подъезда, подходить к окнам, возвращаться. Наконец, в полумраке вестибюля показался вахтер. Он с подозрением всматривался в темноту, колебался, вредничал, не торопясь открывать дверь.

— Открой, батя! Важное дело.

— Какое дело?

— Преступление! — гаркнул Анатолий, потеряв терпение, надеясь хоть этим словом расшевелить подозрительного старика. Громыхнули запоры, и дверь открылась. — В двести шестнадцатой живет Татьяна Николаева. Позовите ее, пожалуйста. Она знает, что я должен подойти.

— Это которая недавно пришла?

— Она самая. Еще не спит, наверно.

— Что же, мне вот так всю ночь и шастать по этажам? — начал было ворчать вахтер, но Анатолий перебил его:

— Хорошо, сам схожу.

— Сиди! — строго приказал старик. — А то еще за тобой придется идти... Попробуй потом вытаски тебя из комнаты... Знаем, насмотрены, наслышаны...

Анатолий сел в продавленное кресло и приготовился ждать. Однако ждать не пришлось. Через несколько минут спустилась Татьяна. Увидев Анатолия, она подошла, присела в такое же кресло.

— А знаешь, ты в халатике куда лучше, чем в этих ресторанных нарядах, — сказал Анатолий.

— Спасибо. Что-нибудь случилось?

— Так... Кое-что... Человека сшиб.

— Да? — переспросила Таня. — И что же?

— Слушай внимательно. Ты должна мне помочь.

— Должна? Почему?

— По многим причинам. Потому что мы с тобой знакомы, потому что люди обязаны помогать друг другу, потому что нужно оставаться человеком, даже когда ближнему паршиво.

— А, тогда, конечно, так бы сразу и сказал.

— Есть только один способ выйти нам всем сухими из этой мокрой ночи. Нужно, чтобы за рулем сидел Костя.

— Но именно на этом он и настаивал в аэропорту.

— Это было давно. С тех пор многое изменилось. И мы все — ты, я, Костя — живем в другом мире, с другими законами, с другими обязанностями... Но и эти условия просуществуют недолго, к утру они исчезнут. И мы все свалимся в...

— Я все понимаю, Толя. Чего ты хочешь?

— Чтобы за рулем сидел Костя.

— Усвоила. Дальше.

— А мы с тобой должны оказаться на заднем сиденье.

— Сядем на заднее, если ты не будешь хватать меня за коленки.

— Не сядем, Таня! Мы с тобой сидели на заднем! А хватал я тебя за коленки или не хватал — это уж ты решай сама. Как тебе будет удобнее.

— Мне удобнее, чтоб ты хватал. Только не здесь. Вахтер очень переживает.

— Договорились.

— Мне можно идти?

— Я пришел говорить с тобой не о коленках, хотя готов говорить о них когда угодно и сколько угодно. Но не в эту ночь. Костя сидел за рулем. Мы с тобой — сзади. И подтверждаем всем и везде, что все было именно так.

— И чего добиваемся?

— Я остаюсь на своем месте.

— Начальником управления?

— Да. И ты остаешься на своем месте.

— Чертежницей?

— Ты остаешься моим самым лучшим, самым близким и самым любимым другом.

— Явное повышение, — улыбнулась Таня.

— Называй это как хочешь. Костя тоже остается на своем месте. Через три месяца, ровно через три месяца мы покончим с этой историей. Но мы все в один голос должны подтвердить, что тот человек сам, понимаешь, сам, неожиданно выскочил из кустов и попал под машину. И все. Конец. Мы с тобой едем на море. Хочешь — на месяц, хочешь — на два.

— И Костя едет с нами?

— При чем тут Костя?!

— Ну как же... Ему тоже есть что забыть, есть что смывать морскими волнами.

— Что же ты ему предлагаешь смывать? Кровь?

Анатолий встал, прошелся по вестибюлю, постоял у входной двери, глядя на поджидавшее его такси, вернулся к Тане. Сторож настороженно следил за каждым его движением. Анатолий сел на край кресла, взял руки Тани в свои ладони.

— Таня, постарайся меня понять. Мне нельзя признаваться. Они сразу поймут, что я выпил, это подтвердят официанты. И тогда я становлюсь преступником.

— Ты говорил с Костей?

— Да. Я только что от него.

— Что он тебе ответил?

— А! Не могу, говорит. Совесть у него завелась или еще что-то.

— Чего ты хочешь от меня?

— Чтобы ты согласилась помочь мне. Чтобы ты подтвердила...

— Что человека сшиб Костя?

— Да, — замаявшись, ответил Анатолий.

— Но это же... подло, Толя?

— Костя трусит. Бойтся, сам не зная чего.

— Ты предлагаешь ему взять на себя это преступление, а он не хочет?

— Можно сказать и так, — поморщился Анатолий, — хотя мне и не нравится, как ты все это изложила.

— Если я правильно поняла, моя помощь должна свестись к тому, чтобы я оговорила Костю?

— Он не понимает, в чем наше спасение! Он не понимает того, что, если я сяду, ему никто уже не поможет. И тебе никто не поможет. Мы все становимся одинокими и беспомощными.

— Но почему ты...

— Когда тебе было паршиво, я не спрашивал у тебя, почему, как, зачем... Когда ты не смогла поступить в институт, я не укорял тебя за плохое понимание математики, не выяснял, почему ты слаба в физике и как объяснить отсутствие знаний по химии. Я пошел и сделал. И тебя зачислили. И ты уже на третьем курсе. И у тебя все в порядке. Когда ты не смогла найти себе жилье, я только спросил: тебя устроит улица Садовая, отдельная комната со всеми удобствами? Она тебя устроила. Если бы ты пришла ко мне после такой же кровавой истории, я не задавал бы лишних вопросов. Я вообще не задаю лишних вопросов. Может быть, это плохо, может быть, это не вписывается в твою нравственность, но если человек просит помощи и у меня есть возможность помочь, я помогаю. Всего доброго, Таня. — Анатолий поднялся.

— Сидь. Вот так... Что я должна сделать?

— Если тебе трудно сказать, что за рулем сидел Костя, ты можешь уговорить его. Пусть это же скажет он сам.

— Думаешь, у меня получится?

— Получится. Он сохнет по тебе, Таня.

— Но тем охотнее он посадит тебя.

— Ты слишком плохо о нем думаешь, нельзя так думать о человеке, — усмехнулся Анатолий. — Я ведь не думаю о тебе плохо.

— У тебя есть основания?

— При желании я мог бы их найти. Вторую бутылку коньяка заказала ты. После первой тебе показалось, что я недостаточно пьян. Я понимаю, что за этим стояло... После первой бутылки я в чем-то был опасен, а после двух я уже ничего собой не представлял. Ты знала, я обязательно сяду за руль. Это же не первый раз... Ты бы не возражала, если бы я наехал на столб, свалился в канаву, слегка столкнулся с другой машиной... Тебе хотелось видеть меня поверженным. Конечно, ты не ждала ничьей смерти, ты и мне не желала зла... Но это случилось.

— Я предложила взять вторую бутылку, зная, что за рулем Костя. Ты передергиваешь.

— Но ты не возражала, когда он пошел в ресторан за сигаретами, зная, что я воспользуюсь его отсутствием.

— Значит, я виновата?

— Мы все виноваты понемногу. Когда Костя после каждого километра выставлял мне оценку за вождение, ты знала, что он подзадоривает меня. А он знал, что я увеличу скорость. Ты пойдешь к нему?

— Думаешь, это будет честно? — Таня поежилась в кресле.

— Честно? А что это такое? Поступить так, чтобы всем понравилось? Чтобы все встали и захлопали в ладоши? Почему я должен считать, что мнение толпы моего собственного? Я поступаю так или иначе, я отвечаю за свои поступки...

— Но ты как раз и не хочешь отвечать!

— Почему же... Я отвечаю перед самим собой, и только мне одному известно, каково мне... Я отвечаю перед тобой и Костей, перед людьми, на которых так или иначе влияют мои решения, поступки, мои ошибки... Да, сегодня я виноват. Но разве всем нам, разве всему человечеству будет лучше, если я сяду в тюрьму на несколько лет?

— Но человека сбил ты, сбил потому, что был пьян, превысил скорость, нарушил правила движения.

— Он тоже их нарушил. Вышел на дорогу в неполюженном месте.

— Мы все выскакиваем в неполюженном месте, а потом обижаемся, когда нас наказывают.

— Таня, ты знаешь меня лучше любого судьи. Хотя бы раз я вел себя грубо, нагло, безнравственно? Может быть, я вел себя пренебрежительно? Унизил тебя в чем-либо, подвел, обманул, воспользовался твоей слабостью, зависимостью? Может быть, я приставал к тебе с чем-то недостойным, оскорбительным для тебя?

— Нет.

— Я сволочь?

— Нет. Ты не сволочь.

— Я хороший человек?

— Да, наверно, так можно сказать.

— Может быть, ты знаешь людей, с которыми я вел себя хуже, чем с тобой?

— Я об этом ничего не знаю.

— Ты пойдешь к Косте?

— Да. Я уговорю его. Но тогда... Понимаешь, Толя, тогда я вряд ли смогу назвать тебя хорошим человеком.

— Чтобы остаться в твоих глазах хорошим человеком, я должен сесть в тюрьму?

— Дело не в этом, Толя... Мы уже не можем вести себя, словно ничего не произошло. Понимаешь? Сейчас у нас с тобой совсем другие отношения, чем три часа назад. И мы с тобой другие. И Костя уже не просто водитель, он один из нас. А ты не только начальник управления, ты тоже один из нас. И я... Толя, мы знакомимся заново.

— Возможно, ты права. Скорее всего, права. Мы поговорим об этом как-нибудь свободным вечером... Если он у нас найдется. Но сейчас, именно в эти минуты, мне грозит опасность, и я делаю все, чтобы ее устранить. Да, с тем парнем произошло несчастье. Но беда стряслась и со мною.

— Толя... Я очень благодарна тебе за все, что ты для меня сделал.

— Да брось! Все это пустяки!

— Я тоже так думала... Но это не пустяки. Вот тебя прижало, и ты тут же все мне припомнил, все перечислил, ничего не упустил... Повторяю: я искренне тебе благодарна. Но я бы не хотела, чтобы ты напоминал об этом каждый раз, когда во мне возникнет какая-либо надобность.

— Неужели ты думаешь...

— Подожди! — перебила его Таня. — Выслушай, потом этот разговор будет нехати. Я помню все, что ты сделал для меня. Можешь в этом не сомневаться. И о чем бы я с тобой ни говорила, как бы я с тобой ни поступала, я все учитываю, за все благодарю. Но это становится для меня тягостным.

Я не могу носить в душе эту незатухающую признательность, не могу постоянно бояться выглядеть неблагодарной, сказав то, сделав то, посмотрев туда...

— Понял! Дальше!

— Не раздражайся. Я знаю, что у нас мало времени. И не буду говорить слишком долго. Жизнь идет, Толя... И каждое утро мы встречаем немного другими, мы меняемся. В лучшую сторону, в худшую, но меняемся. А твоё благодеяние остается неизменным. И я чувствую себя закоренной.

— Ты долго ещё будешь колотить меня по темечку?

— Я хочу, чтобы ты понял... Я ведь не свободна в своих поступках. И сейчас я не могу поступить, как мне хочется. Я обязана идти и спасать тебя.

— Нет, Таня.— Анатолий поднялся.— Я освобождаю тебя от этой повинности. Если она так уж тебя угнетает, забудь о ней. Делов-то! — Он принялся спешно застегивать плащ.

— Сядь! — сказала Таня.— Сядь... — Она взяла его за полы плаща и, потянув на себя, усадила в кресло.— Я говорю тебе это не для того, чтобы обидеть. Я не отрекаюсь от тебя, не пытаюсь поставить на место. Я просто хочу, чтобы ты меня понял, только и всего. Это ведь не слишком много... Да, я сейчас пойду к Косте. Но я хочу, чтобы ты знал: сделаю я это вовсе не для того, чтобы расплатиться с тобой. Если я нарушаю закон, то это я его нарушаю. Если я отдаюсь, то это я так решила, а вовсе не потому, что кому-то удалось взять меня за горло. Не бери меня за горло, ладно?

— Иди одевайся.— улыбнулся Анатолий.— Я буду в машине.

— Нас ждет машина? Ты был уверен, что я соглашусь?

— Я был уверен, что ты откажешься. А машина ждет меня.

— Я сейчас.— Таня поднялась и направилась к лестнице.

Таня и Анатолий расположились на заднем сиденье и словно растворились в темноте. Только изредка вспыхивающая сигарета Анатолия выдавала их присутствие. Некоторое время водитель ехал молча, на небольшой скорости, словно ожидая, что пассажиры что-то скажут, но, не дождавшись, сам подал голос:

— Куда едем-то? Решили?

— К Косте? — Анатолий, видимо, решил еще раз уточнить согласие Тани.

— Нет,— ответила она.— Сначала в больницу. В травматологию.

— Зачем? — отчужденно прозвучал вопрос Анатолия.

— Чтобы не наделать глупостей. Чтобы знать, что говорить, о чем говорить не надо, что принимать в расчет, а чем можно пренебречь. Чтобы все знать наверняка и поступать наверняка. Чтобы не предполагать и не строить догадки о том, что ты натворил и что тебе грозит.

— Боже, боже! — простонал Анатолий.— А я-то, я, дурак старый, все думаю, что имею дело с простаками, пижонство, учу жить, кривляюсь, как идиот... А случилось что-то серьезное, и оказывается, что я и есть самый тупой, самый перепуганный...

— Тебе везло в жизни,— сказала Таня.— Тебе везло. А ты считал, что все достигнутое — результат твоих усилий, твоего таланта, настойчивости... Это не так. Толя. В институте работают друзья твоего отца, они и мне помогли поступить... Конечно, это твоя заслуга, но ведь ты обратился к ним... И в трест, куда тебя направили после института, ты пришел не чужим человеком. Ты еще не сталкивался с настоящими трудностями. А когда ты один, когда друзья, если они есть, могут только посочувствовать, а уж никак не помочь, когда ты можешь надеяться только на себя, а заложить можешь только свою голову...

— Хватит, Таня.— жестко сказал Анатолий.— Я тоже кое-что умею и кое-что делаю.

— Ты меня не понял. Ты прекрасный работник, отлично справляешься со своими обязанностями, у тебя есть и знания, и способности. Ты далеко пойдешь...

— Если не сяду!

— Да, если не сядешь. Многие твои однокашники занимают должности, сопоставимые с твоей?

— Как тебе сказать... Пожалуй, никто.

— В группе ты был самый способный?

— Ну, так, наверно, сказать нельзя, но и не самый бездарный.

— Толя, пойми меня правильно — я ни в чем не хочу тебя укорять. Ты поступил совершенно правильно, воспользовавшись теми шансами, которые дала тебе жизнь. Глупо было бы пренебрегать этими шансами, становиться в позу, отказываться от них... Но в то же время надо трезво смотреть на вещи, на самого себя, на свое положение. Вот и все.

— Ладно, учту.— Анатолий отвернулся к окну.

— Только не обижайся. Ты сам начал этот разговор, сам начал казнить себя за самоуверенность... Я

только позволила себе согласиться с тобой, поддержать тебя в этих твоих словах,— улыбнулась Таня обезоруживающе, и Анатолий не мог сдержаться, чтобы не обнять ее в темноте.

— Ох ты и лукава, ох лукава...

— Приехали,— сказал водитель, останавливая машину.— Травматология.

— Я пойду узнаю,— сказал Анатолий, открывая дверь.

— Сиди! — приказала Таня.— Тебе нельзя. И ты не сможешь.

Она вышла из машины, с силой бросила за собой дверь, и этот звук прогремел на всю безлюдную ночную площадь перед больницей вызывающе громко. Ем Таня хотела словно придать себе смелости. Она быстро пересекла освещенную часть площади и скрылась в подъезде. Ее не было минут пятнадцать. Подъезжали машины «Скорой помощи», люди в белых халатах выводили пострадавших и скрывались в непривычно широких дверях. Иногда к машине подкатывали нечто вроде стола на маленьких колесиках, перегружали человека на эту коляску и вкатывали в здание. Анатолий убедился, что печальное происшествие, участником которого он стал, не единственное в эту ночь, жизнь продолжается. Наконец в дверях показалась Таня. Она медленно вышла на порог, прикрыв за собой дверь и к машине приблизилась какой-то странной, осторожной походкой. Анатолий предупредительно открыл дверь, и она села рядом.

— Ну что? — спросил он.— Узнала что-нибудь?

— Его привезли еще живым...

— Ты хочешь сказать... что он...

— Да. Он умер уже здесь.

— А если бы его доставили раньше?

— Я спросила их об этом. Хирург пожал плечами... Конечно, сказал, это было бы лучше, поскольку можно было бы попытаться что-то сделать... Но удалось бы? Этого он сказать не мог. Большая потеря крови.

— Значит, все-таки надо было пораньше.— про- бормотал Анатолий.

— Конечно,— кивнула Таня, прекрасно понимая, что Анатолию были бы более приятны другие ее слова — утешительные слова, в которых она попыталась бы смягчить его вину, как-то ее обесценить.

— Пораньше, пораньше, пораньше,— прошептал Анатолий.— Как его звали?

— И это узнала,— ответила Таня, но ничего больше не добавила.

И снова мокрая дорога, редкие фонари. Водитель осторожно объезжал лужи, послушно останавливался у красных огней светофоров, хотя, кажется, на весь город его машина была единственной. Анатолий и Таня молча сидели на заднем сиденье. И даже когда такси остановилось, Таня вышла, не сказав ни слова. Окна в доме были темные, но, едва она постучала, тут же вспыхнул свет. Костя не спал.

— Не ждал? — спросила Таня.

— Ждал. Ты одна?

— Почему ты спрашиваешь? Разве не видно?

— Анатолий у тебя был?

— Да. И рассказал о нашем разговоре.

— Это он тебя прислал?

— Просил поговорить с тобой.

— О звездах?

— Нет, о нас всех. О сегодняшней ночи.

— И о том, кому идти в тюрьму, а кому оставаться на свободе?

— Можно и об этом.

— Поговорим.— Костя отошел к плите, включил газ, поставил чайник. Заметив, что Таня стоит одетая, помог ей раздеться.— Садись. Правда, я не представляю, что ты можешь сказать нового после того, как мы тут потолковали с Анатолием.

— Слушай, Костя, какой-то ты самодовольный... Тебе не кажется? От тебя прямо сияние исходит. Такое впечатление, что все вокруг испачкались в дерьме, стараются очиститься, а ты остаешься чистым и держишься на расстоянии. А все заискивают перед тобой, суетятся, что-то предлагают, а ты только брезгливо всех оглядываешь, выискивая, кто почище окажется...

— Ты почище.— улыбнулся Костя.

— Спасибо. Но ты ошибаешься. Боюсь, что почище всех выглядит Анатолий.

— Ого! Это уже что-то новое.

— Ничего нового, Костя, ничего нового. Ты осуждал Анатолия за его блуд, меня за легкомыслие, нас обоих за испорченность... Тебе приятно было сознавать, что ты лучше. А сегодняшний наезд еще раз убедил тебя в том, что ты прав, что действительно имел дело с людьми подлатыми, если уж на то пошло. Анатолий светит суд, я соучастница, любовница, распутница, не знаю, как ты там еще меня называешь...

— Перестань, Таня! Все это твои выдумки. Если хочешь знать...

— Продолжай, Костя. Смелее. Ты спросил: хочешь ли я знать? Отвечаю — хочу.

— Хорошо... Дело в том... В общем, похоже на то, что я тебя люблю.

— Как это мило!

— Тебе смешно? Ты оскорблена, что столь неза- видный человек...

— Заткнись! Ах, какой ты хороший, какой примерный! И даже не замечаешь своей рабской гордыни! Костя, у тебя не гордость, а гордыня! У тебя не достоинство, а спесь! Носишься со своими разноцветными шариками и все боишься испачкаться. Но неужели, общаясь со столь низменными людьми, ты мог остаться чистым? Нет, Костя, так не бывает. Мы все повязаны.

— Ну, ты даешь! — проговорил он растерянно, но Таня, кажется, не услышала его.

— Скажите, пожалуйста, он меня любит! Ты хоть раз сказал мне об этом открыто и честно? Нет. Ты потребовал ответа? Нет. Ты таялся со своими чувствами или как ты их там называешь и осуждал, осуждал, осуждал! Тебя уязвлял ресторан, в который я пошла с Анатолием, необходимость доставлять меня к обществу, тебя уязвлял Анатолий, заставлял работать после работы — притом, что ты не отказывался. Тебе это было выгодно, Костя, и не надо морочить мне голову, пудрить мозги, вешать лапшу на уши. Не надо мне говорить, что в этой сверхурочной работе было только злоупотребление твоими трудовыми правами. Анатолий с тобой расплачивался. Тебе сказать, чем он с тобой расплачивался?

— Не надо.

— Не буду. И все это, вместе взятое, любовь?!

— Хочешь сказать, что я вел себя глупо?

— Ты вел себя, как последний идиот. Ты рад, что Анатолий влился в эту историю, хотя это произошло не без твоей помощи. Во всяком случае, ты был не против.

— Таня, не заговаривайся!

— Зачем ты пошел в ресторан за сигаретами там, в аэропорту?

— Он попросил меня.

— Я спрашиваю о другом. Зачем ты пошел? Ведь у тебя в ящике три пачки таких же сигарет! Да и я тебе напомнила о них, когда полезла в ящик. Но ты пошел в ресторан, зная наверняка, что, когда вернешься, Анатолий будет сидеть за рулем. Ты хотел, чтобы он сел за руль. Хотел, Костя. Поэтому не надо раздувать щеки и выпячивать грудь.

— Ага. Понятно. Значит, то, что я выполнил просьбу своего начальника...

— Костя! Это несерьезно. Да, на суде ты можешь так сказать, для кого-то это и покажется убедительным, но мы-то, мы здесь, сейчас можем говорить откровеннее?

— Хорошо. Если ты знала о сигаретах в ящике и знала, что Анатолий сядет за руль, что помешало тебе остановить меня? Что помешало остановить его? Я совершил маленькую подлость. А ты?

— Я тоже.

Из чайника давно уже была плотная струя пара, но Костя только сейчас, обернувшись, увидел, что пора выключить газ. Окна комнатки запотели, но Таня, заметив это раньше Кости, не торопилась выключать чайник, — ей не хотелось, чтобы Анатолий видел ее в этой комнате. Костя залил кипятком в маленький чайник, поставил на стол чашки.

— Ты не хочешь взять на себя эту историю? Заметь, я тебя об этом не прошу. Просто спрашиваю.

— Нет, не хочу.

— Зная, что тебе ничто не грозит?

— Я не хочу жить перемазанным чужой кровью. Для некоторых это не имеет никакого значения. Для меня это важно. Наверно, сказывается недостаток воспитания.

Таня налила себе чай, отхлебнула несколько раз. — Костя, ты подтолкнул Анатолия за руль. Я тоже выгляжу не совсем... И поэтому мы с тобой не можем вести себя, как нам хочется.

— Другими словами, я должен отказаться от всего ради спасения Анатолия?

— Почему же от всего, Костя?

— Отвечаю. Анатолий — начальник строительного управления. Высшее образование. Квартира. Ставка. Персональная машина. Дача. Путевки. И прочее. Он на коне. Ты через два года заканчиваешь институт. Диплом, высшее образование и... И тогда уже никто не помешает тебе сесть на своего коня. Анатолий поможет. Он мужик ничего, поможет, даже если к тому времени вас уже ничто не будет связывать. Я водитель. Как ты думаешь, мне хочется подняться хотя бы на одну ступеньку? Я могу на это надеяться, к этому стремиться, об этом мечтать? Или мне всю жизнь возить вас в аэропорт? А когда я вам надем своим осуждением, своими вздохами и плебейской спесью, вы смените себе водителя. А я буду возить других...

— К чему все это?

— А к тому, что, имея труп за спиной, мне никогда не подняться с низшей ступеньки. Никогда. Таня, а, скажут, это тот самый, который человека

на смерть задавил... И опять вопрос со мной решен на несколько лет. Хорошо! Допустим, я сидел за рулем. Допустим. Анатолий остается в своем кабинете, в очередной вечерок уже не я, а кто-то другой повезет вас в аэропорт... Я в это время буду мыть железки в гараже, если, конечно, меня не посадят, если сочтут, что мне можно доверить это важное дело.

— Так.—Таня отпила из своей чашки еще несколько глотков, поднялась, сняла с вешалки плащ.—Спасибо за чай. Приятно было побеседовать. Я пойду. Пока.

— Оставайся. Потолкуем о том о сем... А?
— Не могу, Анатолий ждет... Он здесь, рядом, в машине.

— Что же не зашел?
— Он уже говорил с тобой. И потом... Я подумала, что нам лучше поговорить без него.

— Так. Тебя, значит, послал. Растает, мол, у Кости душа, не сможет Тане отказать... Да?

— Не знаю. Возможно.

— А ведь дешевой расчет, Таня? Ничуть не лучше моих обид, осуждения, молчания...

— Возможно,—повторила Таня, пожав плечами.

— Выходит, когда нас прижмет, все мы становимся примерно одинаковыми?

— Возможно, Костя, возможно,—повторила Таня. У самой двери она обернулась.—Видишь ли, ему ничего не оставалось.

— Разве человек, зажатый в угол, имеет право на все и все ему списывается?

— Костя...—медленно проговорила Таня и замолчала, словно не зная, стоит ли говорить дальше.—Ты ведь тоже был зажат в угол. Помнишь, когда угнал машину...

— Я ее не угнал! Взял без спроса—да. Но она мне нужна была позарез.

— Понятно. Если позарез, значит, можно, да? Тебя задержали как угонщика.

— Но я им не был!

— Ты им не стал... После того, как Анатолий сказал в милиции, что сам послал тебя. И оформил путевку задним числом. И получил выговор за использование машины в корыстных целях. Он тебе об этом не напоминал? Костя, я спрашиваю, во время сегодняшнего разговора он напомнил об этом случае?

— Нет.

— Ты, конечно, поступай, как знаешь... Вообще-то мы все можем поступать, как нам хочется. Я пошла, Костя.

Таня запахнула плащ и вышла на крыльцо. На дороге смутно темнело продолговатое пятно машины. Огни были выключены, и казалась, в ней никого нет. Но когда Таня подошла, задняя дверца открылась. Вспыхнули фары, и машина медленно тронулась с места.

Выключив свет, Костя некоторое время стоял у окна и смотрел на удаляющиеся огни. Когда они скрылись за поворотом, он сел к столу. Выпил в темноте чай, как-то замедленно, словно через силу, надел куртку, вышел на крыльцо. Дождь не переставал. Костя стоял, прижавшись затылком к холодной балке и глядя в глубину шуршащего дождем двора.

— Все, Костя,—наконец, проговорил он.—Пора. Пора, Костя. Пора... Пора...

Он прошел к сараю, раскрыл ворота, включил свет. Машина стояла, будто горем убитая. Осторожно выехав из сарая, он свернул со двора на улицу и привычно направился к дому, где жил Анатолий. Машина, подчиняясь его настроению, шла раздумчиво, объезжала лужи, выбоины, словно колеблясь, словно все еще не приняв окончательного решения.

Остановившись под большими деревьями, Костя вышел из машины. Знакомое окно светилось, а сам Анатолий темной тенью выделялся на фоне занавесок. Услышав шум мотора, он подошел к окну и, конечно, узнал свою машину. Когда Костя поднялся на третий этаж, дверь была уже открыта. Анатолий молча пропустил гостя, запер дверь, стараясь, чтобы замок не щелкнул слишком громко.

— Выпить хочешь?—спросил он уже на кухне.

— Нет.—Костя показал рукой в сторону окна—там, на улице, стояла машина.

— Ах, да... Я и забыл. Не думал, что ты приедешь. Не думал.

— Приехал. Хотя нельзя мне было садиться за руль этой ночью.

— Почему?

— Теперь уже ничто не помешает вам с Таней сказать, что я совершил наезд и сбил человека.

— А что нам мешало сделать это раньше?

— Мешало,—вздыхнул Костя, присаживаясь к столу.—На руле остались отпечатки ваших пальцев, Анатолий Васильевич. На рычагах, на дверце. Сейчас их там нет. Сейчас там уже мои отпечатки. Раньше мне легко было доказать, что за рулем в момент наезда находились вы, а теперь не могу.

— Да... Все-таки, Костя, ты думаешь на ход дальше меня... Мне бы и в голову не пришло.

— Пока машина стояла в моем сарае, я был в полной безопасности.

— Ты и сейчас в безопасности.

— Почти,—обронил Костя.

— Таня сказала, что ей не удалось тебя уговорить...

— Удалось.

— Она рассказала мне о вашем разговоре,—проговорил Анатолий, присаживаясь к столу.—В двух словах, правда, но подробностей я не спрашивал. Ты прав, конечно. Каждый должен думать о себе сам.

— Нет, я не прав. Люди не могут вести себя так, словно между ними ничего не происходит. Я имею в виду не только нас троих, вообще все люди повязаны. И никому от этого не уйти.

— Кофе хочешь?

— Только что чай пил.

— Видишь ли, Костя, то, что произошло с нами в эту ночь... Это происходит постоянно, со всеми. Мы, правда, не видим крови, не слышим, как раскалываются черепа об асфальт, о письменный стол, о стену, которую никак не удается прошибить. Но мы каждый день проезжаем людей колесами. Проезжаем, сшибаем, давим... Совершая самый невинный поступок, произнося слова, которые вроде бы даже обязаны произносить по долгу службы. И убиваем людей, их веру в себя, их надежды...

— Таня...—начал было Костя, но Анатолий перебил его:

— Что Таня? При чем тут Таня? Тебе не нравятся наши с ней отношения?

— Она ждет от вас больше, чем вы можете ей дать. Она беззащитнее вас. И в конце концов уйдет ни с чем. Потеряв даже то, что могла бы получить в другом месте.

— В другом месте—это у тебя, что ли?—жестко усмехнулся Анатолий.

— Необязательно...

— Ты ошибаешься, Костя. Из нас двоих пострадавшая сторона—это я. Да, Костя, да. Не она в зависимом положении, а я. Подо мной горит костер, Костя, мои ступни уже обуглились, мои!

— Не понимаю...

— Я предлагал ей все, что может предложить один человек другому. Все, что мужчина может предложить женщине.

— И жениться?

— А! Это было в самом начале!

— А она?

— Отказалась.

— Почему?

— Спроси у нее. Хотя в общем-то большой загадки тут нет... Она как-то сказала... Не смогу, дескать, людям в глаза смотреть. Ты вот тоже не можешь людям в глаза смотреть, если они будут знать, что ты человека сбил. А спрашивается, зачем смотреть в чужие глаза, если в них нет понимания? Я ей говорю: уедем! Я брошу свое управление, персональную машину вместе с хорошим парнем Костей, брошу дом, жену... Уедем! Не хочет. Хорошо, ей нельзя людям в глаза смотреть, а мне можно? Я рискую всем, я готов отказаться от всего, я все посылаю к чертовой матери! А она боится потерять какую-то дурацкую добропорядочность! Она думает над тем, что кто-то не с тем выражением ей в спину посмотрит, а я... Я готов даже к тому, что мне в спину комья грязи будут бросать!

— Может быть, все проще, может быть... она вас не любит?

— Не любит?—Анатолий вскочил, прошел к окну, вернулся, снова сел.—Не любит... Думаешь, это имеет для нее значение? Если не любишь, какого черта якшаешься со мной? Коньяк любишь? Рестораны? Езду по ночным улицам? Или, может быть, она тебя любит? Тогда что же ей мешает откликнуться на твои призывы? Молчи, Костя. Ты ее насквозь прожигает, обивку в машине повредил своими горячими взглядами!

— Надо же,—смущенно проговорил Костя.—Вроде следил за собой...

— От влюбленного сердца.—Анатолий дурашливо постучал себя по груди.—ничего не спрячешь. Скажу тебе еще одно, уж коли у нас такая ночь получилась, уж коли мы все тут наизнанку повыворачиваемся... Ведь вечером в аэропорту... это она, Таня, меня за руль усадила.

— Как?!

— Когда ты за сигаретами в ресторан поднялся. У меня уже не было мысли садиться за руль, сейчас могу сказать—не было. Но она начала подзуживать. Дескать, кишка тонка, дескать, слаб... Ну и так далее. Я и сел. Ее вина, потому и согласилась с тобой поговорить. Видишь ли, это тот случай, когда правда никому не нужна, мы все от нее страдаем.

— Анатолий Васильевич, я человек темный... Я считаю, что правда хороша сама по себе.

— Так-то оно так, Костя. Но правда должна к чему-то прилагаться, на что-то работать, с чем-то

воевать... Иначе на кой она? Посадят меня, лишат прав тебя за то, что доверил руль нетрезвому гражданину, вынесут частное определение о личной жизни девицы Таня, исключат ее из института...

— Что же дает нам ложь?

— Скажу. Таня остается в стороне. Я сохраняю возможность хорошо относиться к своим друзьям. Ты, несмотря ни на что, получаешь приличную работу, заработок, сохраняешь своих друзей... Мы все сохраняем свои боевые позиции! Мы отступаем, но четко, без паники и без потерь!

— Зачем вы меня спасли тогда... Помните, когда я рванул на машине за триста километров?

— А... Ты попал в беду. Вот и все. Кстати, а на кой тебе понадобилось мчаться куда-то? Попросил бы, оформили бы как полагаются. А так я ничего не знал, сообщили в милицию, составили акт, протокол допроса, у них уже преступление раскрыто! Тебе светило года три...

— Узнал случайно, что девушка одна замуж собралась.

— А! Тоже ступни задымелись... Понятно.

— Вы спасли меня, чтобы иметь в запасе на всякий случай?

— Разве я тебе хоть раз напомнил об этом?—зло спросил Анатолий.

— Таня напомнила.

— Я ее об этом не просил.

— Напомнила.

— Вот что я скажу тебе, Костя... Торговаться я не привык и не буду. Поступай, как знаешь. Только не надо со мной расплачиваться за тот случай. Понял? Не надо.

— Это мне решать.

— Так вот, когда будешь решать, учти и мое скромное пожелание.

— Хорошо. Наезд совершил я.

— Я сбил человека!—крикнул Анатолий.—И я не нуждаюсь...

— Наезд совершил я,—тихо, но настойчиво, словно уговаривая больного, повторил Костя.—Но что заставило меня бросить умирающего и скрыться?

— Я заставил! Я приказал тебе не останавливаться, потому что не заметил наезда. И велел мчаться с прежней скоростью,—без уверенности закончил Анатолий.

— Жидковато, Анатолий Васильевич.

— Да? Наверно, ты прав. Что же получается... Главную ошибку я совершил после наезда...

— Анатолий Васильевич... Наезд я беру на себя. Это может случиться с каждым. Но бегство...

— Больше всего меня убивает. Понимаешь, пока сидеть буду, Танька замуж выскочит! От одной этой мысли...—Анатолий обхватил лицо ладонями и покачался из стороны в сторону.—Костер, все время костер под ногами. Она меня не любит, не любит, Костя, она меня не любит...

— Зачем же она ко мне пришла, уговаривала?

— А! Хотела поступить красиво! Вищу свою чувствовала. И еще... Я ведь тоже кое-что для нее сделал.

— Расплатиться хотела?

— Да нет, не думаю... Незачем ей это. Да и мне не нужно, чтоб со мной расплачивались.

— Может быть, она не чувствовала себя свободной, пока не расплатится?—тихо спросил Костя.

— Разве я что-нибудь от нее требовал?—резко спросил Анатолий.—Разве я заставлял ее вести себя как-то... Или ты себя имеешь в виду? Это тебя, что ли, на свободу потянуло?

— На свободу меня всегда тянет. За услуги я тоже плачу исправно... Но упрекать меня за это не надо. Я хочу сказать, Анатолий Васильевич...

— Скажи, будь добр!

— Скажу, не перебивайте. Вы говорили, что мы... все трое... жили в каком-то согласии, чуть ли не в дружбе... И все у нас было хорошо. И только сегодняшний наезд разрушил наши отношения или...

— Он их не разрушил! Он их ужесточил!

— У нас и раньше не все было гладко. Может быть, это дешево звучит. Но с тех пор, как вы спасли меня, я уже не мог вести себя, как мне хотелось... И Таня, наверно, тоже... Да, благодаря вам я остался на свободе, но у меня нет возможности отблагодарить как-то. Разве что преданностью. А это уже не дружба, это что-то другое. Я езжу по вашим приказаниям, увожу, привожу... Никогда не напоминаю о своем времени, о здоровье, о своих желаниях. Это можно называть как угодно. Но я расплачиваюсь. И вы это принимаете. Если уж откровенно.

— Так...—Анатолий сидел напротив Кости, подперев щеку.—Таня тоже расплачивается?

— Наверно. Хочет она того или нет.

— Ты—преданностью, а чем она?

— У нее свое...

— А если я сейчас выброшу тебя в это окно?

— Будет еще одна жертва.

— Ну и что. Семь бед, один ответ.

— До семи еще далеко, Анатолий Васильевич. Вам придется поднатужиться.

— Поднатужусь!

— Вот видите. Я позволил себе приблизиться к вам на одну ступеньку. И вы уже готовы меня в окно выбросить.

— Дело не в этом, Костя. Ты сказал пошлость. О Тане. И нечего придуриваться. Понял?! Если я рассказал о наших с ней отношениях, это не дает тебе права...

— Дает.

— Это почему же?!

— Потому что я люблю ее. Вы почувствовали себя слегка уязвленным, да, Анатолий Васильевич?

— Заткнись! — Анатолий подошел к окну и стал спиной к Косте. — Значит, ты думаешь, что Таня... что она несвободна со мной?

— Конечно. Она боится, что вы примете ее доброе отношение к вам... Или, скажем, чуткое отношение...

— За что я могу это принять? — не сдерживаясь, закричал Анатолий.

— За расплату. А ей, к примеру, не хочется, чтобы вы именно это принимали как плату за благодеяние. Ее сдерживает зависимость. Так тоже бывает.

— Не понимаю! Черт знает что!

— Все нормально, Анатолий Васильевич, все нормально. — Костя поднялся.

— Получается, что я, делая добро, рою себе яму?!

— Дело не в этом. Мы можем годами жить и не придавать значения, кто кому обязан, кто кому задолжал... Не мелочиться же в самом деле. А потом что-то происходит. И все становится на свои места. Ну, я пошел. Решайте, кто сидел за рулем. Вам решать.

— Ты хочешь сказать...

— Пока, Анатолий Васильевич. Принимайте решение.

Выглянув из машины, Костя увидел, что окно на третьем этаже светилось. На его фоне темнела фигура Анатолия. Он осторожно стронулся с места, но с каждым километром скорость увеличивал и, подъезжая к общежитию, уже с трудом остановился у подъезда.

Сторож долго просыпался, кричтел, шаркал по вестибюлю. Рассмотрев, наконец, сквозь стеклянные двери Костю, выдернул железный штырь.

— К Таньке, что ли?

— К ней.

— Второй этаж...

— Знаю. — Костя взбежал по лестнице, остановился у двери, постучал.

— Войдите!

— Привет, — сказал Костя. — Не разбудил?

— Ты меня еще вечером разбудил. До сих пор вот не засну. Вся ночь без сна.

— Слушай... Анатолий предлагал тебе выйти за него замуж?

— Ты бы хоть подготовил к таким вопросам.

— Предлагал или нет?

— Надо вспомнить... Мало ли кто чего мог предлагать...

— Он предлагал тебе выйти за него замуж?

— Ну... Предлагал.

— А ты?

— Отказалась.

— Почему?

— М... Мало ли... Люблю другого, например.

— Кого?

— Мало ли. Хотя бы и тебя. А что!

— Он сказал, что ты подзуживала его в аэропорту, чтоб он сел за руль... Это верно?

— Ты заметил — сегодня никто не врет. Ночь без вранья.

— Зачем?

— Мне казалось, что он не сможет вести... И тогда поведешь ты. Вот и все. Ты всегда хорошо водил машину, мне и в голову не могло прийти, что с нами что-то случится. — Таня остановилась у окна, и, когда Костя подошел к ней сзади и взял за плечи, он поразился: ее худенькие плечи стали едва ли не самым сильным потрясением этой ночи.

— Я больше не отпущу тебя, — сказал Костя.

— Тебе придется соврать.

— Совру. Твои волосы пахнут табаком.

— Тебе не нравится?

— Ничего запах. Терпеть можно.

— Спасибо... Скоро утро.

— А знаешь, я не уйду от тебя.

— Это в каком смысле? — Таня отстранилась, повернулась к Косте лицом.

— Во всех смыслах.

— А ты не торопишься?

— Тороплюсь. Утром меня возьмут.

— Да? Видишь, как получается, — проговорила она. — Я могла соврать, и это спасло бы Анатолия... Теперь я должна говорить правду, чтобы спасти тебя. Скажи мне, пожалуйста... Почему ты пошел в ресторан, зная, что сигареты есть у тебя в ящике?

— Мне показалось, что вам хотелось поговорить без меня.

— Врешь!

— А на кой?

— Ну... Врут, чтобы оправдаться, нажиться, выглядеть лучше.

— Для чего же вру я?

— Прости, Костя, но мне кажется... мне кажется, что у тебя всего понемножку.

— Оправдываюсь, наживаюсь, красуюсь... Так?

— Ты сказал, что ушел в ресторан за сигаретами только потому, что решил, будто нам с Анатолием нужно поговорить наедине? И никаких других причин у тебя не было?

— То, что меня просит начальник, не причина?

— Нет.

— То, что вы лапаетесь у меня за спиной, а меня куда-то отсылаете, не причина?

— Нет.

— То, что сигареты в ящике... Это попросту мои сигареты, а ему не грех купить и для себя — это не причина? — Костя сорвался на крик.

— Нет, — тихо повторила Таня. — Нет.

— А что же может быть причиной?

— Наверно, каждая из тех, которые ты назвал, но в других условиях. Нам нужно было поговорить без тебя? Зачем? Ведь мы весь вечер провели вдвоем, и лишняя минута ничего бы не изменила, не добавила... Тебя посылает начальник... К тому времени между вами были уже другие отношения. Начальником стал ты, поскольку Анатолий был пьян. Ты говоришь, что в ящике были твои сигареты. Но ты не куришь. И в ящике лежали его сигареты, Костя. Я сама их покупала. Для него. Мы лапаемся за твоей спиной? Но ведь я была рядом с тобой, Анатолий сидел сзади. Мы никак не могли лапаться. И то, что ты говоришь об этом...

— А теперь послушай меня. — Костя остановился напротив Тани. — Все, что ты наговорила сейчас, можно объяснить как угодно: это происходило до наезда. До! После наезда все перевернулось, и мелочи, которые ничего не значили, вдруг обрели значение... Папиросы, начальник, вышел ли я из машины, вышла ли ты из машины... Чепуха! Смерть того человека придала всему значение. И мы сейчас в шоковом состоянии. Понимаешь? Ты понимаешь?! — Он взял ее за плечи и с силой встряхнул.

— Понимаю, — кивнула Таня. — К сожалению...

— Час назад я был у Анатолия дома. Мы кое о чем потолковали... В том числе и о ваших отношениях.

— А зачем ты мне говоришь об этом? Он разрешил передать ваш разговор или хотя бы упоминать о нем?

— Во всяком случае, не запрещал.

— Но есть вещи, которые сами собой разумеются!

— Не знаю... Это для меня слишком тонко. Я сказал ему... Согласился подтвердить, что именно я сидел за рулем.

— Ты ему так и сказал?

— Я сказал, что пусть он принимает решение. Как он скажет, так и будет.

— Но при таких условиях он на тебя не свалит. Ты его знаешь.

— А зачем мне думать еще и об этом? Он хочет сам отвечать? Пожалуйста. Он хочет спихнуть на меня? Не возражаю. Оказывается, я должен его уговорить отдать меня под суд! Да?!
Таня внимательно посмотрела на Костю, обошла вокруг него в задумчивости, словно решая для себя что-то важное.

В дверях появился Анатолий. Некоторое время он стоял, глядя на Костю и Таню, потом снял плащ, повесил его на угол шкафа, прошел к столу, сел и тяжело положил руки на стол.

— О чем речь?

Таня и Костя обернулись.

— Ты давно здесь? — спросила Таня.

— Только вошел. — Голос у Анатолия был негромкий и даже какой-то равнодушный. — Мы, ребята, хорошо знаем друг друга, может быть, знаем друг друга лучше, чем нам кажется, чем нам бы хотелось, да, Костя?

— Как скажете, Анатолий Васильевич.

— Ты не передумал?

— Решайте вы.

— Ну что ж... Это разумно. Я могу сказать Тане о нашем разговоре?

Костя пожал плечами, как бы говоря: воля ваша.

— Хорошо. Дело в том, что некоторое время назад, — Анатолий посмотрел на часы, — примерно час назад Костя признался мне в любви к тебе.

— Это для тебя новость?

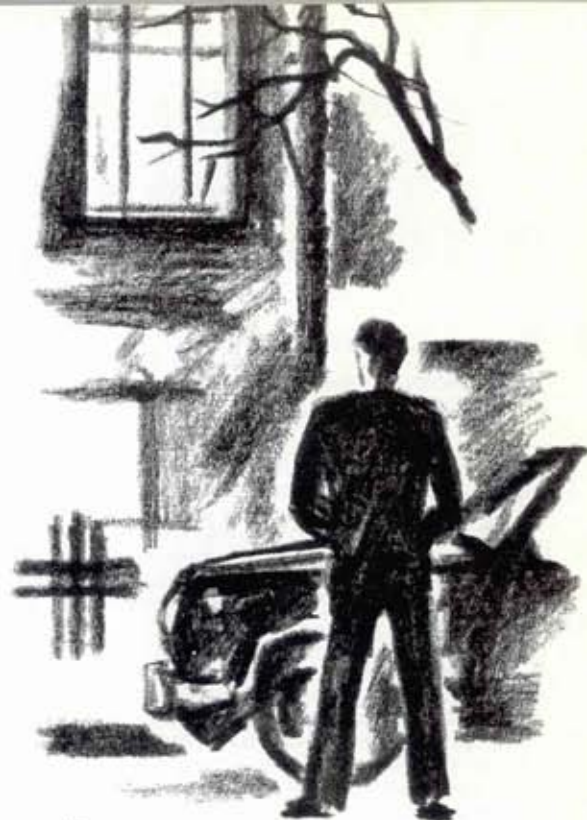
— Я допускал, что ты ему нравишься, но что настолько...

— Я тоже лишь сегодня узнала об этом.

— И как отнеслась?

— Для тебя это не имеет значения.

— Ты уверена, что я правильно тебя понял?

— Да.

— Спасибо. Хотя одно приятное слово за весь вечер.

— Как?! — вскричал Костя. — Мне кажется, она вас отшила, Анатолий Васильевич!

— Нет, Костя... Она отшила тебя. Ты же слышал. Для нее не имеют значения твои признания. Она завершила меня в том, что и я могу не придавать им значения.

— Таня! — Костя схватил девушку за плечи, заставил посмотреть себе в глаза. — Таня! Скажи!

— Что сказать, Костя? Мне нечего добавить к тому, что сказал Толя.

— Но ведь мы с тобой только что объяснились! Ты сама сказала, что любишь другого... Меня.

— Да. — Таня повела плечами, освобождаясь от ладоней Кости. — Я сказала, что могла бы полюбить другого, хотя бы и тебя. Но я не говорила, что это уже произошло. Мы все сегодня объяснились. У нас не осталось никаких неясностей. Мне, например, все ясно. А тебе, Толя?

— Да... У меня нет вопросов.

— Хорошо! — Костя со всего размаха ударил ладонью по столу. — Вам все ясно, суду тоже все будет ясно, да? Наезд утрясли, свои отношения выяснили, теперь никто уже не стоит у вас на пути, да? Никто не мешает, никто не путается под ногами, да? Очень удачный наезд получился, вам не кажется?

— Нам и раньше в общем-то никто не мешал, — сказала Таня. — Кроме нас самих... Во всяком случае, ты уж точно не путался под ногами.

— А вам не кажется, что люди вы слегка сволочные?

В дверях появился вахтер, но Костя вытолкнул его и захлопнул дверь.

— Продолжай, Костя, — устало проговорил Анатолий. — Продолжай.

— А что продолжать? Ведь вам и так все ясно! Вы, Анатолий Васильевич, простите, по пьянке сбили человека, возвращаясь с красоткой из одного ночного заведения... Но наезд вас не очень удручает, поскольку есть человек, который это мокрое дело берет на себя. Как с ним поступят, не очень важно.

Посадят — ладно, оставят на свободе — пусть живет... И жена большого значения не имеет, поскольку красотка опять же всегда утешит, ублажит, приласкает... Машину государство починит, не обеднеет. Красотка тоже не очень удручена... Семья у кого-то разваливается — черт с ней! Кого-то в тюрьму посадят — глядишь, еще и поумнеет. Диплом почти в кармане. Жилье, — Костя окинул взглядом комнату, — вроде неплохое. Платить как за общежитие, трешка в месяц. Опять же есть начальник, который и эти расходы возместит за год вперед... Ну? Что? Я не прав?

— Продолжай, Костя, — повторил Анатолий.

— Чего продолжать? Вам этого мало? Вам добавит?

— Добавь, — обронила Таня.

Не отвечая, Костя направился к двери, но открыть ее не успел: в комнату вошел милиционер.

Некоторое время он осматривал всех по очереди, отмечая для себя и мокрые плащи, и возбужденные разговором лица, и влажные следы на полу.

Наконец, спросил:

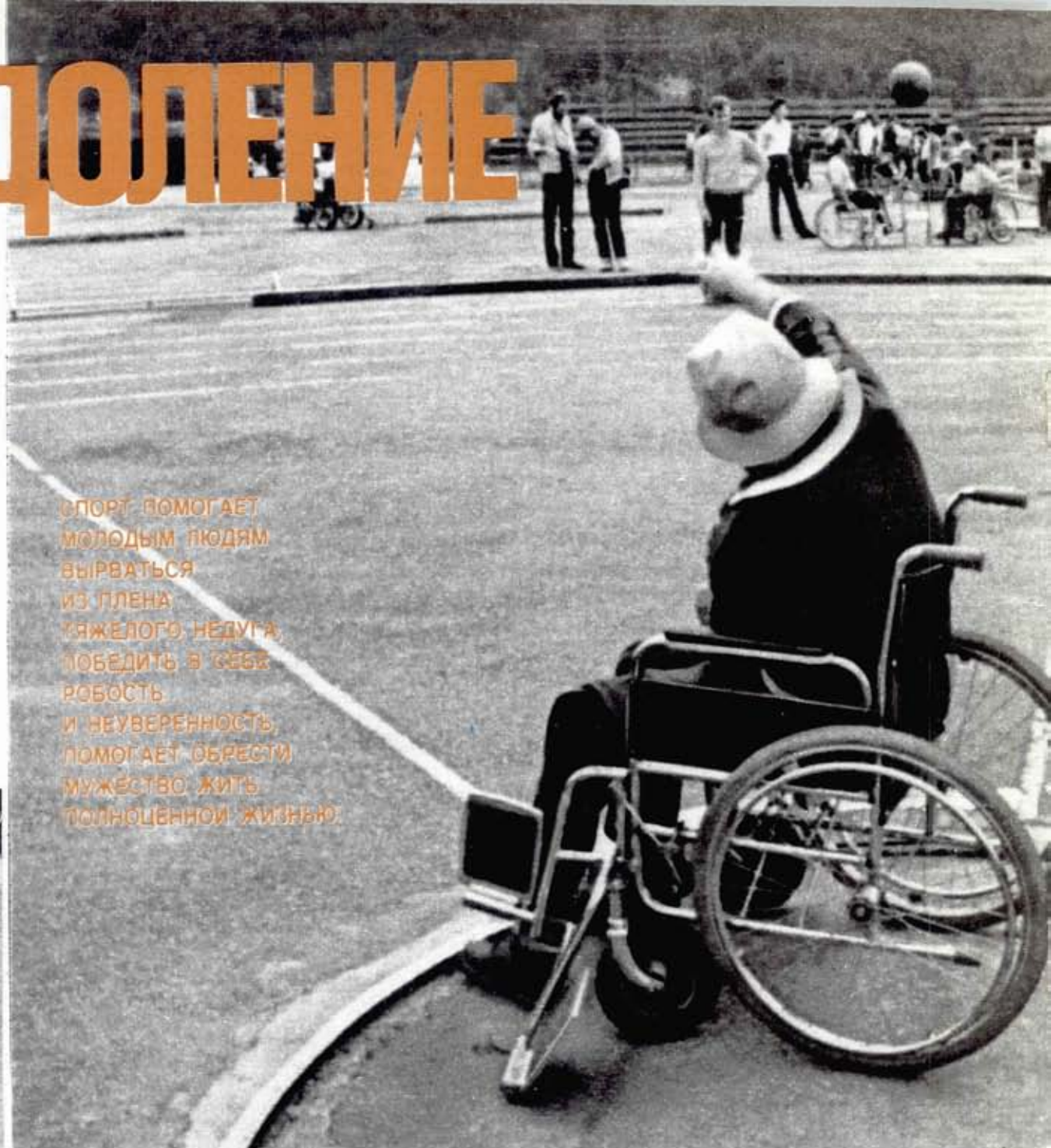
— У подъезда стоит машина. Черная «Волга». Ваша?

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Михкель АЙТСАМ,
заместитель председателя
«Инваспортфедерации»

Полвека назад после полиомиелита я оказался в кресле-каталке. Думалось, навечно. Родители стойко приняли этот удар: не плакали надо мной, как бывает, не окружали меня мелочной опекой и этим сделали главное. До сих пор благодарен им, что решили меня послать в общую школу. Вместе с братом отправились мы в один класс: он пошел и повез меня. Бывало, что на занятия или с занятий кресло мое катили одноклассники. Они могли же и обидеть меня ненароком, зато никогда не выказывали жалости или превосходства. Мы были на равных. И это равенство придавало мне силы. Потом я лечился в Тарту, через два года смог встать на костыли. Работал на заводе, учился в вечернем техникуме, в заочном институте. И вот уже двадцать лет тружусь инженером в вычислительном центре. Что еще? У меня взрослый сын — отлич-

**СПОРТ ПОМОГАЕТ
МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ
ВЫРВАТЬСЯ
ИЗ ПЛЕНА
ТЯЖЕЛОГО НЕДУГА,
ПОБЕДИТЬ В СЕБЕ
РОБОТСТВО
И НЕУВЕРЕННОСТЬ,
ПОМОГАЕТ ОБРЕСТИ
МУЖЕСТВО ЖИТЬ
ПОЛНОЦЕННОЙ ЖИЗНЬЮ.**

ный парень, хороший помощник... К чему я все это рассказываю?

Часто ли случалось вам в многолюдном городе встретить человека в инвалидной коляске? Не в больнице, а, скажем, в театре или читальном зале? Просто на улице? Убежден, что нет. Дело вовсе не в малом проценте инвалидов от общего числа жителей — они просто не выходят из дому. Ведь им и три ступеньки первого этажа — серьезное препятствие, да и переходы через дорогу для инвалида не приспособлены. Но главная беда не в этом, а в той стене, что он сам возводит между собой и остальными людьми. Инвалидам кажется, что на улице все смотрят только на них. И жалеют. А это самое страшное. Вот они и замыкаются в своей комнате, обрекая себя на одиночество. А сколько

Фото Евгения СТЕЦКО

время идею проведения Олимпийских игр для инвалидов. Несколько лет у нас каждую неделю тренировки: два дня тренажеры, два дня плавание, один день волейбол. Мы проводим ежегодные первенства, зимой и летом. Мы объединили сотни людей, вернули им радость общения, моральное и физическое здоровье. Это все сейчас. А шесть лет назад мы не могли и мечтать об этом.

Тогда, в марте 80-го, по объявлению

городского общества автолюбителей «Аутом» мы, владельцы автотранспорта с ручным управлением, впервые собрались для участия в ралли. Теперь можно признаться—было трудно; мы стеснялись друг друга и самих себя. Но одновременно понимали—надо преодолеть робость, преодолеть ради нашего собственного завтра. Я не без колебаний предложил: давайте знакомиться. Поначалу неохотно, но все же разговорились. Выбрали меня председателем автосек-

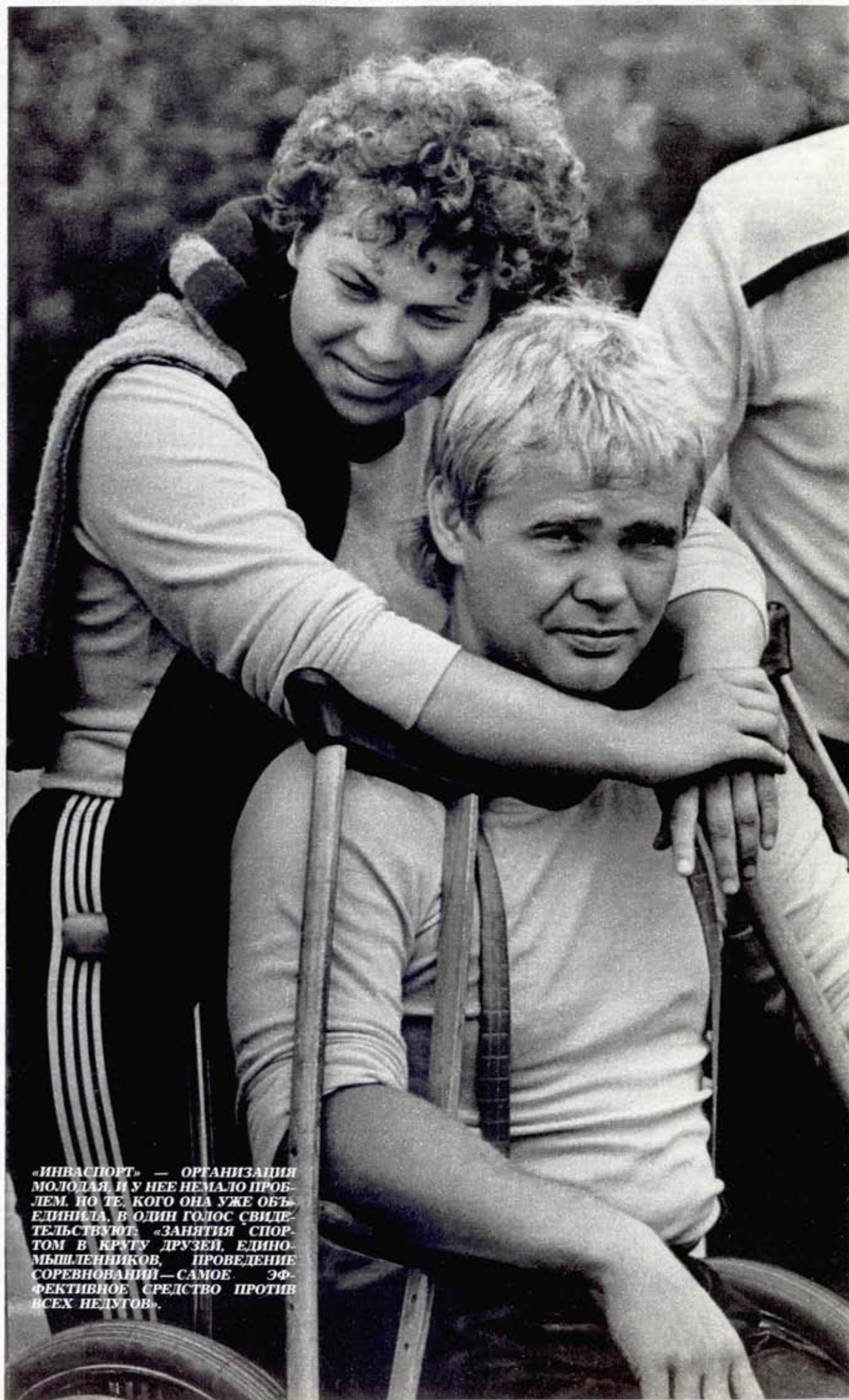
тора «ручников». Вот с этого-то все и началось.

Тут был особый случай. Ведь собрались вместе люди нелегкой судьбы, и общий для них всех признак—нарушение опорно-двигательного аппарата—вовсе не был объединяющим фактором. Скорее наоборот. Тем не менее провели мы первое ралли—«Яника-80». Понравилось. Решили повторить и на следующий год. Но уже та, первая встреча показала и первые трудности: многие

из них в подобных случаях тянутся к бутылке, а то и добровольно уходят из жизни! Как помочь им? Как вернуть вкус к жизни, веру в себя?

Оказалось, такое средство есть. Спорт! Да, да. Многих наших таллинских инвалидов вы теперь встретите на спортплощадке. Не в качестве зрителей—самых активных участников соревнований. Они соревнуются в метании копья и гранаты, толкании ядра, в стрельбе из винтовки, плавании, гонках и фигурном катании на колясках, волейболе (не говоря уже о шахматах и шашках). А некий английский врач Людвиг Гуттман даже выдвинул в свое

«ИНВАСПОРТ» — ОРГАНИЗАЦИЯ МОЛОДАЯ И У НЕЕ НЕМАЛО ПРОБЛЕМ. НО ТЕ, КОГО ОНА УЖЕ ОБЪЕДИНИЛА, В ОДИН ГОЛОС СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ: «ЗАНЯТИЯ СПОРТОМ В КРУГУ ДРУЗЕЙ, ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ, ПРОВЕДЕНИЕ СОРЕВНОВАНИЙ — САМОЕ ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВ ВСЕХ НЕДУГОВ».

молодые еще люди страдают «пожилыми» заболеваниями — у кого давление, у кого сердце, кто-то слишком полный, что тоже немудрено при малой подвижности и хорошем аппетите. Каково было себя заставить ежедневно делать элементарную зарядку, когда каждое новое движение непривычно. И все же летом следующего года (кстати, объявленного ООН Всемирным годом инвалида) провели мы свой первый День здоровья. И поняли, как мы еще слабы! Подумали: а что, если организовать коллективные тренировки? Знали, что за рубежом это делают уже давно. Чем мы хуже?

В августе 82-го под Хаапсалу, на берегу моря, состоялись первые легкоатлетические соревнования, в которых приняли участие уже около 70 человек. О нас узнали за пределами республики. Из Ленинграда приехал ведущий специалист в области протезирования, прочел нам интересную лекцию и ответил на многие наши вопросы — словом, поддержал нас морально. А в поддержке мы, ох, как нуждались, особенно тогда: далеко ведь не все у нас шло гладко.

Вспомнить хоть тот случай, когда подыскивали мы спортзал с бассейном для состязаний по расширенной программе. Обратились в одну из пригородных школ. Так директор ее, услышав, о чем идет речь, едва не впала в истерику: «Вы мне всех учеников распугаете!» Зато директор олимпийского парусного центра в Пирита — Промет сразу пошел нам навстречу, выделив для наших занятий помещения и тренажеры.

Да, не все люди отнеслись с пониманием к нашим трудностям. Тем важнее, что мы нашли союзников среди спортсменов и медиков.

А 26 декабря 1982 года состоялось уже официальное открытие клуба народного спорта «Инваспорт» (я стал его председателем). Давая такое название клубу, мы ставили целью реабилитацию людей, нравственную и физическую. И начали работать. Постепенно приобрели авторитет, укрепляли спортивную базу. Но главное, сплотились в коллектив, в котором каждый ощущал себя личностью.

Минувшим летом состоялся у нас в Таллине, на Певческом поле, большой спортивный праздник — День здоровья «Для тех, кто имеет пенсионную книжку». Участвовали все: и пенсионеры по возрасту, и представители «Инваспорт-федерации» (с апреля 1986 года мы объединились с секциями общества слепых и глухих в федерацию при республиканском спортивном обществе «Калев»). Приехали на соревнование и наши гости из Омска и Риги, Ленинграда и Новокузнецка. Открывался праздник торжественной церемонией, был парад спортсменов. Только участников набралось около 200, да и в болельщиках недостатка не было. Каждый показывал, на что он способен: после заезда велотандемов начинались гонки колясочников, а бегунов на длинные дистанции сменил «сидячий» волейбол. Причем все это транслировалось по местному телевидению.

Кое у кого из руководства это вызвало беспокойство: к чему показывать всем такое скопление инвалидов? Зачем это широкому зрителю? Зрители ответили на этот вопрос сами, вручив всем участникам соревнований памятные подарки, изготовленные руками самодеятельных мастеров.

Тут необходимо пояснение. Накануне соревнований Хаги Шейн, ведущий телепередачи для пожилых — «Очечник», обратился к телезрителям с предложением сделать сувениры для настоящих спортсменов. Ждали ну два, ну три десятка таких сувениров. А пришли сотни. Оказалось, что люди дорожат своим правом на добро, на моральное участие в судьбе тех, у кого жизнь сложилась так непросто.

И надо было видеть, как стремились к победе мои товарищи, с каким азартом отдавались борьбе. Именно в накале страстей, в преодолении, казалось бы, невозможного люди обретали мужество

жить полноценной жизнью. Ведь, конечно же, конечная цель работы нашего клуба не в том, чтобы заставить колясочника, скажем, играть в баскетбол, а в психической реабилитации его как личности, возвращении духовной, гражданской активности.

Ампутированную ногу вновь не пришлешь, а восстановить травмированную психику спорт в силах. Мы все больше внедряем у себя именно динамичные, трудные виды спорта: плавание, баскетбол и даже хоккей. В 84-м впервые попробовали поиграть в сидячий волейбол, а теперь это наш любимый вид спорта, в который играют все без исключения. Ну, а реальные, осязаемые результаты — это то, что благодаря спорту многие из инвалидов вернулись к общественно полезному труду.

Бывает, придет на тренировку новичок — а у нас для каждого дверь открыта, — посидит, посмотрит. «Нет, — скажет, — это мне не по силам. Вы тут все, смотрю, здоровые, а у меня целый цветник болезней». Мы не торопим, сам думай. Уйдет человек, а через недельку-другую, глядишь, снова пожалует — попробывать. Да так и остается в клубе насовсем. Еще и чемпионом станет.

Так что глаза страшатся, а руки делают — это про нас. Уже потому хотя бы, что многое приходится делать самим: ведь никакого вспомогательного инвентаря, чтобы обуться или, скажем, застегнуть пуговицу без посторонней помощи, в магазинах не купить (о каких-нибудь пневмоподъемниках или иных средствах малой механики вообще пока говорить не приходится). Обидно, ведь в тех же соцстранах образцы такой продукции давно выпускаются как предметы ширпотреба.

Спортклубов наподобие нашего становится все больше: «Оптимист» в Латвии, «Омчанин» в Омске... Их представители бывают у нас на соревнованиях, выезжаем к ним и мы. В феврале 86-го под Омском впервые прошли встречи по хоккею и состязания по скоростному спуску на санях. Мы все время стремимся внедрять что-нибудь новое. А в 1987 году Спорткомитет намерен провести первенство страны среди спортсменов-инвалидов. Очень хорошо, сразимся.

«Инваспорт» одарил меня целым кругом друзей. Удивительные люди. Например, Юухан Нурме поражает всех нас жизнелюбивостью, он на своей коляске часто бывает в кино, театре, на стадионе. И очень ждет, когда построят новый оперный театр, где пять мест будут забронированы специально для колясочников. Или тот же Тийт Роос, что на каждое соревнование приезжает из своей дальней деревни. Это он в тот день на Певческом поле стал абсолютным чемпионом в колясочных гонках и продемонстрировал «высший пилотаж» в фигурном катании. Несчастье, что случилось с ним, хоть и усадило его в каталку, но так и не смогло переменить его веселого нрава.

Но это, так сказать, чемпионы по взятию психологических барьеров. Они, считай, больше чем наполовину реабилитированные люди, им, может, и клуб уже не настолько нужен. Другое дело те, для кого даже наши еженедельные встречи пока как праздник.

Особенно такие клубы необходимы молодым, у них впереди целая жизнь. Большинство ребят — после специнтернатов, где они жили в своем замкнутом мире, и влиться в большую жизнь для них, как попасть под ливень. Нужно немало чуткости, такта, терпения, чтобы помочь молодым через спорт обрести нравственные силы для активной жизни. Мы планируем открыть филиалы «Инваспорта» в других городах республики. Есть тут свои трудности, но, надеюсь, и их осилит. Главное, знать, чего хочешь. А мы знаем.

«Что у меня было до клуба? — призналась мне одна девочка. — Четыре стены да мокрая от слез подушка. А теперь я живу».

ЗАЩИЩАТЬ

Закон и ты

Юрий ФЕОФАНОВ

ДАВАТЬ ОТПОР КЛЕВЕТЕ. ЗАЩИЩАТЬ СВОЕ ДОБРОЕ ИМЯ, ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО — НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ПРАВО КАЖДОГО. ВСЕГДА ЛИ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК УМЕЕТ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИМ?

Помощник районного прокурора Геннадий Перверзев в который раз отложил листки в сторону. Он хотел уже было списать дело в архив, но прокурор, соглашаясь с этим, все же сказал:

— Надо еще раз все проверить. Если бы одна анонимка... Но ведь есть и письмо Иньякиной.

«Считаю, — писала Иньякина, — суд мягко обошелся с этим негодяем, выродком, который прикидывается интеллигентным тихоней, только потому, что его взяла под защиту гр-ка Волокушина В.С. Отчего влезла на трибуну бывшая учительница этого убийцы? Очень просто, он у ней в любимчиках ходил, она гостевала у Першиных, с его мамочкой чай гоняли, а муж помог квартиру получить. И эта, с позволения сказать, учительница не постеснялась перед нашим советским судом говорить явную ложь. Кто ж сомневался, что Першин чуть не зарезал моего сына? Никто. И сам Першин признался, и вообще это же очевидный факт. А эта заявила, что не может быть, это не Славик сделал, а кто-то другой. Но это же... Слов даже нет от возмущения. И она еще учит наших детей! Прошу привлечь Волокушина В.С. к самой строгой ответственности».

Помощник прокурора хорошо изучил судебное дело по обвинению десятиклассника Вячеслава Першина в нанесении тяжких телесных повреждений однокласснику Александру Иньякину. Вина Вячеслава была признана бесспорно. Хотя в душе Геннадий, еще не успевший забыть окошкошковых «выяснений отношений», понимал парня: что тому оставалось делать — чистить ботинки у Красавчика-Саши?..

Все началось с того, что новенького (Слава Першин пришел из другой школы) в 10-м классе сразу же встретили насмешками: «очкарик», «отличник», «любимчик». Он и в самом деле был «слишком правильным» в глазах ребят: с первого класса круглый пятерочник, аккуратист, эрудит, отрада учителей. И при этом удивительно независимый парень. Но никак не лидер. Кстати, как узнал помощник прокурора, после случившегося ребята его зауважали.

А случилось вот что. Красавчик-Саша Иньякин, ухаживавший парень баскетбольного роста, пользовался в 10 «А» непререкаемым авторитетом. Учился он так себе, но был спортивной гордостью школы, в общественной работе демонстративно не участвовал, но если Саша одобрял какое-то мероприятие, весь класс был заодно с ним. Девчонки обожали Красавчика, ребята табунились вокруг него. А новенький...

Новенький словно бы и не замечал ничего, для него вроде бы и не существовало лидера. Сашу, понятно, это задело. Сначала он насмешничал, потом стал издеваться и, наконец, принялся травить Першина. Но тот тоже не сдавался. Однажды в горячке спора Слава, сказав: «Плюю я на твой авторитет», — и в самом деле плюнул на пол, но... попал на Сашин ботинок. Тот выставил ногу — «вытри». Слава мучительно начал краснеть, прямо-таки наливаясь жаром. Все молча ждали. Слава вырвал листок из тетради и со словом «извини» мазнул по ботинку.

— Не халтурь, эрудит. — Иньякин шевелил носком ботинка.

— Нет, — выпрямился Слава, — я извинился, интеллигентному человеку этого достаточно.

— Ты мне трижды вычистишь ботинки, чтобы научиться хорошим манерам, понял?

— Никогда!

Саша Иньякин и трое его дружков-приспешников стали встречать Вячеслава после уроков на улице, протягивали щетку и кричали: «Почисть». И каждый раз били Славу. Так, слегка, «для науки», то есть унижая, растапывая его достоинство.

Это был какой-то кошмар. Шестнадцатилетнему парню, знающему себе цену, имеющему стойкое понятие о чести, не было, казалось, иного выхода. Однажды он купил большой перочинный нож. Ранение в живот было тяжким. Врачи, к счастью, спасли Иньякина. А Першина судили. Учтя все обстоятельства и личность подсудимого, суд назначил условную меру наказания.

На том суде и выступила в качестве свидетельницы бывшая Сашина учительница Вера Семеновна Волокушина. Она говорила, что знает Славу с пятого класса, знает его семью. Говорила она и то, в чем ее обвинила Иньякина. «Нет, не Вячеслав Першин нанес этот несчастный удар, не мог он его нанести. Это

сделал кто-то другой. Ни воспитание, ни характер, ни нравственные установки не позволяли мальчику сделать то, в чем его обвиняют. Будьте к немунисходительны». Как утверждала учительница, человека довели до того, что он пошел против себя...

И вот это письмо Инякиной. «Факты, только факты», — помощник прокурора передразнил шефа. Но какие же это факты! А рядом лежала анонимка. С резолюциями: «Проверить, разобраться и доложить».

Анонимка была злобной, умело составленной. Была наотмашь: «Свидетельницу Волокушину наняли родители Першина. Учительница всегда покрывала этого тихоню, тащила его в отличники. А почему? Потому что куплена — не деньгами, так сервизами импортными».

При проверке выяснилось: да, когда-то на день рождения друга, семья Першиных, подарили Волокушиной заграничный сервиз. Да, мать Славы сразу же бросилась к Вере Семеновне после случившегося. Это были факты.

«Может ли гр-ка Волокушина воспитывать детей на образ великой русской литературы, если нечистоплотна в личной жизни? — задавал вопрос аноним и с тем же пафосом продолжал: — Ведь она завела постыдную судебную тяжбу с первой женой своего покойного мужа. Еще неизвестно, каким образом ей удалось обработать судей, которые три года назад признали действительным ее первый брак, хотя в 1947 году он был расторгнут, как незаконный. Эта «воспитательница», эта «фронтальная жена» поспешила замуж за майора, хотя тот был женат, имел детей».

Обвинение было чудовищным. Но аноним приводил факты. И помощник прокурора с ними ознакомился. Действительно, после войны Вера вернулась с фронта вместе со своим командиром, майором, но сразу же решила с ним расстаться: у того были жена и ребенок. Майор вернулся в родные края, вскоре, однако, разорвал с семьей. Подал на развод, сумел его добиться даже в то суровое время. Они с Верой зарегистрировались и уехали в далекий гарнизон. А первая жена тем временем писала и писала в высшие судебные инстанции, и решение о разводе отменили уже в надзорном порядке.

Но об этом Вера с мужем узнали два года спустя. Их брак оказался автоматически расторгнутым. Но они продолжали жить вместе все эти долгие годы, из которых последние 10 лет «фронтальная жена» мужественно ухаживала за почти неподвижным человеком. И только после смерти мужа она написала жалобу в Верховный суд. Там во всем разобрались и отменили решение, принятое по жалобе первой жены, тем самым оставили в силе их брак. Вера Семеновна от этого не имела никаких материальных выгод, абсолютно никаких. Ей просто хотелось умереть, нося фамилию любимого.

«Это же надо, так все извратить!» — подумал молодой юрист, прочтя дело.

Переверзев поделился своими сомнениями с Иваном Лещем, своим университетским товарищем, который работал следователем в управлении внутренних дел.

— Дай-ка мне эту пакость. — Иван еще раз повертел в руках листок. — Есть одна догадка...

Недавно Иван Лещ расследовал сложное дело, связанное с хищениями в торговой сети. По ходу следствия «вышел» на одну женщину, работавшую медсестрой в больнице, — она значилась свидетельницей, но многие ее связи с расхитителями настораживали.

Когда молодой следователь спросил, что из себя представляет Ирина Никифоровна Свечкина, от него шарахнулись, как от ненормального.

— Не говорите мне о ней. — Главврач даже за сердце схватился. Иван был крайне удивлен такой реакцией. Но вскоре выяснил, что Ирина Никифоровна была грозой не только для больницы, но и для всего района. Позже, когда у Свечкиной производили обыск, оказалось, что у нее целый шкаф набит деловыми бумагами. Она писала на всех — по поводу и без повода. «Борюсь с недостатками, — объяснила Ирина Никифоровна, — вывожу на чистую воду...»

Обыск проводили в связи с тем, что Свечкину заподозрили в спекуляции лекарствами. Вину ее установили, но доказали всего несколько случаев. Суммы были незначительны, и дело прекратили.

Пока шло следствие, Свечкина завалила инстанции жалобами.

Весь фокус в том, что факты в писаниях Свечкиной присутствовали. Как-то в больнице украли доски. А в тот же день там умер больной. И вот письмо в инстанцию: в больнице царит вопиющая бесхозяйственность — все растаскивают. Между тем в палатах люди мрут.

Начинается расследование, создается комиссия, другая, третья.

Ирина Никифоровна отнюдь не всегда скрывает свое авторство, даже хвастает: «Не анонимщица какая-нибудь». Идет она в бой «за правду» с открытым забралом. Пишет, пишет и пишет.

Главврач говорил об этом шепотом, отведя следо-

вателя далеко от больничного корпуса: не дай бог их увидит Свечкина — быть беде. Прежнего главврача она доконала-таки — ушел «по собственному желанию».

— А почему вы не привлечете ее за клевету к судебной ответственности? — спросил Иван.

— Свечкину? — На лице медика отразился неподдельный ужас. — Да вы что?!

И многие так рассуждают: клеветника, сколь бы изощренным он ни был, можно привлечь к ответственности, можно доказать его преступление, но кто захочет доказывать — вот вопрос. Возиться никто не желает, потому-то и чувствуют себя клеветники раздольно. Ведь какова схема? Получают «сигнал», проверяют. Не подтвердилось — и все вздыхают с облегчением. И шурики на палках завязывают. Пронесли. А преступление — клевета — так и остается безнаказанным.

— Так ты думаешь... — Геннадий обнадеживающе посмотрел на товарища. — Но какое отношение имеет твоя Свечкина к истории с Волокушиной?

— А вот какое... Помнишь, года два назад в городской газете была опубликована статья «Очистим наш город от тунаеццев и халугов!». О перекупщиках на рынках. Мы вместе с дружинниками рейды проводили. И вот тогда чуть было не прищемили хвост Свечкиной, но она снова вывернулась.

— И что?

— А то, что ту статью написала Волокушина! Уверен, Свечкина затаила злобу на учительницу. «Почерк» ее.

— «Почерк» взломщика, налетчика, угонщика, но почерк клеветника?..

— Есть и такой. И отчетливо, кстати, прослеживается. Скажу тебе, Свечкина непроста. Если уж кого-то начнет преследовать — всю подноготную выкопает. Учительница, наверно, сейчас несладко...

Веру Семеновну «на всякий случай» не рекомендовали в заграничную туристскую поездку. Отозвали рекомендацию. Это родило массу слухов. А тут еще приглашение в горно.

— Кстати, — спросили там после всех разговоров общего характера, — что это там у вас за история с двоеженством? Ах, нет, извините, с двоеженством вашего мужа?.. Да, да, понимаем, история очень давняя... Но вот пишут...

Вера Семеновна и не знала, что готовили документы для представления ее к почетному званию. Зато теперь документы эти уже не готовят. Тоже «на всякий случай». Ведь «факты» были...

Выходит, расчет Свечкиной оказался точным, а ее удары весьма результативными. В школе, среди соседней, родных и знакомых ползали слухи, домыслы, а затем и вымыслы. Уже под сомнение поставили фронтное прошлое Волокушиной и ее боевую награду — медаль «За отвагу», которой так гордилась Вера Семеновна.

Самое драматичное в том, что ее, собственно, никто ни в чем не обвинял. Спрашивали, уточняли, выясняли, сочувствовали.

Но что стоили все эти «любезности» по сравнению с тем ползучим, что шипело, злобствовало, отравляло жизнь...

Свечкину удалось изобличить. Да, анонимки рассылала она, а печатала их на машинке в своем учреждении ее дочка.

— Почему я не подписалась? — нагло улыбаясь, говорила она Ивану Лещу, который пригласил Ирину Никифоровну на собеседование. — Мне бы никто не поверил. Все бы думали, что я мщу учительке.

— Но вы разве не мстили?

— Да боже мой! Ни в коем случае! Я познакомилась на суде с Ольгой Инякиной, когда убицу ее сына судили.

— Какой же Першин убийца?..

— Все равно. Нож поднял на человека. Это, по-вашему, можно простить? А его фактически простили. Что-то вы добреньким стали, товарищ следователь, к преступникам.

— На меня теперь напишете?

— Не вы то дело вели, а то бы написала.

— А вы не бойтесь, что учительница подаст на вас в суд? За клевету.

— Я не клеветую. Я факты довожу до сведения. Пусть разбираются...

Надо сказать, Свечкина окопалась достаточно надежно. Ведь под клеветой закон понимает распространение заведомо ложных и не соответствующих действительности сведений, порочащих человека. Доказать это бывает не так просто.

До 1961 года, когда были приняты ныне действующие Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а затем и гражданские кодексы, честь и достоинство охранялись только нормами уголовного права. Оно предусматривало ответственность за оскорбление (ст. 159 УК РСФСР), нанесенное словом или действием, за публичное оскорбление в печати или в изображениях (ст. 160), а также за клевету, то есть распространение заведомо ложных, позорящих

другое лицо измышленный (ст. 161). Тогда закон даже не содержал терминов «честь и достоинство». Защита осуществлялась, как это и свойственно уголовному праву, посредством наказания виновного лица, нанесшего гражданину оскорбление либо оклеветавшего его.

Ныне действующее уголовное законодательство, в частности, УК РСФСР, вступивший в действие с 1 января 1961 года, более четко регламентирует ответственность за эти преступления. Так, статьи 130 и 131 дают развернутое определение состава клеветы и оскорбления как умышленного унижения чести и достоинства личности, выраженного в неприличной форме. Тогда же была введена гражданско-правовая защита доброго имени.

Какие же сведения следует считать порочащими честь и достоинство? Таковыми являются сведения, которые чернят человека в общественном мнении, бесосновательно ставят под сомнение его поведение как гражданина социалистического общества, обвиняют в попрании принципов коммунистической морали.

Не прибегают же люди к защите закона не потому, что чего-то не понимают или не знают, а часто потому, что «не хотят знать». В этом повинна и правовая пропаганда. Бытует мнение, что клеветник всегда отделается лишь легким испугом. Между тем, например, клевета, соединенная с обвинением человека в совершении государственного или иного тяжкого преступления, наказывается лишением свободы на срок до 5 лет. Это преступление квалифицируется как ложный донос.

Все это, конечно, хорошо было известно и следователю Ивану Лещу.

— Нет, не хочу я эту клеветницу безнаказанной оставить, — горячился Иван.

— Ты что, против нее уголовное дело заводишь? — спросил Геннадий. — Надеюсь, тебе известно, что клевета и оскорбление относятся к делам частного обвинения. Только сама потерпевшая вправе обратиться к помощи закона.

— В исключительных случаях и прокурор может возбудить преследование клеветника.

— А есть ли в этом случае повод? Ты смотри: Свечкина пишет, пусть и анонимно, об имевших место фактах. Она их только истолковывает в невыгодном для учительницы свете. Она хитра. Познакомилась с убитой горем женщиной и подстрекала ее написать письмо на несправедливый, с ее точки зрения, приговор. Есть тут криминал? Нет, конечно. Уговаривает дочку печатать анонимки. Дочь совершеннолетняя, отдает отчет в своих действиях. Морально нечистоплотно? Безусловно. Но криминала опять нет.

— Дальше идти некуда, — махнул рукой Лещ. — Я говорил с Верой Семеновной. Она наотрез отказывается подавать заявление. Не хочу, говорит, в эту грязь влезать.

— Но нельзя же такое прощать! Нельзя безразлично смотреть, как втаптывают в грязь хорошего человека, — не утерпел Переверзев.

События между тем развивались. Мать Вячеслава Першина написала заявление: она требовала привлечь к уголовной ответственности гражданку Свечкину, которая в своих анонимных письмах обвинила ее в том, что якобы она «наняла учительницу Волокушину выступить в суде в защиту сына». Наняла, то есть заплатила за это.

Единственный промах дала Ирина Никифоровна в своих писаниях. И предстала перед судом по обвинению в клевете.

На суде — это была выездная сессия — говорили о многих аморальных делах Свечкиной. И все же Геннадий Переверзев, выступавший в суде в качестве обвинителя, подавил в себе неприязнь к подсудимой — закон есть закон. Какие бы эмоции ни вызывала сидящая на скамье подсудимых женщина, но она может отвечать только за те действия, которые совершила, и за те, которые обозначены в уголовном кодексе. Поэтому, обвинив Свечкину в клеветнических измышлениях в адрес семьи Першиных, прокурор потребовал в качестве меры наказания объявить ей общественное порицание.

Суд согласился с мнением прокурора.

Сначала многие из присутствующих говорили, что злостная клеветница и анонимщица вышла сухой из воды. Но вскоре поняли, что заблуждаются.

Значение имела не мера наказания, а сам факт — клеветницу назвали клеветницей, ей был вынесен обвинительный приговор. Не меньшее значение имел и тот факт, что публично, при набитом битком зале, было сказано доброе слово о Вере Семеновне Волокушиной.

Свечкина после суда обменяла жилплощадь и уехала из тех мест, где ее облик стал ясным для всех.

Вот только сорвалась заграничная туристская поездка Веры Семеновны. И представление ее к званию заслуженной учительницы так и не получило хода. Должностные лица решили подстраховаться.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО

В разные годы ездил я в Италию, в ГДР, во Францию. Все эти бывания лишь коротко, вспышками освещали ту или иную страну, пристальную жизнь путешественника вести было невозможно, все ограничивалось туристическими, захоженными маршрутами. А находясь во власти путеводителей для путешественников, толком ничего не запоминаешь, лишь отмечаешь те или иные мимолетности на улице, в толпе, из которых, конечно, невозможно построить традиционных путевых заметок, к примеру, о Франции или об Италии, о которых написаны блистательные страницы — вспомни хотя бы Петра Муратова, его удивительную книгу «Образы Италии», где прозрачная сиреневая дымка, витающая меж флорентийских холмов, скажем так, присутствует и в муратовском слого.

На чужбине я никогда не вел записей, надеясь сохранить в памяти некие черты этих стран, не вошедшие в путеводители.

Проходили годы, и память сама по себе сортировала и отбирала воспоминания о заграничных, и независимость этих воспоминаний от меня вызывала к жизни неожиданные, вдруг засветившиеся картины.

Видимо, в некоторых закромах памяти совершается причудливое, прихотливое перемешивание наших воспоминаний, и эти записки, — в сущности, дань опыту, который ставился столько лет: записать как цельное путешествие все мои разрозненные и клочковатые видения чужбины.

Вот первая поездка в ГДР, в Карл-Маркс-Штадт, бывший Хемниц. Карл-Маркс-Штадт — побратим Иркутска, который мы представляли втроем: шофер леспромхоза, директор чаевозвесочной фабрики и я, представитель, так сказать, творческих кругов. Были прекрасные майские дни, перешедшие в День Победы, мы принесли цветы к памятнику нашим солдатам, но вскоре эта начальная медлительность затмила мельканием фабрик, памятников, музеев, гостеприимными и обильными застольями — все слилось в искрящийся, праздничный круг.

Но осталась на улицах Карл-Маркс-Штадта, бывшего Хемница, и продолжает грустно улыбаться Ева Маркс, наша переводчица, молодая женщина с легкими веснушками на тонком, длинном носу, с высоким белым лбом и печальными серыми глазами. Старательная, смешная путаница в ударениях придавала серьезному дружелюбию Евы оттенок учительства, этакой неторопливой назидательности, при которой наша неутомимая любознательность и туристическое верчение головой выглядели если и не детсадовскими, то пионерскими, во всяком случае, хотя, разумеется, каждый из нас был старше Евы.

После долгих гостей в одном хлебосольном семействе пошел провожать Еву по ночным улицам, мимо бесконечных кирпичных стен, пакагузов, складов, по каким-то, как мне казалось, заброшенным мостовым, под сумрачными деревьями — шли, шли и шли. Чтобы несколько рассеять, так сказать, готическую тьму, Ева утешила: «Если бы не

так темно, вы бы и здесь увидели много интересного. Скоро, — сломала ударение, — придем». Она снимала квартиру у частного домовладельца, хоть и дороговато, но ее мальчику удобно ходить из этого дома в садик. Ночь все сгустилась, а старый Хемниц никак не кончался. «Скоро, скоро», — опять успокоила Ева. Она усыновила этого мальчика, взяла его из приюта крошечного, а когда он подросток, выяснилось — у него несколько затруднено восприятие человеческой речи и вообще мира. И как она, отчаявшись было, еще больше полюбила этого мальчика.

У дома она спросила, хочу ли я взглянуть на малыша. «Да, да, да», — вырвались мы наконец из темноты узких улиц. Мы прошли крохотную прихожую. Ева включила ночник: в белоснежной кровати лежал белокурой, прелестно разгневившийся во сне мальчишка в голубой атласной пижаме с кружачками. Неужели он сам так аккуратно и тщательно укладывался, удивился я? Оказывается, приходила подруга, «закадычная подруга». Ева нагнулась, чтобы поцеловать сына, и в рассеянном розовом свете ночника обозначились усталые морщинки, тени нескладной жизни — так ярко засияла в свете ночника чужая жизнь, что я понял: никогда уже не забуду Еву Маркс и ее мальчика в атласной пижаме.

Потом снова долго и твердо ударила в ноги средневековая мостовая, и снова я не мог вырваться из сумрака бесконечных пакагузов, а может быть, и цейгаузов. В ту ночь я совершенно не представлял, что через несколько лет в гостинице Галле я прочту роман Эрика Нойча «В поисках Гатта» и как бы повторю свою ночную прогулку, разумеется, с некоторыми новыми оттенками в настроении. Герой романа Эберхардт Гатт был рабочим, писал заметки в газету, потом стал журналистом, но вдруг разуверился в судьбе, начался у него душевный разлад, и Гатт ушел из газеты, ушел от жены, порвал с прежними друзьями с родного завода и надолго провалился, позволив себе сказать, в небытие самоощущающегося существования. Размашистая натура Гатта не приняла старых инженеров, мастеров, оставшихся от прежней Германии. Гатт презирал ту культуру и те знания, носителями которых в демократической Германии стали эти инженеры и мастера. Возник главный конфликт романа: из-за невежества утрачиваются нравственные ориентиры. Читая «Гатта», вспомнил улицу в Хемнице, потому что в романе много таких же туннельных (заставленных складами и заводскими стенами) улиц, по ним Гатт, недовольный собой, бегал ночами, пытаясь заглушить постоянную душевную муку. Конечно, мои чувства в ночь возвращения от Евы Маркс значительно отличались от чувств Гатта, этаких взвешенно-топливых. Смутно, горько, с неожиданными вздохами думал я о судьбе Евы, о жизни, не щадящей благородных, бескорыстных людей, думал, как тяжело будет Еве, когда мальчик повзрослеет, когда их общение может совсем омрачиться. Вот это ощущение горькой запутанности ее судьбы во мне перекликнулось потом, при знакомстве с нервной растерянностью Гатта.

Соседей в моем путешествии настолько разнохарактерные случаи и события, что не сразу и выведешь: почему

они оказались рядом? Почему, к примеру, когда я вижу ночное хождение свое по Хемницу, я слышу вопрос моего спутника, леспромхозовского шофера, заданный им в парткоме на фабрике химреактивов: «А часто у вас жалуются в партком жены на своих мужей?» Секретарь парткома, дородный, добродушный мужчина, не понял: как жалуются? Какие жены?.. Спутник мой пояснил: «Ну, если у меня не ладится в семье, если я плохо отношусь к детям, может жена пожаловаться на меня в партком?» Секретарь растерялся, нервно раскурил сигарету: «Я не совсем понимаю. Видимо, у вас иногда жены идут в партком, чтобы пожаловаться на своих мужей?» «Именно, — согласился шофер. — Надеются, что партком восстановит мир в семье». Секретарь парткома вытер с зальсины выступившую от серьезного душевного напряжения испарину: «Но... у нас такого не случается и не может случиться. Муж с женой должны решать семейные конфликты сами. При чем тут партком?» Он виновато смотрел на нас: не обидно ли это вам, дорогие друзья, что в Карл-Маркс-Штадте мужья и жены обходятся без вмешательства общественных организаций?

Потому, видно, возникает смущенное лицо секретаря парткома рядом с нашим простодушным вопросом, что было в ночном Хемнице усталое, бледное, нежное лицо Евы Маркс, в луче ночника склоняющееся над разгневившимся мальчишкой, и лицо Евы соединилось бы в сердце любого человека, видевшего его, с заветностью и неприкасаемостью личной жизни.

Некоторое время спустя был я в округе Галле, в гостях у крестьян. Приехал к ним на поле, где они убрали свеклу. А за обедом среди уютных, тщательных немецких полей мы говорили о детях, вернее, о наших с ними взаимоотношениях: часто ли поучаем, часто ли помогаем им. Крестьянин, с тяжелыми, короткими ногами, плохо выбритый и мрачный, сказал: «У меня три сына и три дочери. Я не умею помогать им. То сам за них все делаю — какая это помощь? То хочу быть строгим, внушить им разумные правила жизни. Чтоб бережливыми стали, аккуратными. Одного сына до того доучил (он на сверхсрочной службе в армии), что письма мне шлет без марок, доплатные, а деньги, которые должен был потратить на марки, откладывает на будущую свадьбу. Я учил его, как разумнее устроить быт и будущую семейную жизнь, а вырос настоящий скряга. Молодой, а скряга...»

На поле, только что освобожденное от свеклы, вышло стадо овец в сопровождении пастуха. Пастух был в черном плаще с красным подбоем, с посохом в руке и в черном цилиндре. Овцы черно-серебристой пеной текли у его ног. Пораженный нарядом пастуха, пошел к нему через поле, чтобы лучше разглядеть. Оказалось, пастухи давно так одеваются, оказалось, в республике есть единственное училище, где учат на пастухов, и нынешней осенью туда приняли первую девушку, оказалось также, что форма дисциплинирует и рождает любовь к профессии. Пастушья школа расположена в старинном замке, на вершине горы — конечно, в замок надо входить в черном плаще с красным подбоем, не в комбинезоне же вступать в средневековую тень! И городок вокруг замка — старинный, чистенький, крохотный, с открыточной ясностью видимый с нашего свеклоного поля. Отец трех

сыночек и трех дочерей, грубым, сильным пальцем тыкавший в сторону замка и городка, вновь обратился к земле: «Мы убрали свеклу комбайном — все марки с поля собрали. А овцы птенниги собирают — остатки ботвы, свеклольные крошки...» Он пошел было к трактору, но опять остановился, поднял грубой и сильный палец — Вот это разумная бережливость? Видимо, вспомнил своего экономного сына.

С поля я попал на берег тихой, петлистой речушки, излучиной охватившей гору с «пастушью» замком. При всей невеликости речки через нее ходил паром, соединял городок при замке с большой дорогой. Всю жизнь меня волнуют паромы, все-то кажется: на этом берегу оставляешь дурное, ненужное, а на том найдешь новые надежды и желания. Убежден, что у паромы есть преобразующее свойство, пусть мимолетное, призрачное, но есть. Жадно вглядываешься в лица плывущих на пароме, пытаешься разгадать: от каких тревог улыбаются, от каких бед?..

Но и миротворного, утешающего в пароме много. Когда я увидел маленький, какой-то домашний паром (как выяснилось, его держала в самом деле одна семья, живущая в домике у реки), неторопливо пересекающий реку, душу обьяли — оглянемся на старинные романы — покой и сердечное довольство. Все знакомы на пароме, веселы, приветливы, словоохотливы. Как я жалел, что не знаю языка, чтобы понять эти будничные разговоры, потому что нет ничего интереснее их и поэтичнее: столько в них житейской тайны и трепета, позволительно сказать, вечной жизни. Соединишь эти разговоры с журчащей водой, со склоненными тальниками, с морщинами лицом паромщика, как вдруг радостно раздается душа и увидит паром на таежной Киренге, под старым Казачинско-Ленским. И смыкаются в тебе будни, работа на киренгских берегах с буднями этого пастушечьего городка, появляется над деревьями, городками и речками некая радуга нашей всеобщности.

Вспомню об этом пароме через несколько лет в поезде, идущем из Берлина в Дрезден. Посматривали в окно на примелькавшиеся уже пейзажи, вяло переговаривались, вдруг мальчишка лет пяти, этакая ртуть, выюн, замучивший мать своей неугомонностью, полез ко мне на колени, требуя внимания и игры. Сразу стало интересно и весело. Женщина, сидевшая напротив, голубоглазая, белокурая, с добрым усталым лицом, прежде лишь вежливо и невнимательно улыбаясь, вдруг заговорила: она немного понимает по-русски, но говорить не может, бывала в Москве, живет в Дрездене, работает в издательстве, а сейчас будет сходить, потому что надо навестить мать, живущую в Майссене. «Меня зовут Зигрид Клемм, — сказала женщина и протянула руку. — Если уж мы встретились, давайте еще поговорим. Приезжайте в воскресенье в Майссен. Будем пить чай. Как приедете, то пойдете все в гору и гору...» Вот тут-то я вспомнил «пастушью» городок, резво прыгающий под гору, к паромной переправе.

Мы отправились в воскресенье в Майссен. Долго поднимались в гору. И в

ПАМЯТИ

маленьком дворике на террасе горы, среди роз и мшистых валунов познакомилась с постаревшей Зигрид — у ее матери совершенно поблекла голубизна глаз, чуть-чуть подрагивали щеки, с приветливой словоохотливостью показывала розы, валуны, маленький ручеек, бегущий с горы через ее дворик, чтобы мы как следует все рассмотрели и как следует оценили. Я никогда не был в таком дворике, но он показался очень знакомым — это оживало, воплощалось в здешнюю траву и мох многолетнее чтение немецких сказок, баллад, романов, материализовывалось послевоенное разглядывание немецких открыток с сентиментальным уютом двориков, переулков, садилов. И мать Зигрид показала мне знакомым литературным персонажем, скажем, фрау Добрая, Достойная Старость.

Вдруг вспомнил паром, пастуший замок, и так захотелось, чтоб в памяти они соединились с этим майсенским двориком, как близкие вехи моего узнавания ГДР. Но никак не мог вспомнить название пастушеского городка. Зигрид нашла в отцовской библиотеке (отец был у нее журналистом и написал книгу о майсенском фарфоре, нет-нет да я листаю ее и теперь) то ли справочник, то ли атлас и показала маленькие-маленькие буквики — мельче нонпарели, обозначающие городок Веттин, и еле теплилась на бумаге синяя жилка реки, где берега соединяет паром.

Мы проговорились, что в Дрездене нас никто не встретил и в гостинице были некоторые неловкости. Зигрид всплеснула руками, запрочитала: да как им не стыдно, да это так не по-немецки и вообще не по-людски, подразумевая под «ними» соотечественников из Райзебюро. Мелькнула на ее лице усталость, растерянность, тревога, напомнили эти промельки Еву Маркс: соединились в моем сердце разные города ГДР, разные ее земли женской участливостью и беспокойством.

Зигрид дала нам адрес своего приятеля Курта в Эрфурте, где он владел книжной лавкой, торговавшей католической литературой и альбомами по искусству. Кроме того, Курт был старостой в костеле. Он нам показывал поздним вечером этот старинный костел. Окружила нас медлительная гулкость, некая сумрачная неизмеримость встала над нами, тревожно стало под холодными сводами, и ледяной ветерок вдруг пронесся меж колонн — сразу озябли руки и, показалось, изо рта вылетает парок...

Вижу еще один костел, в Наумбурге, при тихом осеннем солнце. На вершине собора живет женщина. Оборудовала там себе жилище и каждый день поднимается туда по стертым ступеням винтовых лестниц, и ступеней этих несколько тысяч. Увидели мы прекрасно оборудованное жилище, из окон с высоты птичьего полета открывались лесистые холмы, деревушки, ухоженные, плодородные поля, сердце при виде их наполнялось — скажем, возвышенно — миротворной благостью. С быстрыми черными глазами, хорошо сложена, хороша собою, молодая владелица пространства под крышей собора, знакомясь, сказала, что очень любит читать, и показала книжки Айтматова и Евтушенко на немецком языке. Как она взойшла на эту вершину? Очень просто. Работала медсестрой и вдруг узнала, что в Наумбурге создается общество по охра-

не памятников старины, ее увлекла история родного города, увлекла возможность познакомиться с этой историей, занятие это показалось ей предпочтительней, чем занятие медициной, нужно не только тело целить, но и душу. Она теперь пономарь в соборе, звонит в колокола и время от времени водит экскурсии. Она рада, что теперь ее жизнь полна смысла, она нашла свое призвание: служить истории, хотя бы вот здесь, на чердаке.

Когда мы спустились на тихие, усталые листьями платана улочки, вице-бургомистр, провожавший нас, толстый, низенький, веселый человек (он все поторавливал нас русским возгласом «Давай, давай!»), сказал про прекрасную «небожительницу», что есть в ее истории и отголоски личной драмы, как он предполагает, сердце ее было вынуждено подняться на эту высоту, иначе бы оно просто не выдержало. И вообще, сказал еще вице-бургомистр, лучше не рассуждать о женском сердце, все равно не понять до конца его отваги и решимости.

Соприкосновения с историей, культурой чужой земли мимолетны, шапочны, но все же остаются в тебе колокольни, паромы, ночные улицы, чтобы однажды вновь явиться и растрогать душу. В округе Галле существует местечко, где Гете по собственным чертежам построил летний театр со всевозможными остроумными приспособлениями: чтобы занавес раздвигался, чтобы сцена крутилась, чтобы декорации утягивались за кулисы. Театр этот показывала нам поздним вечером прелестная, юная женщина, гид, горящими черными глазами и просветительским воодушевлением напоминавшая жилищу костела. Ей тоже доставляла сердечную радость постоянная приближенность к Гете, возможность приобщать к его жизни других. За стенами театра был поздний-поздний вечер, почти ночь в парке, стоявшем и при Гете, взметывал огромные листья каштанов осенний, печальный ветер, листья с неохотным шепотливым шуршанием расступались под нашими шагами, опять взвихривались и устремлялись вдаль.

Теперь, лишь возьмешь «Фауста», вспоминаешь шуршащий, холодный вечер при восходящей луне, горький запах вянущих листьев, туманно белеющий сквозь деревья театр, построенный Гете.

Гатт искал себя, и поиски эти отмечены некой сумеречностью, неровностью сердечного напряжения — кажется, поэтому и все действие романа происходит в сумерках. Гатт нервничает, совершает ошибку за ошибкой, в своей категоричности и упрямстве редкостью настойчив — качества эти доказывают его художественную цельность, но вызывают в читателе постоянное раздражение, которое как раз и пробуждает к деятельности гражданскую мысль. Вообще недовольство собой, ощущение личной неправедности, видимо, всегда окрашены сумеречностью, так сказать, свое дело в жизни, забираясь под крышу соборов, показывая людям театр, построенный Гете, сочиняя книгу о метаниях Гатта, — мы понимаем в конце концов, что собственно поиски (и сомнения, рождаемые ими) украшают жизнь, а не мечтания о счастливых результатах их. А потом? Потом душа наша сравнивается с душой матери Зигрид Клемм, то есть мы заменяем состояние поиска на состояние ожидания: когда придет Зиг-

рид, когда придет кто-то из родных, — эти вечерние надежды печальны и, может быть, мелки, но зато сколько в них покоя и равновесия.

Путешествуя по памяти, легко с уютных осенних полей Германской Демократической Республики перенестись в дождливую майскую Италию, в автобус, катящий по ее дорогам. Когда дождь стихает и начинают набухать солнцем облака, над итальянскими холмами взвевает сиреневая дымка, и сразу окрестности приобретают знакомые черты, вынесенные то ли из Эрмитажа, то ли из музея имени Пушкина. Музейно-литературная знакомость сопутствовала нам на всех итальянских дорогах, но иногда удавалось пробиться сквозь нее. В Венеции смотрел фильм об утверждении фашизма в Италии: задаются, громко хохочущие люди все примеряли черные мундиры, и хохот, и примерка, и торжество хамской тяжести показывались основательно, крупными планами, видимо, пародировалось пристрастие Муссолини к монументальности. Редкие пейзажные кадры в фильме показывали бесконечные болотистые пространства, по которым бесконечно бежит, падает в воду, цепляется за кочки и кусты молодой рыжий человек с испуганными зелеными глазами. Он убежал от черных толстозадых людей, и убегание его тоже показывалось с неторопливой основательностью: как ест, как пьет, крупные желваки при этом, крупные кадык; как спит на поляне, вздрагивая, приставившая, крупная муха ползет по верхней губе — такая вот протокольно крупноплановая пристальность заставляла задуматься о будничности страха, о его житейски обыкновенных проявлениях, о хамстве, жесткости, оттеняющих хрупкость жизни, но ею же и рожденных и часто при нашем попустительстве.

Протокольное записывание жизни, подчеркнутое выпячивание некоего автоматизма человеческих отпавлений характерны и для «Римских рассказов» Моравиа, немедленно вспомнившись после фильма. Есть в такой манере изображения что-то от тщательно детализированного фотографического портрета, с его точно воспроизведенными интерьерами и фигурами, но все равно застывшего, мертвого, и не пробуждают движения ни доля искусственной ретуши, ни доля подвеченности.

Моравиа однажды приезжал в Иркутск, мы были с ним на Байкале, была и его жена Дача, написавшая известную у нас книгу «Записки воровки». За ухой разговорились о сексуальной революции, настойчивым пропагандистом которой в литературе был Моравиа. Он говорил, что бессмысленны одежды человека, и так всем все ясно, в сущности, вся его жизнь проходит в наготы: и рождается нагим, и умирает — нельзя же считать, чтобы условные покровы защитили его от инстинкта устремления мужчины к женщине или наоборот. Надо отказаться от одежд, а естественность любви вполне сравнима с естественностью утолнения голода. Я же говорил, что есть все-таки смысл в сокрытии тела, что когда достают амфоры со дна моря, тайна, заключенная в этих амфорах, с химической точки зрения, может быть, несущественна, но для человека с его воображением, с его жаждой переустроить мир сердцем тайна являет, так сказать, лепет веков и музыку неизреченности. И любовь полна неизреченности и смутного векового лепета, всегда поселяющих в сердце надежду, и надежда эта не исчерпается...

Моравиа сжимал тонкие губы в недовольный рубец, гладко причесанные, редкие волосы, казалось, были приклеены и как-то так облепляли голову, что она походила на тигриную, на лысеющую тигриную голову, хищно насторожившуюся. Жена его обильно пользовалась перекисью водорода и по колеру, по убранныости прически походила на наших продавщиц из военторга. Она с холодной улыбкой все поддакивала Моравиа. А он был то ли не совсем здоров, то ли была у него полоса сумрачности,

но он источал недоброежелательность, вылившуюся потом в брызжащие строки статьи «Обед в Иркутске», полную огорчительной, сумрачной запальчивости. Когда он узнал, что я собираюсь в Италию, он дал свой римский телефон и предложил встретиться в Риме.

Я позвонил, но секретарь его сказал, что Моравиа нет в Риме, но он (секретарь) советует позвонить еще раз, через день. Но и через день Моравиа не вернулся, а может быть, секретарь врал, но больше я уже не звонил.

В поздние сумерки поднялись мы на Капитолийский холм, где жила в клетке волчица, мрачно и неустанно метавшаяся из угла в угол. Постояла возле нее, никак не смиряющейся со своей неволей и не желающей видеть людей, — волчица металась, не поднимая головы. Волчица когда-то вскормила Ромула. Мы отошли к балюстраде, но все равно было слышно, как когти стучат по железу клетки. Очень нервная жизнь у волчицу на Капитолийском холме, говорят, они не спят ни днем, ни ночью. И часто меняются. У подножия стоял дом Софи Лорен, окна в нем были просторны, как витрины магазина, и шел в комнатах некий раут — шторы не задергивались, чтоб публика на холме видела, как сидела в кресле Софи Лорен в немудреном пенном одеянии и припадали к этой пене бесконечные мужчины в черных фраках. Потом лакей задернул шторы, и любопытствующие потекли с Капитолийского холма — как легко, оказывается, соединяется древняя история, великая история с нуворишской прихотью кинозвезды, возжелавшей жить у подножия римской истории, под нервной скрежет когтей ее хранильницы — волчицы.

Потом прошлись по вечерним улицам и улочкам. Одна была устлана коврами — оказалось, расстилали их модные магазины для богатых и скорее всего красивых римлянок. А вот и кафе, где любил бывать Гоголь, — вокруг было пусто, и призрачно-серебристый римский воздух усугублял пустоту и просторность. Я вспомнил, как Анненков описывал свой приезд в Рим и приход на квартиру к Гоголю, с которым условивались вместе путешествовать. Хозяин сказал: «Нет, синьора Николая не будет в ближайший дни». Анненков стал сокрушаться: «Как же так, я же писал, предупредил». — и вдруг увидел, как дрогнула занавеска на соседней двери — это Гоголь подглядывал: кто пришел, не помешает ли, не омрачит ли жизнь пришелец?

Показалось до легкого, дрожливого замедления, что встрепенулась, дернулась занавеска в кафе, кто же это хочет узнать нас? Кто там прячется?

Под покровом ночи уместнее всего, видимо, перебраться в Париж, в Версальский дворец, где однажды меня поразили бегущие и играющие дети 7—9 лет. Среди внушительного шествия туристов, двигающихся из одной спальни короля в другую, носились мальчишки и девчонки, и им не делали замечаний. Оказалось, была среда, день, в который по всей Франции детей водят в музеи. В этот день школьники от мала до велика знакомятся с отечественной историей. Эти малыши, играющие в прятки и догонялки, сначала мельком, отблеском запямяти свой первый день в Версале. Но они придут сюда еще и еще, и постепенно любознательность заслонит детскую резвость, откроет и отверзнет сердце для истории, для прошлого родины, без которого невозможно вырасти настоящими гражданами.

В Париже была у нас гидом Татьяна Николаевна, болгарка, давно живущая во Франции, прекрасно говорящая по-русски, фанатически любящая свою профессию, несмотря на нездоровые ноги. Она знает в Париже каждый камень. Когда в Лувре мы подошли к Моне Лизе, Татьяна Николаевна сказала: «Вот будут сейчас стоять, часами восхищаться, хотя рядом другая картина Леонардо ничуть не уступает ни по настроению, ни по исполнению, ни по загадочности улыбки». Действительно, картина

эта размерами значительно скромнее, чем Джоконда,— женщина на ней улыбается с некоторой растерянностью и в то же время с грустью знания — такую улыбку вызвал у нее младенец Христос. Художник так наморщил ей губы, что сразу испытываешь живую сопричастность ее мимолетному душевному движению...

Действительно, если бы мы так охотно не склонялись к стереотипам, сколько бы открыли дополнительной красоты и дополнительного знания, которое мы пропускаем, уставившись в общепринятую точку. Во власти чужого мнения мы отвыкли думать сами, мы лучше себя чувствуем, когда за кем-то тянемся, кому-то поддакиваем, кого-то повторяем. В Амбуазе мы были в доме, где жил Леонардо и где устроен теперь музей. Увидел движущуюся модель танка, который предполагал он построить, увидел модели самолета, подводной лодки, еще каких-то остроумных технических сооружений,— пробивалось в зал сквозь средневековые переплеты осеннее солнце, и возникло такое отстранение от окружающего дня, что казалось, вот-вот заговорю по-французски, вот-вот постигну в живом объеме прошлое и настоящее этого зала, вот-вот растворюсь в волне родства и причастности ко всему человечеству.

И я на манер других путешественников все хотел порыться в сундуках букинистов, расположившихся вдоль Сены. Ходил часа четыре, поставив перед собой скромную цель: найти хоть одну русскую книгу. Наконец, у какой-то малопонятливой старой женщины извлек из ящика «Известия Академии наук СССР» за 47-й год. Пытался выяснить, как попала к старухе эта книжка, с трудом понял, что досталась в наследство вместе с другим хламом. Других русских книг не встретил, но еще ходил и ходил вдоль рядов, разглядывая открытки, политические карикатуры и старинные, таинственные, замечательно изданные книги на чужих языках.

От Парижа осталась в сердце площадь Бобура возле центра Помпиду, где, говоря нашим языком, прямо-таки бушует самодеятельность: тут и фокусники, жующие стекло и глотающие шпaги, ходящие по ножам и гвоздям, и замечательно грустный, меланхоличный оркестрик из Перу, собирающий деньги для возвращения домой, а в скверике студенты репетировали «Мнимого больного», не обращая внимания на любопытствующие взгляды, на неудобство, доставляемое прохожими, самозабвенно прыгая, хохоча, гримасничая. Я не заметил, как прошло два часа, и долго чувствовал после этого радостную сердечную успокоенность.

И, конечно, вспоминаю Авиньон. На тамошней толкучке вдруг увидел открытку с видом на храм Христа Спасителя в Москве. На берегу Роны мы долго ахали, рассматривая его и поблекшие слова, поздравлявшие кого-то с рождением. Эта вещь из давних дней наполнила душу этакую эгегическую мечтательностью, Авиньон воспринимался сквозь нее.

Были в гостях у учителя географии, и он чуть ли не со слезами на глазах восхитился, когда узнал, что я жил в Сибири: как, в самой Сибири?! Он немедленно принес атлас, попросил показать, где я бывал. Я показал Иркутск, деревни и села на Нижней Тунгуске и Лене,— авианский географ, оказывающийся, давно болеет Сибирью, все прочитал, что можно прочесть в Авиньоне, по физической географии Сибири и с некоторой суверенностью был поражен, что судьба свела нас — одного, жившего долго в Сибири, и другого, мечтающего в ней побывать. Майским вечером в доме под Авиньоном я рассказывал о деревьях на берегах сибирских рек, о золотом осеннем пламени лиственниц на Нижней Тунгуске, которое, может, больше всего согревает мне душу. Принудливы, но не случайны такие встречи, потому что в человеческом сердце должны соединяться каштаны на берегу Роны и лиственницы на берегу Нижней Тунгуски.

Адрес интересного опыта

**ШИТЬ ПЛАТЬЕ,
ПОЧИНИТЬ ЛЮБОЙ
БЫТОВОЙ ЭЛЕКТРОПРИБОР,
ОТРЕМОНТИРОВАТЬ МЕБЕЛЬ...
КАЖДЫЙ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ
ЭТО САМОСТОЯТЕЛЬНО
В МАСТЕРСКИХ
НА УЛИЦЕ САДОВОЙ В ОДЕССЕ.
ЗДЕСЬ ВСЕГДА
МНОГО МОЛОДЫХ.**

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

"ДАЙТЕ КНИЖКИ БЛАГОДАРНОС

Твоздя в стену вбить не может, мужчина называется!» — сетуют современные женщины, упрекая сильную половину человечества в инфантильности. Что ж, упрек этот очень часто справедлив. Но зададимся вопросом: а где иному хозяину дома совершенствовать свое умение в столярном и слесарном мастерстве, как ему починить пылесос, кофемолку (бытовых электроприборов становится все больше), если он решит сделать это самостоятельно, не прибегая к услугам службы быта? Нужны соответствующие инструменты, нужен навык. Организовать в квартире мастерскую? Но для этого, пожалуй, понадобится лишняя комната.

Недавние документы партии и правительства прямо указывают, где искать применение времени и силам, высвобождающимся в результате отказа от дурных привычек. Творчество — художественное и техническое — может занять немалое место в новой структуре досуга. Разумеется, самостоятельные конструкторы и умельцы нуждаются в поддержке. Кое-где им идут навстречу. В Рязани, например, двери мастерских и лабораторий станций детского техниче-

ского творчества по вечерам открыты для взрослых. В Рузском районе Московской области при жэках организуют столярные и другие мастерские, просто комнаты с набором инструментов — приходи и работай. Увы, подобные примеры пока единичны. Конечно, неплохо бы в каждом городе, а еще лучше в каждом городском квартале открыть такие общественные мастерские, но вот беда: жэки и дэзы свято хранят тишину заколоченных подвалов.

Домашним мастерам можно и нужно помочь. Расскажу, как это сделали в Одессе, — опыт этот достоин подражания.

В августе прошлого года Одесский горисполком принял решение создать в городе «улицу быта». С первых этажей домов по Садовой (центр города, рядом Дерibasовская) в другие места были переведены разные конторы и организации, не соответствующие новому назначению улицы.

Работы, выполняемые службой быта, вполне по плечу мастерскому человеку, рассуждали в Одессе. А раз так, пусть на улице быта будут представлены все бытовые службы города. Чего не хватает домашним мастерам? Условий. Вот вам условия!

На Садовой, 20, желающие могут сами починить любой электроннагревательный прибор. Запчасти и добрый совет консультанта гарантируются.

На Садовой, 16, есть возможность почпечатать на машинке, сделать чертеж, посчитать на микрокалькуляторе.

На Садовой, 14, с помощью набора химических препаратов и совета дежурного специалиста можно удалить нечаянно посаженное на одежду пятно.

Кроме того, на улице «сделай сам», как ее называют сами одесситы, есть все условия, чтобы попилить, построгать, сделать ключ, починить сантехнику, раскроить ткань и сшить платье, — консультанты всегда готовы помочь... Интересно было поговорить с посетителями мастерских, выпросить, что же их сюда привлекает.

— Запчастей нигде не достанешь, кроме как у спекулянтов, а здесь — пожалуйста.

— Я на заводе дело с металлом имею, у меня высокий разряд. Хотелось бы и дома с железками позаниматься, но нет нужного инструмента. А тут есть.

— Жена здесь под руку не смотрит. Жены, увы, порой очень скептически оценивают способности мужей. Вот в обувную мастерскую заходит пара. «На-

нет и услуги. Не рано ли обрадовались домашние мастера?

— Нет, не рано, — утверждает главный инженер областного управления бытового обслуживания населения Геннадий Федорович Фролов. — К декабрю прошлого года улица принесла нам 600—620 тысяч рублей прибыли. Из них 20 тысяч — услуга «сделай сам». Мало? Смотря как оценивать...

— Но почасовой прокат инструментов, оборудования — это же копейки, — возразил я. — Как ни старайся, не окупится новая услуга.

— Правильно, — соглашался главный инженер. — Вы сами видите ее долю в общем доходе. Но ведь каждая наша мастерская — это своего рода цех фабричного объединения «Рембыттехника» и т. д. Все городские предприятия, участвующие в организации услуги «сделай сам», устойчиво рентабельны и план по общему объему бытовых услуг постоянно перевыполняют. Так что мастерская, в которой так заинтересовано население, никак не стянет предприятия в долговую яму. Наоборот, внедрив новую услугу, мы избавились от складских неликвидов — в основном это запчасти — на сумму 25 тысяч рублей. Когда нет желающих поработать самостоятельно, мастера-консультанты не сидят без дела — работают, как в обычных мастерских.

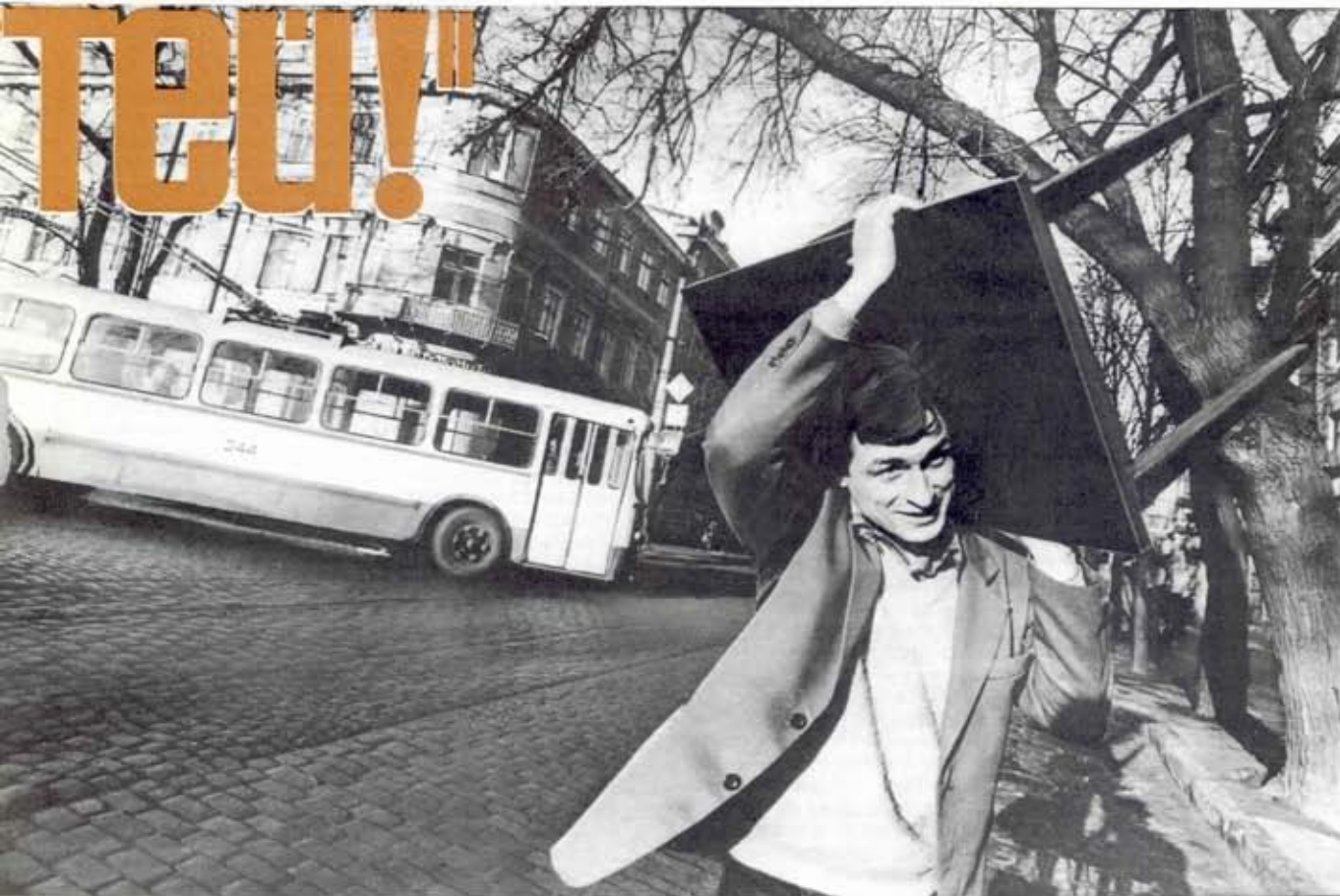
бить косячки? Пожалуйста, — приглашает мастер-консультант. — Вот ваше рабочее место, вот инструмент, материал...» Муж берется за молоток и в тот же момент слышит ироническую, с одесским юмором реплику супруги, удобно устроившейся в кресле: «Интересно, сколько тебе понадобится времени, чтобы прибить эти косячки за пять минут?»

Однако настороженность тает быстро. В швейной мастерской, например, очень много постоянных клиентов, причем за швейными машинками часто можно увидеть и мужчин.

Домашние мастера улицей довольны, но вот вопрос: как оценивают новшество бытовки, которым услуга «сделай сам» приносит, оказывается, мизерную прибыль. Дальше ясно и непосвященному: нет прибыли, значит, в конце концов

гу
тебя!!!

Мы убеждены, — продолжал Геннадий Федорович, — пора возвращать клиентам долги. Сегодня мы обязаны думать об интересах заказчика, какими бы мелкими они нам ни казались. Сейчас в ходу выражение «повернуться лицом к заказчику». Считаем, что этого мало. Надо протянуть ему руку. И тогда исчезнут многочисленные жалобы в наш адрес — пока мы их заслуживаем.

Что ж, критическое отношение к сделанному — залог того, что в Одессе жалоб на службу быта станет меньше. Да, улица для домашних мастеров — это хорошо. Ну, а если пойти им навстречу еще дальше? И здесь мне хочется пофантазировать.

Если могут существовать мастерские на правах небольших цехов, то почему бы такие мини-цеха не создать при жэках и дэзах? Ведь в крупных городах (опыт одесситов используют уже в Куйбышеве, Рязани, Ставрополе) одной улицы «сделай сам», пусть даже и отлично организованной, для многочисленных умельцев будет маловато.

Закончить хочется вопросом. В мастерских на Садовой уже сейчас трудно с материалами — обыкновенной доски не сыщешь. Почему? Оказывается, нет пока у службы быта договоров с предприятиями о реализации промышленных отходов через салоны «сделай сам». Где же добывают заготовки посетители мастерских? Разумеется, не только в магазинах. Так не получается ли, что мы поощряем несунув? Не удар ли это в спину хорошо задуманному делу?

СТРАСТИ ОТ

Задолго до исхода XVIII века Иоганна Себастиана Баха забыли настолько основательно, что стали путать с другими членами рода и семьи. Его черты вписывались в некий общий портрет полугендерного музыкального кудесника, что заставлял звучать давно обезголошевшие органы, завораживал музыкой зверей и птиц, исцелял недуги. Этот граф Калиостро от музыки не имел никакого отношения к создателю «Страстей по Матфею», «Бранденбургских концертов», «Пассакалии», «Искусства фуги», «Клавирных упражнений», «Чаконны». И великим Бахом стал в глазах современников его сын, одаренный и трудолюбивый Эммануил. Старший из сыновей Баха, выпивоха, дебошир и бродяга Фридеман, растерявший в своих бесконечных странствиях все, кроме исполнительского мастерства, спокойно-иронически следил за возвышением Эммануила, довольствуясь славой несостоявшегося гения. Но, пожалуй, самым знаменитым из всех Бахов стал младший брат, Иоганн Христиан, так называемый лондонский Бах, автор популярных опер. Он плохо помнил отца, был безразличен к его музыке и пренебрежительно называл «старым париком». Непроглядная ночь поглотила Иоганна Себастиана, и казалось, навсегда...

Чтобы вернуть в мир гения, нужен другой гений. И он нашелся. Рысьи глаза двадцатилетнего Феликса Мендельсона-Бартольди высмотрели жемчужину в музыкальной завали прошлого — «Страсти по Матфею». 11 марта 1829 года тонкая рука сидящего за роялем Мендельсона (он дирижировал, согласно традиции берлинской Певческой академии, сидя за роялем боком к публике) подала знак хору, и спали чары векового забвения. Великий Бах вернулся в мир, и начался новый отсчет музыкального времени.

Феномен Баха... Как часто произносятся эти слова в применении к величайшему композитору всех времен и народов! Да, Бах был феноменально одарен — гений из гениев, столь же феноменально трудолюбив, рядом с ним можно поставить лишь титана Возрождения, неистового Микеланджело, но феномен его все же в другом. В том, как мало был признан современниками творец величайшей музыки, как прочно забыт в последующих поколениях. Безоговорочно был успех Баха лишь как исполнителя, прежде всего органиста. Прославленный француз-виртуоз Маршан, сделавший вызов всем немецким музыкантам, услышав накануне состязания игру Баха и тайно на рассвете бежал из Дрездена, оставив поле боя за соперником. Эта история стала широко известна в немецких землях, впрочем, слава Баха-органиста вышагнула за границу. Другое дело — его музыка, которую мало знали в Германии и вовсе не знали в Европе. Музыка Баха была на слуху обитателей тех городов, где он служил органистом либо капельмейстером и пока он там служил: Ордруфа, Веймара, Арнштадта, Лüneбурга, Мюльгаузена, Кетена, Лейпцига. Ему приходилось концертировать в Гамбурге, Дрездене, Берлине и других городах, но широкой огласки эти выступления не получали.

Влиятельнейший музыкальный критик той поры Иоганн Маттесон ставил Баха куда ниже не только Генделя, но даже легкокрылого Телемана или Зеленки, о которых вспоминают только потому, что они были современниками Баха.

Композиторскую безвестность Баха можно отчасти объяснить тем, что его сочинения, кроме «Выборной кантаты» и «Клавирных упражнений», не были изданы. Уже после смерти вышло «Искусство фуги», все остальное осталось в рукописных нотных тетрадках, поровну разделенных между Фридеманом и Эммануилом и прочно забытых ими.

Издаваться было дорого, этого не мог позволить себе композитор, чьи сочинения расходились туго, даже «Клавирные упражнения», так восхищавшие позднее Моцарта и Бетховена.

Но Баха это вроде бы мало трогало, он был человек отвлеченный, музыка поглощала все его духовные и душевные силы, а то, что оставалось, он тратил на семью и музыкальное воспитание одаренных сыновей, на житейщину не оставалось ни времени, ни сил. Он запускал дела, пренебрегая своими педагогическими занятиями, не пестовал доверенных его попечению юношей во внеучебное время. Это вызывало справедливое раздражение у церковного начальства, на Баха сыпались упреки, письменные выговоры, взыскания. Он оставался безразличен до какого-то предела, а там, словно очнувшись, кидался вруклопашную. Конечно, он бывал не прав, но и консистория редко оставалась в рамках корректности.

Все это портило жизнь, омрачало дух, но никак не отражалось на музыке, на ее чистоте и высоте. Из этого многие исследователи сделали вывод о величностном, надличностном характере его творчества. На том стоял и великий знаток Баха Альберт Швейцер. Но когда я сталкиваюсь с такого рода постулатами, мне сразу вспоминается глубокая шутка Жана Жироу, что Троику погубили утверждения. Безапелляционные и недоказуемые утверждения опасны. Отку-

да в самом деле известно, что таилось в глубине глубин Иоганна Себастиана? Внеличностное всегда холодно, ибо жар творениям придает лишь присутствие человека. Мы еще вернемся к теме парадоксальной музыкальной судьбы Баха, а сейчас обратимся к его биографии.

Иоганн Себастиан Бах родился 21 марта 1685 года на земле Тюрингии, в старинном Эйзенахе, в семье городского музыканта, скрипача и чембалиста Амброзиуса Баха. Тюрингия дала Германии и знаменитого реформатора Мартина Лютера, восставшего против католицизма с его догмами и ритуалами.

Как и ко всем Бахам, музыка рано поступалась в двери маленького Себастиана. Конечно, он, подобно всем остальным Бахам, обладал абсолютным слухом и отменной музыкальной памятью, но это удивляло его близких не больше, чем кошку, что у ее котенка короткие ушки и длинный хвост. Если ты Бах, то ты заведомо музыкант, вопрос только в том, что станет твоим орудием, говоря ремесленным языком: орган, скрипка, клавесин, труба или флейта. Впрочем, было немало Бахов, равно искусных в любом роде музыки. Универсальным и великолепным музыкантом был двоюродный дядя Себастиана Иоганн Христоф, и кабы не племянник, быть бы ему величайшим из всех Бахов.

Себастиану не было и девяти, когда он потерял мать, а через год не стало и отца, уже приохотившего мальчика к скрипке и клавикордам. По старонемецкой традиции забота о сиротах перешла к старшему брату Себастиана, органисту Ордруфской церкви Христофу.

Легенда, жадно цепляющаяся за каждый скольнибудь приметный факт скупой биографии Иоганна Себастиана, повествует, что мальчик похитил ноты из тайника старшего брата, и ночами при лунном свете (скряга Христоф трясся над каждым свечным огарком) переписывал композиции знаменитых музыкантов в свою тетрадку, и уже тогда испортил зрение, что привело в старости к полной слепоте.

Автор отличной книги о Бахе Сергей Александрович Морозов справедливо высматривает легенду: нужно было великое и невиданное чудо полугодового полнолуния при чистом, без облачка небе, чтобы сладить эту работу. Зная изменчивый характер Селены, трудно поверить в такое ее постоянство. Но что-то похожее, наверное, было: нет дыма без огня. Заветная тетрадка с дивными песнями побывала в руках маленького Себастиана, что вызвало недовольство осторожного Христофа, хорошо знавшего, как не любит церковное начальство музыкальных новшеств.

Но уже не преданиям, а реальной биографии Иоганна Себастиана принадлежит его обучение в лицее при кирхе святого Михаэля в Лüneбурге, его участие в хоре, бдения в школьной музыкальной библиотеке, славящейся по всей Германии. — Бах в высшей мере обладал способностью слышать музыку внутренним слухом. К истинной биографии Баха принадлежит и наслаждение органной игрой знаменитого Бема, черты которого проглядывают в ранней органной музыке Иоганна Себастиана. В Ордруфе начались тоже преувеличенные легендарные пешие походы Баха музыки ради. На своих крепких ногах он ходил за сорок верст в Гамбург слушать престарелого виртуоза органа Рейнкена, не чурался он и новомодного искусства оперного композитора Рейнхарда Кайзера. И хотя симпатию к «красивым песенкам», как он называл арии, Бах не утратил и в зрелые годы, опера осталась чужда его творчеству, в отличие от Генделя.

Завершив школьное обучение, Бах не пожелал идти в университет, твердо зная, что его призвание — музыка. После короткого пребывания в Веймаре, где он служил скрипачом в маленькой капелле герцога Иоганна Эрнота, ему предоставляют место органиста и руководителя школьного хора в городке Арнштадте.

Каждый из городов, где довелось жить и работать Баху, по-своему значителен в его судьбе. Не являет исключение и Арнштадт, хотя Бах провел там всего четыре года. Здесь стал он тем виртуозом и знатоком органа, которым безоговорочно восхищалась вся Германия. Здесь раскрылся его импровизационный дар и начались налады с церковными ортодоксами, пугавшимися его артистических порывов. И здесь же впервые разрешили Баху исполнить на пасху кантату собственного сочинения. Так начался композитор Бах. В апреле 1704 года прозвучала эта кантата.

Арнштадт сохранил память и о первой шутке Баха,

конечно, музыкальной. Бах не был шутником, серьезно веет от его облика с молодых до преклонных лет, он был человеком неторопливых движений, обстоятельных поступков, живость и быстрота посещения его лишь во время игры на органе, когда он творил чудеса с ножной педалью, а ручной беглостью ошеломлял свидетелей, но вместе с тем он не принадлежал к тем великим душам, которые, по словам Томаса Манна, начисто лишены чувства юмора. Трогательно, что все дошедшие до нас немногочисленные шутки Баха были музыкального свойства. Когда в Аугсбург прибыл родной брат Баха Иоганн Якоб — он держал путь в Швецию, подражившись полковым гобоистом к воинственному Карлу XII, еще не остуженному Полтавой, — в честь волонтера был устроен праздник. Иоганн Себастиан украсил дружескую пирушку шуточным каприччио «На прощание с горячо любимым братом», единственным своим произведением в духе программной музыки. Гости от души хохотали, слушая рыдания, которые Бах ввел в тему расставания. Кстати, эти рыдания оказались предвидением: сыграв атаку, трубач Якоб под барабанную дробь бежал с поля Полтавской битвы вместе со своим королем и очутился в турецком плену.

И наконец, Арнштадт познакомил нас с Бахом-дуэлянтном. Как это непохоже на «рассудительнейшего Баха», но что было, то было: ночной бой на шлагах с дирижером церковного хора Гейербахом, чью игру на фаготе Бах публично поносил. Бах назвал самолюбивую юношу «свиньячим фаготистом». А ученик, подогревшись холодным мозельским, обозвал метра «песым отродьем» и обнажил оружие. Бах был при шлага, его клинок сверкнул, и посреди Рыночной площади на глазах пораженных прохожих церковной органист и наставник молодого хора отстоял свою честь с бесстрашием какого-нибудь д'Артаньяна.

Иные биографы Баха стыдятся этого «мушкетерского» эпизода, иных не устраивает взрыв темперамента, бурное проявление живого человеческого чувства у того, кто рисуется им неким музыкальным роботом. А, по-моему, это прекрасно — яркий поступок земного, смелого и сильного человека.

Пока арнштадтские власти раздумывали, как покарать забывшего о своем учительском достоинстве Баха (наказать его противника было куда проще), Иоганн Себастиан предпринял одно из самых своих значительных путешествий к замечательному органисту и композитору старику Букстехуде. И это путешествие в Любек через всю Германию предание, на редкость щедрое к Баху-ходоку, заставило его проделывать пешком в оба конца.

Что вынес Бах из своего трехмесячного визита к одному из столпов немецкой органной музыки? В органной технике — виртуозное владение ножной педалью, в чем никто не мог соперничать с Букстехуде; как творец музыки он был увлечен и покорен масштабностью идей и форм любекского органиста.

В Любеке Бах подвергся не только музыкальному давлению. Когда-то молодой Дитрих Букстехуде пришел в этот большой город со славными музыкальными традициями и унаследовал должность органиста Мариенкирхе, женившись на дочери Тундера, многие годы занимавшего это место. Когда подросла его собственная дочь Анна-Маргарита, музыкально одаренная, прекрасно игравшая на клавикордах, но обделенная внешней привлекательностью, Букстехуде решил упорчить традицию и передать свое место вместе с рукой дочери какому-либо талантливому молодому органисту. Но ни могучий Гендель, ни смекалистый Маттесон не клюнули на эту приманку. Поколебавшись, воздержался от предложения «органной невесте», как прозвали злые языки Анну-Маргариту, и пригласившийся старому Букстехуде Иоганн Себастиан.

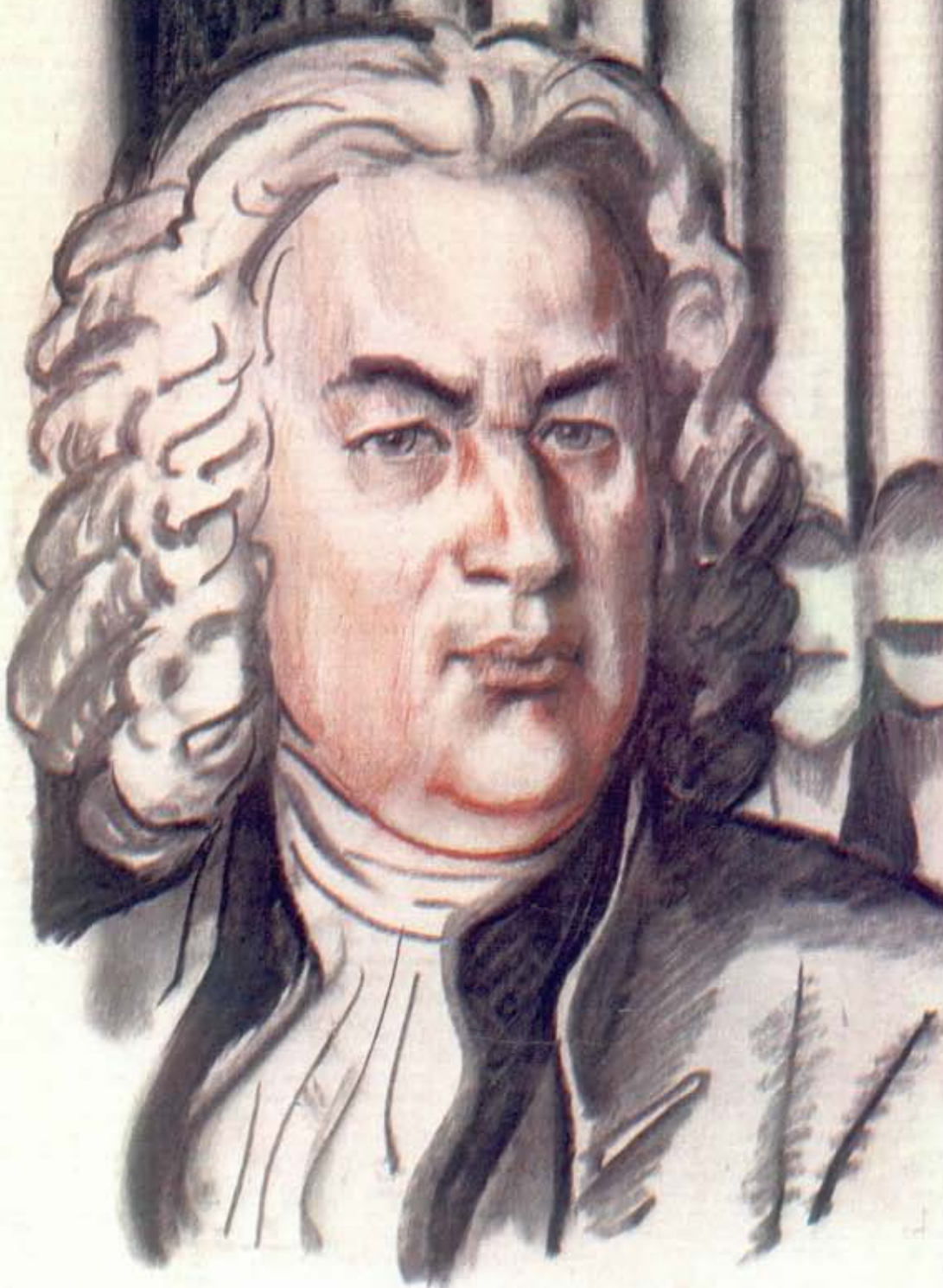
В Арнштадте был магнит куда более притягательный — кузина Мария-Барбара, очаровательная девушка и талантливая певица. И Бах бежал из Любека. Вернувшись в Арнштадт к обозленному его долгим отсутствием церковному начальству, Бах не замедлил усугубить свою вину: к славе дуэлянта он прибавил славу донжуана и осквернителя церкви.

Еще в Гамбурге он был очарован присутствием женских голосов в хоре. И он пригласил в свой хор Марию-Барбару. Впервые под суровыми сводами арнштадтской церкви легко и чарующе зазвучало очаровательное сопрано.

«Да молчит женщина в церкви», — изрек апостол Павел, который, как и все раскаявшиеся грешники,

ИОГАННА

КЛУБ
МУЗЫКА
С ГОЛОС

был нетерпимым ханжой. Консистория усмотрела настоящее преступление в том, что вскоре станет повсеместным обычаем. Да ведь извечно стреляют по летящему первому в стае.

Бах решил оставить Арнштадт. Такая возможность вскоре представилась: в Мюльхаузене был объявлен конкурс на замещение должности органиста в церкви святого Власия. Бах одержал блестящую победу и получил должность. Прижимистые отцы церкви скрупулезно перечислили все виды довольствия, которое полагалось на под церковному органисту. Этот любопытный документ сохранился: «Восемьдесят пять гульденов деньгами и плата натурой: три меры пшеницы, две сажени дров, из коих одна дубовых, одна буковых, шесть мешков угля и—вместо пахотной земли—еще шестьдесят вязанок хвороста, кроме того, три фунта рыбы ежегодно—все довольствие с доставкой к дверям дома».

При таком содержании остается одно: жениться, что Бах и делает. Этому радостному событию предшествовал традиционный мальчишник—прощание с холостой жизнью—отмеченный второй музыкальной шуткой Баха. Нам, мрачноватым людям исхода двадцатого века, трудно проникнуться весельем наивной чепухи: под выкрики «Квашня! Квашня!» Бах распевал лирическую арию, после чего музыка переходила в какофонию, а гости покатывались от смеха. Загадочная «квашня» навела исследователей на мысль, что фамилия Бах происходит вовсе не от поэтического ручья, а от весьма земного слова «бакстрог»—«квашня», с которой так много приходилось иметь дела предкам композитора—потомственным пекарям.

Жизнь в Мюльхаузене началась с самых добрых предзнаменований, и трудно было представить себе, что уже на будущий год Бахи снова окажутся в дороге. Здесь была издана первая и последняя при жизни Баха кантата, которая вошла в историю музыки под названием «Выборная», ибо была посвящена выборам в муниципалитет. Бах и Мария-Барбара по-детски радовались, получив отклик нот, где на обложке крупными буквами были напечатаны фамилии бургомистров, господ Штрекера и Штейнбаха, и крошечными, вpletенными в виньетку, фамилия композитора.

В Мюльхаузене Бах пал жертвой не узколобых членов консистории, которых равно не устраивала ни его музыкальная, ни внутренняя свобода, а ученых-богословов, наложивших запрет на баховские импровизации. Ему вменялось в обязанность лишь сопровождать хораль, без всяких «украшательств», то есть без намека на творчество. Для такой жалкой роли Бах не годился, и он покинул Мюльхаузен, где успел испытать счастье.

Неволью он повторял судьбу своих предков—бродячих музыкантов. На этот раз он прикомандован назад в Веймар, где занял должность камерного и придворного органиста у правящего герцога Вильгельма Эрнста Саксен-Веймарского.

Относительный достаток и творческую свободу приходилось оплачивать иного рода унижениями. Под оболочкой просвещенного государя Вильгельм Эрнст скрывал грубый нрав немецкого князька-самодура. По праздникам он наряжал своих музыкантов гайдуками, иных использовал на кухне. Правда, Баха он по мере сил щадил, зная ему цену, но в конце концов посадил под арест.

В Веймаре Бах провел около десяти лет, здесь достиг полной зрелости его талант, здесь созданы его знаменитейшие органные произведения. Этот период творчества Баха можно смело назвать органным. Бах мыслил органом, как Шопен—фортепиано, этот часто встречающийся образ при всем своем изяществе и остроумии не совсем верен, ибо Шопен навсегда остался пленником рояля, Бах же не признавал никаких оков. Он был всеобъемлющ. Вслед за «органным» Веймаром пришел «клавирно-инструментальный» Кётен. Лейпциг вернул его к органу, но ведь, кроме Томаскихе, тут было циммермановское кафе, где Бах творил чудеса со смычковыми и духовыми.

Веймар—это кантаты в новом стиле, позволявшем широко использовать мотивы народных песен и танцев, очеловечивающих небесную музыку. Пушкин и Дельвиг любили говорить: чем ближе к небесам, тем холоднее. В новых кантатах Баха разряженность слишком приближается к горным высям атмосферы, сменяется плотным и теплым воздухом, где свободно дышится груди, где расцветают все чувства и страсти, доступные приюде человека.

Веймар—это и первая светская кантата, так называемая «Охотничья», откуда Бах будет долго черпать мелодии и темы для других сочинений.

Веймар—это поэт либретто кантат и проповедник морали Эрдман Ноймейстер, один из немногих современников Баха, знавших ему настоящую цену, а такой человек необходим даже самому безразличному к признанию творцу. Нужно, чтобы письма доходили хотя бы по одному адресу.

В веймарские дни стал непререкаем авторитет Баха как знатока органа. И знаменитая история со

струсившим виртуозом Маршаном тоже разыгралась в эту пору, прославив Баха на всю Германию.

И тут нравный Вильгельм Эрнст, словно спохватившись, что слишком долго мирволил Баху, резко изменил свое к нему отношение. Когда открылась вакансия на место директора музыки, он демонстративно предпочел Баху ничтожного молодого Дрезе. Бах ответил на этот вульгарный жест прошением об отставке. Разгневанный герцог приказал арестовать Баха. Таков оказался последний образ Веймара. В тюрьме Бах сочинял очаровательные полифонические миниатюры, верная Мария-Барбара носила ему домашний обед. Через месяц Баха выпустили, мысль о примирении с самодуром герцогом даже не пришла ему в голову. Он оставил насиженное гнездо и со всей семьей перебрался в Кётен.

Кётен никогда бы не был отмечен кружком на музыкальной карте Германии, если бы в течение шести лет директором камерной музыки при дворе ангальт-кётенского князя Леопольда не состоял Иоганн Себастьян Бах.

В Кётене был начат сборник «Наставительных упражнений» для старшего сына, Фридемана, скромно названный «клавирной книжечкой». Из этой книжечки выросли бессмертные «Упражнения для клавир», единственное монументальное издание, осуществленное при жизни Баха.

В кётенские дни, путешествуя с герцогом Леопольдом и аккомпанируя его флейте в присутствии маркграфа Бранденбургского, Бах удостоился похвал Христиана Людвига. Не ограничившись похвалами, тот предложил Баху сочинить большой концерт в итальянском роде, но на немецкий манер. Баху не много надо было, чтобы загореться. Он создал не один концерт, а целый цикл изумительных Бранденбургских концертов. С обычной щедростью бедных людей к богатым он собственноручно каллиграфическим почерком переписал партитуру шести концерт-гроссо и преподнес маркграфу. Он не дождался и слова благодарности, его ноты были брошены в какой-то пыльный угол и забыты.

В этих концертах Бах вышагнул из своего времени, уловив романтическую настроенность века грядущего. Судьба гениальных концертов вовсе не заботила Баха, он был влекомо новыми музыкальными задачами. Воистину Бах был олицетворением символа веры нашего великого поэта: «Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех». Сколько восторгов выпало Вивальди за его сверкающие концерт-гроссо, но что стоит их сладкозвучие рядом с ошеломляющим драматизмом Баха!

Поразительно, что эти концерты Бах создавал в самую мрачную и печальную пору жизни: скоропостижно в его отсутствие скончалась преданная Мария-Барбара. Жизнь не наносила Баху удара страшно. Но какая это была душа! Он ответил на жесточайшую и нежданную потерю не взрывом отчаяния, не потоками слез, не погружением в пучину страданий, не ослаблением чувств жизни, а могучим напряжением творческой воли. Тут невольно вспомнишь слова Швейцера о величии творчества Баха: прямых отзвуков душевной боли не найдешь в этих концертах. Но что мы знаем о том, как переживает страдание великой души в материю искусства? Может, когда мы станем выше, мудрее, когда станем тем, что мы есть, то есть познаем самих себя, а значит, и стихию, в которой растворено наше существование, мы услышим в музыке Баха преображенную скорбь о любимой.

Музыка помогла Баху изжить свою боль, увидеть ясным взором то трудное положение, в котором очутился он, вдовец с четырьмя детьми, и принять необходимое решение. Детям нужна мать, дому — хозяйка, ему — жена. Все это он объяснил дочери трубача Вильке, юной Анне-Магдалене, певице и музыкантше. Рассудительная не по годам девушка вняла его доводам. Через полтора года после смерти Марии-Барбары была сыграна свадьба.

Эта свадьба отмечена третьей шуткой Иоганна Себастьяна. Он сочинил кводлибет, для которого сам придумал слова. Как бы ни умилялись биографы Баха «грубоватым юмором», с каким воспета добродетель невесты, сколько бы ни ссылались на его далеких предков — шпильманов, охочих до соленой простонародной шутки, это произведение решительно выходит за рамки пристойности и свидетельствует о сильном, но плотском влечении и о недостатке любви. Бах никогда бы не позволил себе ничего подобного в отношении первой жены. А любовь к тихой, самоотверженной и прелестной Анне-Магдалене еще придет и окажется взаимной, музыка кводлибета очистится от вульгарных слов и станет песней сердца.

Сюиты и партиты отметили новый этап жизни Баха. Тогда и прозвучала впервые несравненная «Чаконна» — «звучковой гигант, грозящий сломать нежное тело скрипки» (Вольфрум).

Бах угадал возможности виолончели, которая в его пору не была солирующим инструментом, и ввел Золушку в высший свет.

Но величайший шедевр богатой кётенской поры Бах создал все-таки не для скрипки или виолончели, а

для клавира, ибо всегда оставался прежде всего полифонистом. Это гениальное создание носит удручающе скучное название «Хроматическая фантазия в фуге ре минор».

Существует мнение, что Бах покинул Кётен из-за того, что герцог Леопольд, женившись, охладил к музыке. К этому добавляют, что ему хотелось сменить обстановку — слишком многое напоминало о Марии-Барбаре. И то, и другое соображение не выдерживает критики. Вся жизнь Бах являл совершенную независимость от своих хозяев, будь это консистория, магистрат или владетельный князь. А одержимость музыкой избавляла Баха от излишнего воздействия внешних обстоятельств. Причина его отъезда в том, что он больше не мог без органа. Он и в Кётене сочинял органную музыку, но в кальвинистской стране эта музыка была обречена на немоту. А тянуло к органу неудержимо, и нужен был хор, и прихожане, и даже пар от их дыхания.

Тут как раз умер престарелый органист Кунау, и открылась вакансия в лейпцигской Томаскирхе. Правда, городской совет рассчитывал на счастливого соперника Баха, талантливого и поверхностного Телемана, но избалованный маэстро пренебрег приглашением. Тогда совет предложил почетную должность кантора капелмейстеру из Дармштадта Христофу Грауперу, но того не отпустили. Бах знал обо всей этой униительной для него возне, но музыка была важнее всех житейских соображений. Пусть многочисленные городские чины считают его посредственностью, пусть восхищаются ничтожной музыкой и не слышат звуков небес, какое ему до этого дело?

Лейпциг — это последняя станция на пути бродячего музыканта, отсюда он уйдет сперва в небытие, потом в бессмертие, когда вся огромная Томаскирха станет его усыпальницей и памятником. Но говорить о Лейпциге подробно значило бы повторять уже знакомые нам мотивы: могучее, неустанное творчество, скромные семейные радости, изнуряющая борьба с властями за свои права и достоинство и возможность работать так, как того требует высшее веление, обязательство, взятое невесте перед кем, но неотвратимое, как рок.

Бах проявлял достаточно упрямства и плохого характера в ссорах с начальством, но ему платили сторицей. Он манировал обязанностями учителя пения, да ведь ему подсовывали на редкость бездарных, безголосых учеников. Когда же Бах сталкивался с талантом, он не жалел сил и был не просто хорошим, а необыкновенным педагогом с собственной методикой и подходом, недаром же многие его ученики заняли выдающееся место в музыкальной жизни Германии. Он подавал мудрые доклады ректору и в магистрат, как улучшить преподавание музыки, приблизить его к новым, современным требованиям, но не встречал глухоту. Начальству нужны были только рутинная и покорность. Но Бах совсем разучился покоряться, видимо, трудно, напрямую беседуя с небом, угождать земной персти. Бах висел на волоске, сплело его лишь покровительство короля Польши и курфюрста Саксонского Августа, сделавшего его своим придворным композитором.

Но не все было так уж мрачно в его лейпцигские дни. Он возглавил Телемановский студенческий кружок, который регулярно давал концерты в Циммермановской кофейне раз в неделю, а во время ярмарок — дважды. Никогда не соглашусь, что Бах только из-за денег участвовал в этих концертах. Прежде всего, тут он был свободен от давления начальства, во-вторых, он слишком любил музыку, чтобы без всякого удовольствия попробовать себя в новом роде. Свидетельство тому — искристая «Кофейная кантата». «Бах написал музыку, автором которой скорее можно было бы считать Оффенбаха, чем старого кантора церкви св. Фомы», — сострил Альберт Швейцер.

Но, конечно, не «Кофейная кантата» — вершина лейпцигского периода творчества Баха. В эту пору была создана большая минорная месса, прозванная «Высокой».

Пожалуй, можно уже не удивляться, что и это произведение никогда не исполнялось целиком при жизни Баха. Оно просто было не по силам тогдашним музыкантам. Мессу целиком слышал своим внутренним слухом лишь ее создатель. Минувло сто лет, когда потрясенный мир узнал это грандиозное произведение, но в церковный обиход месса так и не вошла, оставшись концертным произведением для первоклассных артистических сил.

После «Гольдбергских вариаций», о которых уже говорилось, посуровевший лик Баха в последний раз озарился веселостью. Он сочинил «Крестьянскую кантату», которая при его жизни называлась «К нам приехало новое начальство». По традиции тут полагалось посмеяться над простаками-крестьянами. Великий плебей нарушил традиции и высмеял господ.

После этого улыбка погасла на просторном лице Баха. Слово предчувствия близость исхода, он отринул все второстепенные музыкальные заботы, отказался от руководства Студенческой коллегией и целиком посвятил себя строгой музыке. Он завершил

«Хорошо темперированный клавир» и погрузился в монументальный цикл «Искусство фуги», где было мало человеческого тепла и красота формы отыскивалась почти научным путем.

В ту же пору Бах совершил знаменитое путешествие к Фридриху II по его настоячивому приглашению. Многие видят в этой поездке чуть ли не пик баховской судьбы, увенчание всей его деятельности. Не нужно преувеличений. Фридрих действительно принял Баха с почетом, но музыку его не понял, оценив в нем лишь виртуоза и знатока музыкальных инструментов. Мне кажется, что Бах предпринял это путешествие в тайной надежде, что король-флейтист поможет ему в издании его сочинений, судьба которых не могла не волновать композитора. Одно дело — равнодушие к успеху, другое — желание сохранить наработанное за всю долгую жизнь. Если догадка моя верна, то Бах испытал жестокое разочарование. Скупой, как все Гогенцоллерны, Фридрих не дал ему ни гроша, напротив, это Бах одарил его музыкальным подношением. Все как встарь.

По возвращении домой Бах решил издать за свой счет хотя бы «Искусство фуги», желая прежде всего сохранить для будущего первоопору своего музыкального здания.

Превозмогая режущую боль в глазах, он принялся каллиграфическим почерком переписывать ноты для гравирования. Эта тонкая и напряженная работа окончательно доконала его больные глаза. В отчаянии Бах решился на тяжелую, мучительную операцию, в успех которой не верил. Знаменитый английский хирург (раздутое ничтожество) бесстрашно сделал свое черное дело. К полной слепоте прибавились непрерывные боли.

Распорядившись отослать подготовленные к гравированию ноты в типографию, Бах, похоже, потерял всякий интерес к судьбе своих сочинений. Он диктовал зятю Артниколю хоральную фантазию на мелодию «В тягчайшей скорби», но назвал ее — не случайно — «Перед твоим престолом». Из тьмы и нестерпимой, пронзающей мозг боли исторгалась не жалоба, не мольба о милосердии, не скорбный упрек, а чистая, прозрачная хвала Создателю, исполненная мужественного смирения.

Судьба явила Баху чудо: отверзла ему вежды. Он увидел прекрасное лицо жены, освобожденное любовью и терпением от всех земных тяжестей, увидел милые, бледные, испуганные лица детей и тихо, спокойно простился с ними, ибо понял, что за ниспосланной ему милостью последует не исцеление, а скорая кончина...

О Бахе трудно сказать, что он создавал музыку, она сама творилась в нем беспрестанно, ежечасно, ежесекундно, в радости и скорби, в суматохе бытовых дел. Переезжая из Кётена в Лейпциг, он в заботах о багаже, перевозке домашнего скарба, расплате с возчиками и всей прочей сумятице находит какие-то щели в днях, чтобы сочинять кантаты. Даже домашние не понимали, как умудряется он это делать. Баху не нужно было обеспечивать себе рабочее настроение, высвобождать душу из пут житейщины, дожидаться прихода того неестественного, придуманного бездельниками состояния, которое называют вдохновением, чтобы сочинять музыку, как не нужны водопаду особые усилия, чтобы мощно и грозно рушить свои пенные потоки, такова его изначальная сущность, он водопад и не может быть другим. Бах столь же мощно извергал музыку, которая беспрестанно творилась в нем. Все впечатления бытия оборачивались для него музыкой, все чувства и все раздумья, спор и согласие с вечностью, обращение к небу и к земле, любовь к женщине и к детям, даже — это вовсе не исключено — бытовые неурядицы, вечные ссоры с консисторией и городскими властями, донимавшими колосса, как лилпуги Гулливера, истинно молвил поэт, что прекрасное создается «из тяжести недоброй». Скажем так: из тяжести недоброй — тоже, но прежде всего из той великой тайны, которой является человек для самого себя.

Есть весьма существенное отличие Баха от водопада, от любой стихийной силы, с которой хочется его сравнить, ибо иной ряд уподобления кажется мелким. Стихии совершенны сами по себе, их великолепная ярость спонтанна. Баху для высвобождения переполнявшей его творческой мощи требовалось непрерывное напряжение воли.

Гениальность, помноженная на волю и труд, — вот что такое Бах. Звенящей от напряжения волей пронизаны все его произведения: кантаты, фуги, оратории, концерто-гроссо, сонаты, сюиты. Бах всегда видел конечную цель, он не принадлежал к гениям, которые не ведают, что творят (впрочем, сомневаюсь, чтобы такие вообще существовали).

Могучая воля Баха через его музыку сообщается слушателю. В тебе словно обновляется кровь, ты становишься сильнее и чище, светлее и выше, укрепляется тот нравственный закон, который так волновал старую душу Иммануила Канта.

Музыка Баха близка сердцу, разуму и телесной сути человека. Она не рациональна (кроме «Искусства фуги») вопреки недоуменному (а вдруг ирониче-

ЗЕМЛЯ, МЫ ДЕТИ ТВОИ

скому?) вопросу Осипа Манделштама: «...неужели, /играя внукам свой хорал/, Опору духа в самом деле/ Ты в доказательствах черпал?» О нет, Бах не искал доказательств. Он рассчитывал, как математик, а за дело брался, как поэт. Но поэт думающий. Не птица небесная, не Фет, а Гете и Тютчев. Он самый интеллектуальный из всех композиторов, но размышления накалены чувством. Поэтому так всеобъемлюще его воздействие на слушателей, поэтому так накинута на него двадцатый век.

Баха пытались зачислить в мистики. Пустое занятие!.. Он натура необыкновенно здоровая в духовном, психическом, нравственном и физическом смысле, исполненная света и жизненной мощи.

И вновь задумываешься: отчего признание вдруг обходит большого творца? Ответ напрашивается один: если язык его искусства непонятен современникам. Так, долго не понимали Шенберга, создавшего новую музыкальную систему — атональную.

Бах не был новатором в этом смысле, обновителем музыкального языка, он подытожил в своем творчестве все музыкальные достижения немецкого средневековья. В основе его постройки хорал. Бах одухотворил старые формы, новизна его музыки в содержании, до которого не могли подняться не только церковники, но и многомудрые критики, создающие репутации.

Бах — композитор XX века — казался Маттесону отсталым, он просто не понимал, какая новизна скрывается в старой форме. В передовых и лучших у Маттесона ходили композиторы, оставшиеся свободными от прошлого. Через столетия Маттесон и ему подобные протягивают руку тем, кто травил Чайковского, а Рахманинова признавал лишь в качестве исполнителя.

Все, что не разглядел многомудрый критик, интуитивно, бессознательно постигал простой люд, доверчиво внимавший баховой музыке. Иоганн Себастьян оставался равнодушен к эфемерному расположению сильных мира сего, равно и к отзывам музыковедов, но привязанность ремесленников, торговцев, мелких чиновников, учителей, земледельцев, садовников, студентов, фонарщиков, почтарей, сторожей, слуг согревала и ободряла, помогала держать прекрасную рабочую форму, давала прямизну стану, неутомимость крепким ногам, доброе расположение духа. В противном случае жизнь была бы горька, и это проникло бы в музыку. Но музыка Баха пронизана могучей жизнью, и какие бы страсти ее ни терзали, когда дарит просветлением. Музыкальное здание Баха на редкость цельно и прочно.

Относительная прижизненная непризнанность Баха волнует нас. Баху-творцу до этого не было дела, а потомственному профессиональному музыканту Баху достаточно было, что он не посрамил род и с честью носит свое имя. Он был потомком шпильманов — бродячих музыкантов, принадлежал к громадному музыкальному клану Бахов, распространившемуся по всей Германии. Для них музыка была ремеслом, не в нынешнем уничижительном, а в старинном, высоком и гордом смысле слова, когда каждый ремесленник гордился своим цехом не меньше, чем какой-нибудь аристократ длинным списком предков. Музыка была их занятием и средством к жизни. На музыкальные заработки они приобретали дома, обстановку, содержали большие, многодетные семьи и выводили в люди сыновей, тоже становившихся музыкантами.

Богатырь статью и духом Гендель хотел все иметь при жизни, он неутомимо ратоборствовал, отстаивая свой престиж, свое место под солнцем, и преуспел в этом. Бах никуда не торопился, спокойно дождался своего часа и стал Первым — навсегда.

Да, посмертная слава Баха беспримерна, но скажу в заключение о другом.

В начале нашего столетия некий высокоодаренный молодой человек, эльзасец родом, сочетавший в своей личности немецкую мечтательность с французским рационализмом, философ, богослов, органист, написал замечательную книгу об Иоганне Себастьяне Бахе. Его звали Альберт Швейцер. И, создав эту удивительную по глубине и проникновенности книгу, трогательно притворившись в ней бесстрастным исследователем, строгим, не поддающимся увлечению ученым, когда вся душа его трепетала от восторга перед объектом исследования, он устыдился вторичности своего дела — рыбка-паразит в акульей челюсти. Он бросил кафедру, блестяще начатую карьеру, отринул все заманчивые предложения, уселся на студенческую скамью и принялся зубрить медицинскую латынь. Зная, что ему не по плечу творческий подвиг, достойный Баха, он решил подняться до него живым деянием и, выпущенный врачом, уехал в африканские тропики лечить туземцев, вымирающих от сонной болезни, проказы и туберкулеза. Уехал на всю жизнь, прихватив в память о прошлом лишь крошечный самодельный органчик. Он до конца остался верен «братству боли» и недоумевал, за что ему присудили Нобелевскую премию. Вот так фулкий стон органичных труб из глубины восемнадцатого века откликнулся в наше время великим подвижничеством.

Юрий КЛЮЧНИКОВ,
грузчик,
Новосибирск

*Мы маяки всю жизнь
по жизни ищем*

*И бьемся о чужие берега.
Пока не обдерешь о рифы днище,
Не загорится башня маяка.
Огни его все ближе.
Но у цели,
Где гавань долгожданная видна,
И самые безжалостные мели,
И самая высокая волна.*

Геннадий АВЛАСЕНКО,
животновод,
Червень

*Весенний сиреневый цвет
И ржавая гильза снаряда...
Так рядом закат и рассвет...
Так рядом.
И лес от росы голубой,
И серый бетон обелиска...
Так близко надежда и боль...
Так близко.*

Николай БОГДАНОВ,
инженер,
Москва

*Всегда чудесница — природа.
На ветках тонких кружев вязь.
Снежинки в тихую погоду
Порхают вниз не торопясь.*

*Мороз в безветрии не злится.
Возня и писк перед окном —
С утра разбойницы-синицы
Уже обшарили балкон.*

*Один закон зимой и летом —
Природа вечно не стара.
И можно радоваться свету,
Как в детстве, в юности, вчера...*

Елена ЛЕМЕХОВА,
студентка,
Мурманск

Сирень в Мурманске

*Погожий августовский день
Так редок за Полярным кругом.
А в Мурманске цветет сирень,
Давно забытая на юге.*

*Ее холодный дождь сечет.
Мороз сентябрьский на подходе...
Но все равно сирень цветет
Назло ветрам и непогоде.*

*Все как во сне, в прекрасном сне, —
Смешались вдруг весна и осень!..
Цветет сирень, а рядом с ней —
Рябины золотые гроздьи.*

*Осенний ветер тучи рвет,
На проводах дожди качая...
А в Мурманске сирень цветет,
Весну на время возвращая.*

Руслан ЧЕКМАРЕВ,
подсобный рабочий,
Москва

Пионерлагерь

*Я вспоминаю
детство лета:
и изумление снов полета,
и пробуждение от горна
вдобавок
с дружеским тычком.*

*Захлеб друзей над сей победой,
и ослепления обиду,
свистящую дульным паром
и завершённую смешком...*

*О, детства игры,
я скучаю
не по наивности началам —
по всепрощающим финалам
на фоне
нашей суеты.*

*...Любили
аховой любовью
и пахли пастою зубною,
которой
мазали девчонок
мы в доказательство любви.*

Михаил ОКУНЬ,
инженер,
Ленинград

*Январский день. Пейзаж зимы.
Из труб проросшие дымы
Уходят вертикально в небо.
Поселок — в двух шагах.*

*И мне бы
К тебе заехать после лыж.
Смотреть на скаты
белых крыш
И притвориться, что простужен.
Пить чай, остаться и на ужин,
И книжную приладить полку,
И радоваться втихомолку
Уюту... Но себе я лгу:
Хотя близка к тебе дорога,
А все же твоего порога
Переступить я не могу...*

Николай АБРАМОВ,
рабочий,
Ладва

Детство

*Красные кони на синей траве,
синее небо над городом красным...
В детстве все кажется красно-прекрасным,
детство прошло в голубой синеве...*

*Юный художник: рисует украдкой,
полный серьезности взгляд у него.
— Но почему же, — спросил я, — в тетрадке
синий и красный, два цвета всего?*

*— Просто полотины карандаши,
ждешь не дождешься,
что папа починит.
Волосы ветер слегка ворошит...
— Красный слсаю, останется синий...*

*Пусть вам покажется — однообразно,
но рисовать заотелось и мне:
синее небо над городом красным,
красные кони на синей траве!*

**Любовь
КРАСНОРЕЧЕНКО,**
гладильщица,
Новороссийск

Бурятия

*Мне к родине приникнуть...
В Сибирь! — еще бы раз...
В тайге сорвать чернику,
Испить брусничный квас.
В том домике, что окнами
Через овраг глядит,
Чтоб встретили и вспомнили
Соседи без обид.
За шишками кедровыми
Собраться б налегке,
Пройти тропую кровню
В том милом далеке,
Припасть
К ручью овражному,
Где бьет светло родник,
И рассказать бы каждому,
Как в сердце мне проник
Родимый край Бурятии,
Что детством озарен...
В нем сестрами и братьями
Здесь каждый наречен...
На родину, на родину —
Там дорог каждый миг...
Сибирь мою взволнованно
Душа всю жизнь хранит.*

Петр СТРОИТЕЛЕВ,
каменщик,
Донецк

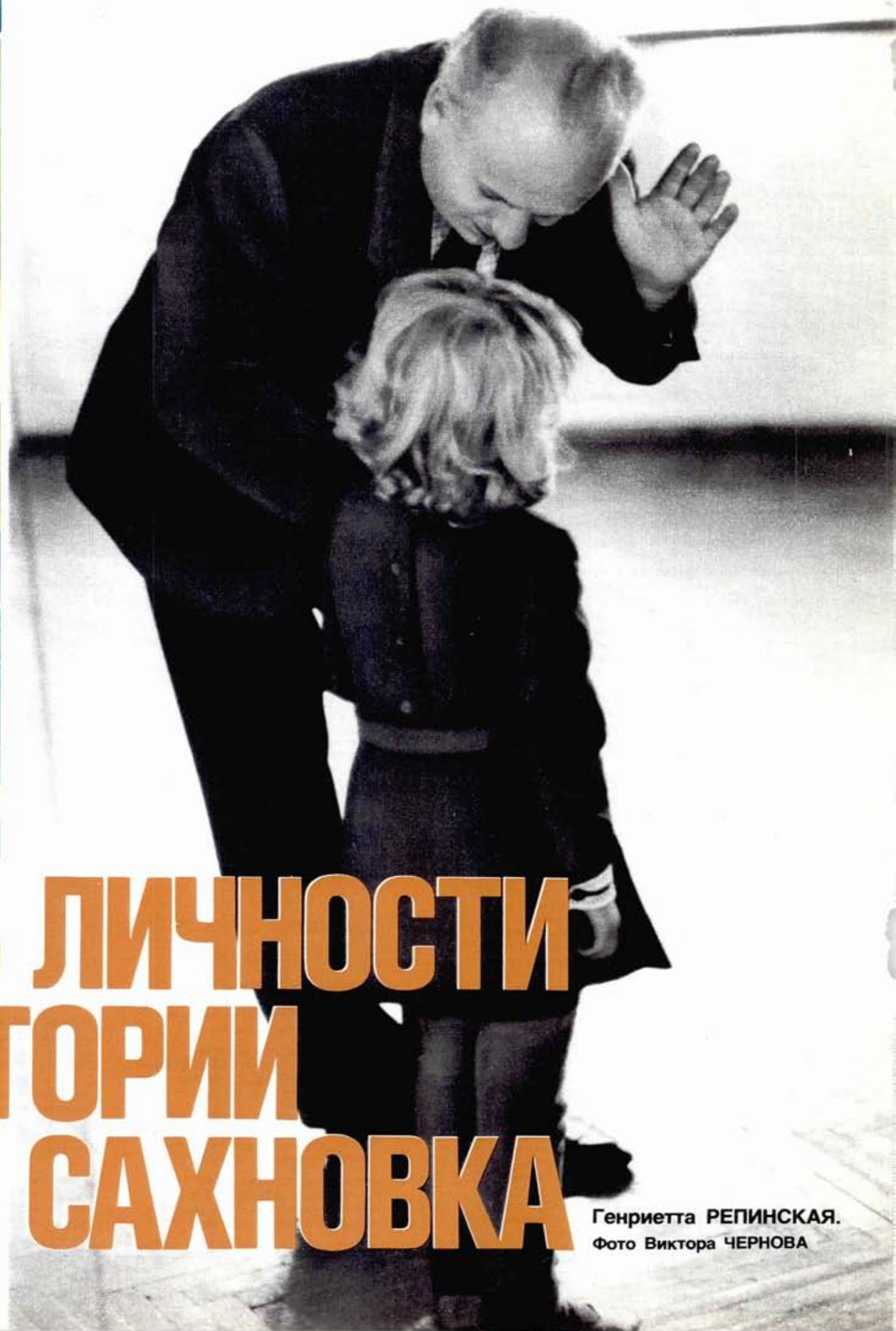
Вечер

*Словно пламя войны,
догорает закат.
Все темнее разлилов
озер синева.
Я смотрю на седую
вершину Карпат —
На седую,
совсем как моя голова.
Вечер кутает
в сумерки сизую даль.
Остроглавыми башнями
выглядит лес.
И сияет луна,
как большая медаль,
На широкой груди
задремавших небес.*

Творческая педагогика

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА, КОТОРОЙ РУКОВОДИТ ДЕПУТАТ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР АЛЕКСАНДР АНТОНОВИЧ ЗАХАРЕНКО,
УЧИТ ДЕТЕЙ ЗЕМНЫМ ВЕЩАМ, НО ОНА ХОЧЕТ,
ЧТОБЫ ГЛАЗА ИХ БЫЛИ УСТРЕМЛЕННЫ К ЗВЕЗДАМ.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ СЕЛА САХНОВКА

Генриетта РЕПИНСКАЯ.
Фото Виктора ЧЕРНОВА

Гомоня, как гусята, первоклассники сыпаются с бортика в бассейн. Один, видно, пропустил несколько занятий: оглядывается на товарищей и никак не послевает за ними. Те плывут уже к противоположному бортику, поощряемые тренером:

— Ножками, ножками работаем... Хорошо-о-о!

А этот все никак не справится со своей пенопластовой дощечкой. Толкнулся посильнее, а она, коварная, вывернулась — и мальчик булькнул с головой в воду.

И сразу как будто стоп-кадр ожил: рванулся к нему тренер, метнулись к бортику медсестра и воспитатель, секунду назад поглощенные разговором, выскочили из раздевалки девятиклассники, которые и вовсе, кажется, ничего не могли видеть.

Руслана мгновенно вытащили из воды, насухо вытерли, облачили в байковую рубашку, и уже через несколько минут он авторитетно поучал «с суши» своих друзей, как надо плавать. Малыши занимаются там, где глубина по пояс. Все, кто был в бассейне, это знали. Они и откликались не на опасность — ее не было, — а на испуг ребенка.

Свидетелями описанного ЧП мы стали на занятиях в школе села Сахновка Корсунь-Шевченковского района Черкасской области. Эпизод этот запомнился как пример чуткой настроенности взрослых на сигнал, идущий из мира детства, и способности к мгновенным действиям по этому сигналу. Такое рождается лишь примером и воспитывается, поддерживается непрерывными подвижническими усилиями. Пример в данном случае не абстрактный. Учителем целого села — в самом высоком значении слова «учитель» — стал ди-

ректор школы Александр Антонович Захаренко.

В 1959 году Александр Захаренко, выпускник Черкасского пединститута, с молодой женой Верой, недавней однокурсницей, приехал на работу в Сахновку. Небогатое село мало чем могло порадовать. Старенькое здание бывшей земской школы вмещало всего три класса. Остальные занимались в три смены в кое-как приспособленных девяти хатах. Школьники не поражали знаниями, зато опасно славились и за пределами села буйным нравом и склонностью к небезобидным забавам.

Их не трогала красота математических формул и строгая точность физических законов, а рассказы Захаренко о том, какой станет школа в Сахновке, откровенно веселили. Обсерватория и планетарий в их селе? Чего уж тогда не помянуть о полетах к звездам?

— Звезды потом, — заверил Захаренко, — сначала научимся просто летать.

К этому времени он понял, что вести ребят к пониманию красоты простых вещей надо через необычное, непознанное.

Известие, что на окраине сгрузили с машины самолет, село встретило с молчаливым уважением. Оно уже пережило удивление, когда Захаренко вместе с учителем Виктором Васильевичем Вертебой приволокли из бора здоровенную сухую лесину и долго колдовали, устанавливая ее во дворе. Лесина оказалась антенной собственной конструкции, благодаря сей штуковине село приобщилось к чуду телевидения. Раз теперь Захаренко говорит, что полетит, значит, полетит.

Его же уверенность в этом была не столь безоговорочной. Но он надеялся на своих мальчишек: они мастерски владели рогатками; принцип действия этого замечательного оружия и предло-

лалось использовать при запуске планера с помощью резиновых амортизаторов.

Полет восторженные крики Захаренко сделал на планере круг над поляной. А через несколько дней при повторном запуске с оглушительным треском рухнул на землю. И хотя планер — аппарат безмоторный, на этот раз был и взрыв: лопнувший амортизатор с оттяжкой ударил по арбузу, который держал в руках ослепевший от удивления крестьянин. Осколки брызнули во все стороны. На щеке селянина остался небольшой след от резинового жгута, что дает ему основание называть себя при встрече «крестником Захаренко».

Полет директора не попал в историю авиации, но он важен: ученики Сахновской школы засели за учебники.

Сегодня звание выпускника Сахновской школы — это марка: ребята из села поступают в институты и университеты, уверенно обходя горожан на приемных экзаменах. А Сахновка даже не административный центр. Сельсовет, правление колхоза, другие учреждения помещаются в соседнем поселке. В Сахновке только школа. Но какая!

Был случай: поженились двое из разных сел. Все склонялось к тому, чтобы жить у молодого мужа — дом полная чаша, хозяйство справное, село большое. А выбрали Сахновку. Дети пойдут, в такой школе учиться — радость.

Презентажная, выстроенная по собственному проекту, с превосходным оборудованием предметных кабинетов, школа прекрасна. Блестит умопомрачительной чистотой. В столовой накрыты белыми скатертями столы, яркие праздничные рушники на стенах, цветы. Для младших классов столовая отдельная — как сказочное кафе. «Так интереснее и спокойней, — объясняет директор, — большие, они ж, когда голодные,

идут как лоси. Затопчут. А здесь малыши сами хозяева».

Вообще малышам, пока они привыкают к учению, нужны особые условия, считает Захаренко. Их сумели создать, когда ввели в строй учебно-производственный комплекс. В этом здании трем младшим классам отведено по этажу. На каждом — учебная комната, спальня и огромный холл, устланный ковром. На рекреацию — так называется это пространство у проектировщиков — в Сахновке отвели в семь раз большую площадь, чем предусмотрено строительными нормами: хватает места и для общих игр, и для хождения на голове в индивидуальном порядке.

И при таких условиях Захаренко все же не решился взять в школу шестилеток. Настоял на том, что нулевой класс должен быть в детском саду, отправил туда своих учителей. Наверное, он прав, потому что сохранил детям праздник учения. Шестилетки в детском саду ждут уроков, радуются им...

Во всей Черкасской области два бассейна. Один — в областном центре, другой — в селе Сахновка. Дважды в неделю занятия плаванием обязательны для каждого ученика, больше — сколько душа пожелает. По вечерам бассейн открыт для жителей села. Здесь все, как положено. Вот только воду хлорировать не хотят (детям глаза щиплет!). И пока не достали особый кварцевый песок для фильтров, опускают в воду серебряные полтинники. «Седьмой полтинник идет в дело, — говорит Захаренко. — Небольшой запас еще есть. Это нам надарили, когда мы собирали экспонаты для музея».

Музей — одна из ранних по временистроек Сахновки. Еще одна мечта Захаренко воплотилась здесь: научить понимать красоту повседневности. Чем-то интересным помнята в музее каждая семья Сахновки. А одним из самых трогающих стал зал, где собраны рушники в память о не вернувшихся с войны.

История зала такова. В день открытия в селе памятник воинской славы поразил всех поступок бабы Мотри: она принесла из дому и повесила на ограду памятник рушник, который вышивала, ожидая трех сыновей, с войны не вернувшихся.

— Люди ахнули, заплакали и бросились по домам, — вспоминает Захаренко. — У кого был рушник, вынули из сундука. У кого не было — побежали в магазин. Вся ограда была рушниками увешана: и редкой красоты, и совсем простыми. Мы все их потом взяли в музей — такая необыкновенная память...

Сегодня, когда устраивается в Сахновке свадьба, молодые обязательно приходят в музей. Юный экскурсовод проводит их по залам. А потом выходят они на школьный двор, идут, сопровождаемые всеми жителями, по селу — к своей новой совместной жизни. Наверное, поэтому разводы здесь редкость.

А рядом с музеем, между прочим, находится тоже собственноручно построенная обсерватория, в которую ко-

да-то не верилось. И планетарий есть. Гаснет свет, на куполе высипают звезды, и дежурный двенадцатилетний астроном читает лекцию о галактических окрестностях села Сахновки: «До Альфа Центавра отсюда 3 световых года, 2 месяца и 12 дней».

Свою программу производственного обучения Сахновка начала осуществлять задолго до того, как было принято решение о реформе школы. Собственно, она и была в числе тех учебных заведений, чей опыт подкреплял основные направления реформы.

«Не игра в труд, а воспитание в труде» — вот кредо Захаренко. В хорошо оборудованных мастерских маленькие работнички в спецодежде деловито вытачивают гайки, делают фланцы для сельскохозяйственных машин, шнуры к электроприборам. Школа обучает также профессии водителя, тракториста, швей-мотористки, оператора машинного доения. Вся продукция производится по договору с предприятием. Заработанное, по общему решению, делится так: большая часть на школьные нужды, остальное — на карманные расходы.

А теперь признаем честно: то, что есть в Сахновке, имеют пока далеко не все школы. И не все готовы иметь. Сюда приезжают за опытом. Смотрят жадными глазами, удивляются, а потом, переполненные увиденным, садятся в автобусы и с оттенком обиды говорят: «Конечно, если иметь такие деньги, все можно сделать».

Но дело-то в том, что никаких таких денег Сахновка не имеет. Ничего сверх обычного бюджета, но очень много сверх обычных усилий. Здесь каждый не только уверенно произносит: «Государство все обеспечит!», — но и задается вопросом: «Что я могу сделать, чем помочь?» Захаренко привык задавать себе такой вопрос. «Мы ж не слепые, — объяснила одна бабка. — Встанешь утром корову выгнать, глядь, Антоныч с топором на стройке. Солнце прожегашь, а он кирпичи кладет. Для чего это ему после работы снова ломаться? Для детей старается. Как же мы могли остаться в стороне?»

Сначала он поднимал их — взрослых и детей — на воскресники. На строительство музея выходили, например, 52 раза, работали в общей сложности больше тысячи человек. Никто не удивлялся, когда депутат сельсовета Александр Захаренко просил отпустить его с заседания, потому что его смена заступала на бетонирование. Закончив дела, и сельсовет в полном составе являлся помочь. Это полагали естественным, так же как сейчас считают закономерным, что поднявший народ на такое дело Захаренко предводительствует теперь уже не в сельском, а в Верховном Совете СССР, что высочайшей честью быть избранным в члены президиума XXVII съезда КПСС удостоен и он, директор школы из Сахновки.

Особенно много значила стройка для детей. Захаренко стремился утвердить принцип: учение и труд могут быть не менее увлекательными, чем игра, а

удовлетворение, которое они приносят, высоко и ни с чем не сравнимо. В Сахновской школе об ученике судят не только по отметкам. Есть второй табель, в котором оцениваются старательность, прилежание (пресловутое жалобное «Я учил!» часто ведь бывает правдой, но что делать, если предмет не дается!). Учитываются общественная активность, трудовые усилия, отношение к товарищам, родителям, старшим.

Оценку дают: сам ученик, одноклассники, родители, мастера, звеньевые и бригадиры «производства» и, конечно, учителя. Опыт показал, что наиболее объективно мнение класса, самого аттестуемого заносит иногда, его родителей — очень часто! Оценки суммируются: тот, кто получает «пять», — удостаивается грамоты независимо от учебных успехов.

Когда очередная стройка закончилась, дети загрустили. «Раньше я в школу бежала, а теперь хожу», — призналась в сочинении одна девочка.

Однако вокруг Захаренко долго не ходят с опущенной головой. Задумали новое дело — строительство тепличного комплекса; не просто цветков в вазу и свежий огурец зимой к обеду — полрайона сможет обеспечить Сахновка. Школьники будут приходить в теплицы на несколько часов, а постоянными работниками будут взрослые. В данном случае депутат Захаренко собирается, кроме чисто педагогических, решить и экономические задачи — дать работу свободным в межсезонье крестьянским рукам...

Двадцать шесть лет жизни в Сахновке, из которых впустую не потрачено ни дня. Но оделяя удачами и сбывшимися мечтами, жизнь берет за это и плату.

Мы встретились с Захаренко в день, когда он поднялся после сердечного приступа. Щадя его, попросили кого-нибудь в провожатые по школе. Завуч Вадим Александрович Мельников был отличным гидом, а потом все же появился Захаренко, отбил нас, усадил в машину, и мы поехали куда-то, подстегиваемые его загадочным: «А вот еще что я вам покажу!»

Остановились у подножия холма — горы по здешним равнинным местам. Он первый начал подьем, объясняя попутно, что мы взбираемся на знаменитую Девичью гору, где в середине прошлого века была найдена одна из жемчужин древнего искусства — золотая диадема, получившая название Сахновской.

Остановились на вершине, и Захаренко произнес: «Вот здесь проходила в X веке юго-восточная граница Киевской Руси», — и сразу будто пропали комбайны на поле, новенькие домики с телеантеннами над речкой. За спиной была Русь, а на горизонте пылал огонь на сторожевой башне, предупреджая о нашествии кочевников. Нам открылся рубеж истории и еще одна грань в характере Захаренко: если можешь чем-то одарить людей, никогда не упускай такой возможности.

...Начинается урок в девятом классе: Александр Антонович вызывает к доске ученика, предлагает задачу. Поднимает с места ученицу, просит аргументированно оценить ответ. Кивает удовлетворенный: «Я тоже считаю, что ответ на «четверку». Отвечающему же говорит: «Но поставлю ее все-таки с минусом. Знаешь, за что?» Ученик подтверждает, что знает. Класс заинтересован. Теперь или будут слушать внимательнее, или зададут товарищу вопрос на перемене. Оба варианта Захаренко устраивают.

Он не любит давления на ученика, стремится освободить его от пустого почтения перед человеком ли, машиной, кажется, превосходящей нас по возможностям, освободить от почтения перед традицией, становящейся тормозом в поисках нового.

Школьники в Сахновке с первого класса работают за микрокалькуляторами. Старшие ездят в вычислительный центр в город Корсунь-Шевченковский. Сам Захаренко, проходя между партами и заглядывая в тетради, приговаривает: «Ох, по этому пути дойдешь ты до Егора!» Предостерегает: «Егор тебя ждет не дожидается!»

— И правда, Егор! — восклицает один из штурмующих гору науки. Смотрю и я через его плечо. Машина при неправильных действиях печатает на экране английское «error» — ошибка. А Александр Антонович шутки ради слово видоизменяет: получается «еггор», «егор» — так по-свойски и проще.

— А сейчас выключили машинки, пошли к кафедре, — приглашает Захаренко. — Объясню еще раз сегодняшнюю тему. («Я должен по глазам следить, понимают или нет, — объяснил он потом. — Свет зажегся, можно идти дальше»).

В коридоре прохаживается девочка с повязкой на рукаве. Детям не хватает навыков организаторской работы, считает директор. Введена должность его заместителя по организации школьной жизни. По очереди на нее назначаются ученики десятого, а в конце учебного года и девятого классов. Им подвластна внутренняя, а частично и внешняя жизнь школы. Они могут, например, распорядиться ее транспортом, принять гостей, приехавших в Сахновку за опытом, они представляют школу на заседаниях сельсовета.

В вестибюле этой школы портреты всех выпускников начиная с 1958 года. Тогда было решено: если человек запянет себя в жизни, портрет его снимут. Пока все до одного на месте.

В дополнение к правилам поведения ученика, принятым во всех школах, здесь выработали свои заповеди. Они о святости хлеба, труда, материнства, семейных устоев. Вот одно из этих правил: «Есть три вещи, над которыми нельзя смеяться никогда и ни при каких обстоятельствах: патриотизм, любовь к женщине и старость».

Школа в Сахновке учит детей земным вещам, но она хочет, чтобы глаза их были устремлены к звездам.

Надо сказать прямо: со вторым заданием многие читатели не справились. И совсем не потому, что оно было слишком сложным, а прежде всего по невнимательности. Например, не так уж мало участников конкурса, которые, как показывают письма, начали выполнять задание, не вникнув в его условия. Ничем другим нельзя объяснить, что примерно каждый пятый участник даже оформил работу не по правилам. Много в присланных работах и других расхождений с условиями конкурса.

Самая характерная ошибка — включение в кроссворд гораздо больше, чем допускали условия, имен собственных. При этом, оказывается, отнюдь не все знают, чем имена собственные отличаются от имен личных. Разумеется, работы с подобным нарушением правил из конкурса были исключены.

Между тем само задание многим понравилось. Вот, например, письмо из Калининграда: «Я уже принимал участие в одном из ваших конкурсов, на тему «Физкультура и спорт», в котором мне удалось завоевать диплом «Смены». Признаться, новое задание выполнять было значительно труднее и инте-

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги второго задания

реснее. Эту работу мы делали вдвоем с дочерью. Потратили около двух месяцев. Но зато каких месяцев! Пришлось нам с дочерью-семиклассницей обойти все библиотеки города. Не скрою, возникали даже творческие споры между авторами этой работы. Огромное спасибо за конкурс. С уважением Василий и Наталья Ветуховы».

Тщательно проанализировав все присланные в срок работы, жюри присудило первое место кроссворду художника Н. Васильева из Новочебоксарска Чувашской АССР, который опубликован в

«Смене» № 20. Автор набрал 102 очка, сумев многим словам дать интересные определения. Н. Васильев, а также Л. Бирюк из пос. Новоозерное Крымской области, И. Дьяченко из Москвы, Н. Мыриков из Рубцовска Алтайского края и В. Соловьев из пос. Новоасбест Свердловской области награждены дипломами «Смены». Редакция предоставит им право напечатать вне очереди по одному кроссворду, составленному по обычным правилам журнала (самые важные из них изложены в итогах первого задания).

Дипломами «Смены» отмечены также работы (не меньше 73 очков) В. Глушкова из Днепрпетровска, Т. Казипили из Гори Грузинской ССР, Т. Панкратовой из Москвы, Э. Семеновой из Казани, И. Сыровой из Кургана и Ю. Тюлебаевой из г. Серова Свердловской области.

Редакция поздравляет победителей и благодарит всех участников конкурса. Будем рады письмам, в которых читатели предложат интересные условия для новых конкурсов кроссвордистов, за продолжение которых высказались многие из вас.

Владимир АЛЕЙНИКОВ

Луна в сентябре

Отзвуки дальнего гула ночного.
Ветер пройдет — и в саду тишина.
Словно сквозь сон
 прозреваешь ты снова,
Мир пред тобой заполняет луна.
О, эти всплески листвы за окошком,
О, хризантем этих отсвет в ночи!
Льется сиянье, бежит по дорожкам,
В сердце твое проникают лучи.
О, пробудись в эту ночь ненароком,
Выйди навстречу
 кручине с крыльца!
Свет разгорается — там, за порогом,
Краешком острым касаясь лица.

Тени вокруг никуда не уходят,
Неудержимо плывут облака.
Что же с тобою?

 Да так и выходит —
Милое имя выводит рука.
Видишь — вон там,
 позади, за оградой —
Все, что невольно манило сюда.
Быть ему нынче тоской и отрадой —
Что возразишь,

 коль ушло навсегда?
Что и осталось — лишь ясное слово,
Зов с высоты да утрат глубина,
Отзвуки дальнего гула ночного,
Мир, над которым восходит луна.

Владимир ТЫЦКИХ

Сигнальщик

Ветер, даром что вешний,
над мачтой высвистывал грубо,
резал струи дождя,
поднимал и горбатил волну,
и сигнальщик
с усилием
стягивал «бантиком» губы
и дышал на ладони...
Впервые за эту весну
мы коростою льда
не покрылись на выходе в море,
и впервые старпом
командира на чай подменил,
но южак с северком
все еще пребывали в раздоре,
и походная вахта
опять выбивалась из сил.
И сигнальщик
погоду
поругивал голосом хриплым,
и крутил головою,
глаза напрягая до слез,
и дышал на ладони...
Рокочущий дизельный выхлоп
заглушала волна,
на корму налетая
внахлест.
Шел весенний тайфун.
Шли последние сутки похода.
Ветер, дождь, океан
круто делали дело свое.
Но уже неизбежной
была перемена погоды,
и усталый сигнальщик
предчувствовал
первым ее.

Начало недели

Росой умытый ветерок
Сквозит по листьям непослушным,
Не оставаясь равнодушным
К тому, что полдень недалек.
Придется стихнуть, может быть,
А может, в буйстве суматошном
Казаться людям ненарошным
И никого не позабыть.
На солнце жмурятся цветы,
Как дети заспанные, ежась,
Чтоб свежесть дня и непохожесть
Не растерять меж пестроты.
Смешные возятся щенки,
И тычась мордочками в блюдце,
По-человечьи признаются,
Что дни теплы и велики.
На них любуются опять,
Соцурясь, рыжая собака —
Она их кормит — но, однако,
Урча, не прочь и потрепать.
А в небе жгучею слезой
Избыток влаги высыхает —
И взор невольно отдыхает
В пространстве
 с южной бирюзой.

Корни

Смотри на корни — древняя наука
Заклучена в изгибах и узлах.
Здесь, в тайниках, —
 подземная порука
За то, что смысл
 проявится в стволах.
Целебный сок
 поднимется к вершинам,
Насытит ветви влагою глубин.
Чего же ты искал в невыразимом,
Хоть был все реже понят и любим?
И что тебя с годами всё упорней
Влечет сюда, на родину твою,
В осенний сад,
 чтоб песен видеть корни
В закатный час, у века на краю?
Пускай они ранимы и тревожны,
В трудах они — всегда,
 и сад живет,
И столь сильные,
 что ропот их, возможно,
Земное притяженье разорвет.

Стихи о штормах

Изучил сигналы штормовые:
сдал зачеты — уложился в срок.
Но качнет — и снова, как впервые,
палуба уходит
из-под ног.
С борта на борт
мокрый трап —
рывками.
Поскользнусь,
ударюсь на бегу.
Сколько лет к ушибам привыкаю
и никак привыкнуть не могу!
Только знаю:
при любой погоде
мне судьбой
компас надежный дан.
Все шторма
в конце концов проходят.
Остается
Тихий океан.

День укрывался предвечерней мглой.
Клонился к ночи предосенний вечер.
За тучкою, прошедшей стороной,
Другая появлялась издалека.
И быстро наступала темнота.
И обжигала ранняя прохлада.
И листья с задрожавшего куста
Летели за штaketник палисада.
А печь была не топлена в дому,
Но что-то дом иное согревало.
И мама выходила в дождь, во тьму,
И двери за собой не закрывала.
И со двора, из тьмы, издалека
На свет в дому стекались постепенно
Полынный дух парного молока
И шум дождя, и влажный запах сена...

Николай ШУМАКОВ

Вече...

Закат погас
За дальним лугом,
И надвигается туман.
Я, не поладив с давним другом,
Иду печальный
 на курган.

Кто прав?!
Попробуй разберись...
Мы оба
 были непреклонны.
А звезды,
Звезды разбрелись
По голубому небосклону.

...И совесть созывает вече.
И к сердцу подступает вечер...

Звуки гармонии

Виктору Бокову

Из ординаторской поэту
Я позвонил домой,
Чуть жив...
Он, поздоровавшись, ответил:
«Послушай музыку, мужик...»

И предложеньем необычным
Была душа удивлена.
И в светлой комнате больничной
Вдруг наступила тишина.

И слушал я по телефону
Простую русскую гармонию.
Казалось, в сердце чистым звоном
Вливался радости огонь.

И исчезали сразу стены.
Луга мне виделась, поля...
И открывалась неизменной
В цветах весенняя земля.

А песня русская звенела,
Звала в раздолье за собой.
Моя душа с ней вместе пела.
И утихала сердца боль...

Первый художник

Зола,
Скребок,
Рубило,
Кремень-ножик...
Они тут пролежали тыщи лет.
Здесь умер первый истинный
художник,
Оставя свой автограф на скале.
В пещере тихо. За порогом
осень.
Березы, клены — сполохи огня.
И смотрит на меня глазами
лося
Мой пращур, предок —
Искорка меня.

Вячеслав САРКИСЯН

Стихи о долге

Всегда хватает мнений разных...
Настаиваю
 на своем
И утверждаю —
 жизнь не праздник,
Что длится вечно,
 день за днем.

Пусть не согласен будет кто-то —
С какой ни глянешь стороны,
А жизнь — суровая работа,
Перед которой все равны.

Не обольщаюсь даже втайне
Речами сладкими льстеца
И вижу жизнь как испытанье
С начала жизни до конца.

И как бы нам ни приходилось,
Всегда на жизненном пути
Есть долг и есть необходимость
Достойно этот долг нести.

И вопреки стихиям века,
Наперекор любой беде
Быть, как и должно человеку,
Всегда
Во всем
На высоте.

Сднажды слабая догадка
Кольнет больнее, чем игла, —
Случайность, видимость контакта
Нас на короткий миг свела.

Среди всеобщего успеха,
Где кругом ходит голова,
Как два усталых человека,
Мы на ногах стоим едва.

И нас кидает, словно в омут,
В прекрасный мир простых чудес,
Где каждый, вроде, верно понял
И принят так, каков он есть.

На грани полного сиротства
Легко придумать божество,
И просто, очень даже просто
Поверить в близкое родство.

А под ногами нет опоры,
И не видать огней во мгле.
И мы заводим разговоры
С смысле жизни на земле.

И я зову на помощь случай,
Хвалу и честь ему воздам,
Когда судьба для жизни лучшей
Нас разведет по сторонам.

Рисунки Ильеса АЙДАРОВА

**ТРИКОТАЖ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ
ХУДОЖНИКОВ
МОСКОВСКОГО ДОМА МОДЫ
ЛАРИСЫ МУРАТОВОЙ
И ЛЮДМИЛЫ ПАВЛОВОЙ.**

дополнения, входящие в комплект, можно использовать в сочетании с другими вариантами. Причем многие модели одинаково пойдут и девушкам, и юношам. Последним художник по трикотажу Лариса Муратова и конструктор Ольга Бурчуладзе предлагают полностью освободиться от боязни ярких цветов. «Раскрепостите себя, украсьте звонкими красками свою одежду, подчеркните динамику личности!» — призывают художники. Объемные мягкие платья-свитеры и прямые юбки, шарфы и палантин, уютно обнимающие плечи или прихотливо обвивающие голову, образуя сказочный головной убор, — у каждого элемента комплектов свое назначение. Одежда из трикотажа, несмотря на изначальную спортивную направленность, отвечает сегодня требованиям и романтического, и даже классического (знаменитый костюм в духе Шанель) стилей. Несколько преувеличенные формы позволяют полотну свободно ниспадать с фиксированного, подчеркнуто прямого, расширенного плеча, «двигаться» и раскрепощать фигуру, в то же время формируя основную модную линию.

Молодежная мода

ВЯЗАНАЯ НИТЬ

**Фото
Владислава
ЛОКТЕВА**

**Светлана АНИЧКИНА,
искусствовед Московского
Дома моды**

Пастельность прибалтийских красок, красочная геометрия восточных мотивов, графичная определенность северных орнаментов. Простота и ясность общей идеи, выраженной в прямом свободном силуэте, упрощенном крое. Все это о трикотаже, который сегодня часто называют материалом будущего. Не вступая в споры о том, чему грядущая мода отдаст предпочтение — тканям или вязаным полотнам, — художники Московского Дома моды Лариса Муратова и Людмила Павлова создают изделия, в которых сочетаются преимущества вязаных полотен и тканых материалов. Неотъемлемая черта предлагаемых ими моделей — комплектность. Свитеры, пуловеры, жакеты, рейтузы, различные

ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Высказательный художник

Марк Савельевич Либуркин (1910—1953) принадлежит к классикам советского шахматного этюда. Лучшие образцы его творчества — пример подлинно гармоничного единства формы и содержания. Высокая техника составления и необыкновенная требовательность к чистоте жанра позволяли Либуркину «обуздыть» самые сложные романтические замыслы. Ничего лишнего ни в игре, ни в материале!

«Шахматы в СССР»,
II приз, 1931 г.
Выигрыш

1. Kc1! Л: b5 2. e7 Ld5 + 3. Kd3! Л: d3 + 4. Krc2 Ld4! 5. c8Л! Избегая ловушки 5. c8Ф? Лс4 — 6. Ф:с4 — пат! 5... Ла4 6. Kрb3, с выигрышем ладьи, ввиду угрозы мата. 1... Ld5 + 2. Krc2! Теперь не годится 2. Kd3? из-за 3... Л: d3 + 3. Krc2 Ld5 с ничьей. 2... Лс5 +! 3. Kрd3 (3. Kрd2? Л: b5 4. c7 Лb2 + 5. Kрd1 Лс2! 6. Кр: с2 — пат) 3... Л: b5 4. c7 Лb8! В надежде на 5. c8Ф(Л)? — пат! Но ... 5. c8С!

«64», 1935 г.
II—III приз
Выигрыш

1. Ла2! Сg1! Черные все равно теряют фигуру, но создают сильную контригру. 2. Лg2 Kрf3 3. Л: g1 Kрf2 4. Ле1 e4! 5. Ке6 e3. Ладья в халкано, грозит 6... e2 +. Не спасет 6. Kd4? e2 +! 7. К: e2 Kf1 8. Kd4 Ке3 + 9. Kpd2 Kf1 + с вечным шахом. 6. Кс5! А что изменилось? 6... e2 + 7. Kpd2 Kf1 + 8. Krc1!! Кр: e1 9. Kd3 x! Взгляните на начальную позицию! Можно ли было предположить что-нибудь подобное этому матовому финалу?!

«Шахматы в СССР»
IV приз, 1938 г.
Выигрыш

1. Kd4+ Krc3 2. Kb5+ Krc4 3. Kd6+ Krc5 4. Kb7+ Krc6 5. Kd8+ Krc7! 6. Ке6 + Kpd7! 7. Kf8 +! Kpe7 8. Kg6 + Kpf7 9. Kh8 + Kpg7. Белые и не надеялись избежать преследования коня королем. Но отдавать коня надо именно на h8. 10. Л: e1! Кр: h8 11. Лh1 g3 12. Krc3! Kpg7 13. Kpf4 g2 14. Лg1! Kf1 15. Л: g2 + с последующим 16. Лf2.

Конкурс юмористических рисунков

Рисунки Владимира КИРИЛЛОВА, Тула

Рисунок Валерия ХОМЯКОВА, Москва

Рисунок Евгения СОКОЛОВА, г. Красноуральск

По горизонтали:

5. Самоцвет, названный от персидского слова, означающего «золотой камень». 9. Героиня второго художественного произведения Стендаля. 10. Речной водоворот. 11. Черкеска, которую подпоясывают кушаком. 12. Французский лирический поэт. 14. Одно из русских названий бойкого, проворного человека. 15. Известная советская цирковая артистка. 16. Движение орудия после выстрела. 19. Недомогание. 22. Блюдо из грибов, овощей, рыбы под соусом. 26. Героиня в пьесах Софокла. Расина, Кокто, Аюя, Брехта. 27. Особенности, характеризующие индивидуальную речь человека. 28. «Ермак», «Красин», «Арктика» (тип судна). 29. Река, судоходная до города Сарагоса. 30. Город на северо-востоке Коми АССР. 32. Самое важное на паруснике, что должен назубок знать матрос. 36. Стилистическая фигура, о которой Аристотель сказал, что это «есть перенесение имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии». 37. Неприхотливый сорт винограда. 38. Автор повести «Цыган». 40. Почерк древнеславянских рукописей. 43. Машина для холодной или горячей обработки металлов, пластмасс. 46. Местное обезболевание. 47. Охотничья собака, стойка которой — присаживаться перед дичью. 48. Сутки, ..., декада ме-

ся, квартал. 49. Водяной дух в германской мифологии. 50. Птица с длинным хохлом, в волнении раскрываемым веером. 51. Лодка, упоминаемая в романах Ф. Купюра. 52. Советская конькобежка, неоднократная рекордсменка мира.

По вертикали:

1. Обычный в детских книгах размер шрифта. 2. Русская мера жидкости. 3. Самое необычно ... вьет ткачик. 4. «Золото Севера». 6. Ансамбль из девяти музыкантов. 7. Славянский народ, живущий в ГДР. 8. Река в США, известная глубокими каньонами. 9. Представитель народа, вошедшего в середине XIX века в состав румынской нации. 13. Индийская женская одежда из длинного куска ткани. 17. Азиатское маляное дерево. 18. Астроном и математик, именем которого назван первый индийский спутник Земли. 20. Измерительный прибор в электроцепи. 21. Порода кроликов от черного до голубого цвета. 22. Инструмент, обращаться с которым должен уметь мужчина. 23. Математический знак. 24. Советский комедийный киноактер. 25. Армянский курорт в районе звездника. 31. Бог в греческой мифологии с прозвищами «Огрдитель», «Помощник в беде», «Уредитель». 33. Орнамент с причудливым узором. 34. Основоложник азербайджанской сатирической

графики. 35. Бура, канифоль, хлористый цинк как материал в паянии. 39. Древнее название Коринфского перешейка. 40. Школьник. 41. Электронная лампа. 42. Болгарский город, на окраине которого археологи нашли самую древнюю в мире золотую сокровищницу. 43. Вахш и ..., сливаясь, образуют Амударью. 44. Древнегреческий астроном, первым пытавшийся создать теорию движения планет. 45. Влажные тропические леса в Бразилии.

ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 22

По горизонтали:

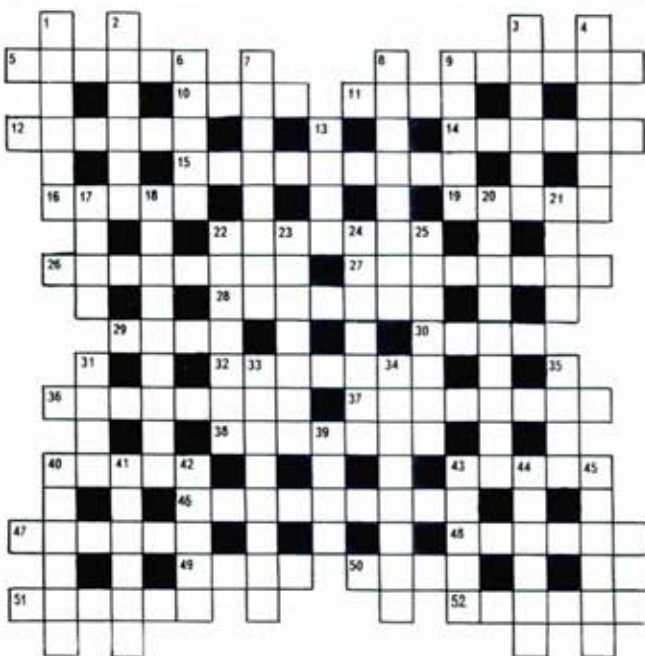
1. Польша. 4. Эталон. 8. Живопись. 9. Мушкетер. 12. Рать. 13. Толстой. 14. Юбка. 17. Валери. 18. Индошатики. 20. Ловец. 21. Химия. 27. Заратустра. 28. Террор. 30. ... день. 31. Серебро. 32. Удел. 35. Меткость. 36. Батюшков. 37. Нораец. 38. Чакона.

По вертикали:

1. Повитель. 2. Липа. 3. ... шесток. 5. ... трудолюбие. 6. Люкс. 7. Нотабене. 8. Жертва. 10. Ржанка. 11. Есян. 15. Яркость. 16. Кабинет. 19. Бессмертие. 22. Узедом. 23. Кренстон. 24. Орлец. 25. Тридакна. 26. Фролов. 29. Армада. 33. Гонг. 34. Гюго.

КРОССВОРД

Составил И. ГЕЛЬФМАН, Минск

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 20.10.86. Подписано к печати 31.10.86. А 02049. Формат 70 x 108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150 (00 экз. Изд. № 2948. Заказ № 3935. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24

Игорь ЛАРИОНОВ

Уважаемые друзья! По вашим многочисленным просьбам посвящаем очередной выпуск рубрики «Спортивный автограф» замечательному советскому хоккеисту, нападающему ведущей пятерки сборной страны Игорю Ларионову.

Рассказать об этом спортсмене просили редакцию П. Чемулецкая (Ленинград), А. Бульчева (г. Александров), И. Гавриш и А. Крючкова (г. Шевченко), С. Ларионова (Ростов-на-Дону), Л. Алексеев (Мурманск), Т. Федосеев (Барнаул) и многие другие.

Ждем ваших пожеланий, дорогие читатели.

Сергей — дисциплинирует с ранних лет, воспитывает чувство ответственности, закаляет характер, и я благодарен ему за эту науку жизни.

Игорь Ларионов

Фото Анатолия БОЧИНИНА

Токать воскресенского объединения «Минудобрение» Николай Иванович Ларионов все свободное время проводил летом на футбольном поле, зимой — на льду хоккейной площадки. И всегда вместе с ним на играх и тренировках были его сыновья — Евгений и Игорь. Стадион постепенно стал для мальчишек вторым домом. Увлеченностью братья пошли по стопам отца, однако любовь свою не делили между хоккеем и футболом, сразу и навсегда отдав предпочтение первому. Когда детская команда Воскресенска добилась права участвовать в финальных соревнованиях на приз «Золотая шайба», в ее составе уже играл нападающий Игорь Ларионов.

Голубоглазый, небольшого роста, щуплый, он уже тогда отличался от сверстников пластичным катанием на коньках, стремлением сыграть осмысленно, найти передачей партнера.

Игорь рассказывает: — Прошло уже 15 лет, но до сих пор те первые соревнования на приз «Золотая шайба» остались незабываемыми. Все было, как у мастеров: заполненные зрительными бурлящие трибуны, чувствование победителей. Вот тогда полюбил я хоккей окончательно.

Несколько лет Игорь совершенствовал мастерство в клубных командах «Химика», а в 1978 году на молодежном чемпионате Европы в Финляндии вошел в символическую шестерку лучших игроков турнира. В 1979 году в Швеции и в 1980 году в Финляндии наша молодежная сборная с блеском победила на чемпионатах мира. Атаки советской команды возглавляли нападающие Крутов и Ларионов. В те годы тренером молодежной сборной работал заслуженный тренер СССР Виталий Давыдов. Он вспоминает: «С самого начала было ясно, что и Крутов, и Ларионов — потенциальные игроки сборной СССР, настолько они превосходили сверстников во всех элементах игры: индивидуальной техникой, скоростью, особым хоккейным блеском».

А еще раньше, когда Игорю было только 16 лет — случай исключительный! — его приглашают в команду мастеров «Химик». Через два года последовало еще более лестное предложение сразу от двух столичных клубов — ЦСКА и «Спартак». Игорь отказывается. Почему? На этот вопрос он отвечает так:

— Переход в ведущий клуб — шаг сложный в судьбе хоккеиста. Перед новичком сразу же возникает много проблем: тренировки с повышенными нагрузками, обретение взаимопонимания с именитыми партнерами, среди которых легко стусеваться и не только не повысить мастерство, но потерять то, что умел. Я не был готов морально к переходу, да и тренеры просили меня еще год поиграть за «Химик». Последнее было для меня важнее всего.

На следующий год предложение из ЦСКА повторилось. На семейном совете

с правом решающего голоса присутствовал друг семьи тренер Н. С. Эпштейн. Он и поддержал решение Игоря перейти в ЦСКА.

В ту пору Виктор Тихонов формировал ведущую пятерку ЦСКА и сборной. Пятерке не доставало центрального нападающего. Выбор пал на Ларионова. Помните, некоторые хоккейные авторитеты скептически утверждали: «Не потянет, рано ему в компанию к четырем чемпионам мира». Рисковал ли Тихонов, доверяя самый ответственный пост — центрального нападающего — новичку, тем более что по его замыслу этой пятерке была уготована роль лидера сборной?

Сам Виктор Васильевич на этот вопрос ответил вот что:

— Светлая голова, отменные способности, стремление познать тонкости игры, честный, открытый характер Игоря сводили риск к минимуму.

Для самого Ларионова настал тогда тяжелый период.

— Даже после тренировок, — вспоминает он, — я ни на минуту мысленно не расставался с хоккеем — анализировал действия партнеров по звену, защитников, проигрывал в уме варианты атаки и постоянно был недоволен собой. Очень много мне дали индивидуальные занятия Тихонова и Моисеева.

Здесь предоставим слово Владиславу Третьяку:

— Желания тренироваться и таланта у Игоря предостаточно. Но ему присущи и такие редкие качества, как умение творчески мыслить, просчитывать варианты атаки на несколько ходов вперед. Каждой передачей, перемещением по льду он **конструирует** игру. В нем чувствуется сила духа, желание бороться до победы...

Два года назад Игорь Ларионов окончил институт, получил специальность преподавателя физкультуры, думает продолжить образование. Любимое занятие после тренировок — чтение.

Показываю Игорю статистические данные результативности первого звена ЦСКА в играх чемпионатов страны, международных турниров. Партнеры Ларионова Крутов и Макаров забивают значительно больше.

— Поверьте, — говорит Игорь, — мне абсолютно все равно, кто забьет — Сергей, Володя или я. Главное, чтобы была игра, чтобы забивала наша команда, чтобы зритель получал удовольствие от хоккея.

Успех команды во многом предопределяет игра вратаря и центральных нападающих. На разных этапах развития советский хоккей прославили выдающиеся мастера атаки — центровые А. Гурьев, В. Шувалов, А. Альметов, В. Старшинов, В. Петров, В. Шадрин. Сегодня Игорь Ларионов, трехкратный чемпион Европы, двукратный чемпион мира, олимпийский чемпион, продолжает традиции лучших центральных нападающих отечественного хоккея.

Борис ЛЕВИН